

4

ком

X 36

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ
ВЕНГЕРСКО-
САМОДИЙСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Е.А. ХЕЛИМСКИЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ
ВЕНГЕРСКО-САМОДИЙСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

(Лингвистическая и этногенетическая
интерпретация)

192841

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

В монографии дан обобщающий анализ конкретных проявлений древнейших межгрупповых связей в пределах уральской языковой семьи, преимущественно на венгерском и самодийском (ненецкий, селькупский и др. языки) материале и раскрыты исторические предпосылки их возникновения. Новое историческое объяснение получает ряд грамматических явлений венгерского языка.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А.А. ЗАЛИЗНЯК

Евгений Арнольдович Хелимский
ДРЕВНЕЙШИЕ ВЕНГЕРСКО-САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
(Лингвистическая и этногенетическая интерпретация)

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т.М. Дривинг. Художник С.Б. Генкина
Художественный редактор Г.П. Поленова. Технический редактор Г.П. Каренина

ИБ № 25056

Подписано к печати 11.12.81. Формат 60х90 1/16. Бумага офс. 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 628. Цена 1р. 80к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Офсетное производство 3-й типографии издательства "Наука"

Москва, К-45, ул. Жданов., д. 12/1

460200000 - 022
Х 490-82.
042 (02) - 82

© Издательство "Наука",
1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Венгерский и самодийские языки далеко отстоят друг от друга не только территориально, но и классификационно: венгерский, наряду с обско-угорскими языками (хантыйским и мансийским), входит в угорскую группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи, тогда как самодийские языки (ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, камасинский и исчезнувшие саяно-самодийские диалекты) образуют вторую самостоятельную ветвь этой семьи. Тем не менее сравнительное изучение венгерского и самодийского языкового материала, послужившее основой для этой книги, позволяет выявить комплекс объединяющих эти языки параллелей (изоглосс) - параллелей специфических и точных, хотя порой и скрытых за напластованиями многовекового языкового развития; параллелей неожиданных, ибо они не находят объяснения в традиционной реконструкции уральского праязыка, общего предка венгерского и самодийских языков, и не могли появиться за счет каких-то вторичных связей между древними (а тем более современными) венграми и самодийцами.

Таким образом, для установления генезиса этих параллелей следует обратиться к проблеме отношений между предшественниками отдельных классификационных подразделений уральской языковой семьи на ранних этапах их дивергенции. При этом общие явления венгерского и самодийских языков, не выводимые из прауральской реконструкции, предстают как непосредственные отражения угорско-самодийских связей глубокой древности - периода, предшествовавшего отделению венгерского языка от обско-угорских и началу миграций древних венгров, а равным образом и распаду прасамодийской языковой общности и заселению самодийцами субарктических районов. Использование в сопоставительном анализе венгерского языкового материала дает средства для отграничения наследия таких древнейших связей от результатов взаимодействия между обско-угорскими и самодийскими языками Западной Сибири в более поздние эпохи (с середины I тыс. до н.э. и до наших дней).

Недостаточная разработанность проблематики генетических и ареальных взаимоотношений между отдельными группами уральских языков, наличие целого ряда фрагментарных и не доказанных (хотя и не опровергнутых) гипотез в этой связи сделали необходимым рассмотрение вопроса о генезисе древнейших венгерско-самодийских языковых параллелей на достаточно широком общевосточнославянском фоне и уделение значительного внимания критическому разбору некоторых оригинальных концепций из работ венгерских, финских, советских, американских и других специалистов. Стремлением к анализу существующих альтернатив 1-2 зак. 628

ных точек зрения мы руководствовались и в тех разделах книги, которые посвящены частным вопросам исторической грамматики и этимологии исследуемых языков.

Помимо опубликованных источников, в данной работе использованы доступные нам, но еще не вошедшие в широкий научный обиход материалы по самодийским языкам, полевые и архивные. Полевые материалы отражают современный этап развития самодийских языков и являются результатом работы лингвистических экспедиций 1969-1979 гг., организованных доцентом кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ А.И. Кузнецовой. Наиболее обширные корпуса данных собраны по тазовскому диалекту селькупского языка (частично вошли в первый том "Очерков по селькупскому языку" А.И. Кузнецовой, Е.А. Хелимского и Е.В. Грушкиной, изданный в 1980 г.) и тундровому диалекту энецкого языка (находятся в стадии обработки), имеются также ограниченного объема записи по лесному диалекту энецкого языка, нганасанскому языку, ненецким диалектам. В тексте книги неопубликованные данные из собранного экспедициями МГУ материала снабжаются - если в соответствующем месте не оговорено их исключительное или преимущественное использование - пометой (МЭ). Следует отметить, что данные приводятся, как правило, в унифицированном виде, с переводом фонетических полевых записей в фонологическую транскрипцию.

Как известно из работы И.С. Вдовина (Вдовин, 153-155) в Центральном государственном архиве древних актов (Москва), Архиве АН СССР (Ленинград) и Рукописном отделе Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранятся обширные архивные собрания рукописей по языкам Севера, в частности по самодийским языкам, относящиеся главным образом к XVIII в. Автору удалось ознакомиться со значительной частью этих собраний и, с любезного согласия администрации архивов, снять копии с наиболее интересных словариков самодийских языков, которые и использованы с соответствующими ссылками в настоящем исследовании. Проблема оригинальности и преемственности рукописных и печатных словариков XVIII - начала XIX в. (применительно к саяно-самодийским языкам) рассмотрена нами в отдельной статье (Хелимский ЯТ VI).

Старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР Ю.Б. Симченко любезно предоставил в наше распоряжение экземпляр своей неопубликованной работы "Материалы по нганасанской лексике", основная часть которой представляет собой русско-нганасанский словарь более чем на 2 тыс. слов. Этот словарь дополняют собранные также Ю.Б. Симченко тематические списки нганасанской лексики, хранящиеся в научном архиве Института этнографии. Мы с благодарностью пользуемся возможностью оперировать этими новыми материалами, существенно расширяющими корпус сведений о лексике одного из наименее изученных языков уральской семьи.

В этом предисловии уместно, по-видимому, оговорить и ссудо автора книги по некоторым принципиальным вопросам сравнительно-исторической уралоистики.

В ряде мест настоящего исследования мы касаемся вопроса о возможности реконструкции тех или иных грамматических категорий и их показателей для уральского праязыка (и для праязыков-потомков - финно-угорского, угорского, самодийского), выдвигая, в частности, некоторые

связанные с этим новые этимологические гипотезы. При этом мы, во-первых, исходим из представления о праязыке как о реально существовавшей в прошлом и обслуживавшей определенную территориальную общность языковой системе, по-разному преобразованной языками-потомками, а не как о более или менее условной схеме, создаваемой путем реконструкционных манипуляций. В связи с этим следует, на наш взгляд, признавать возможное существование в праязыке таких материальных и структурных явлений, которые сохранились лишь в небольшой части языков-потомков и даже не сохранились ни в одном из них (и, таким образом, формально оказываются нереконструируемыми). Во-вторых, мы придерживаемся мнения о том, что уральский праязык был в принципе типологически близок уральским языкам нового времени (взаимное типологическое сходство которых достаточно очевидно) и, соответственно, обладал богатой системой словоизменения и словообразования, а в целом был не менее "развит" и не более "примитивен", чем те из его языков-потомков, которые до последнего времени оставались мало затронутыми европейским культурным влиянием и его внутриязыковыми последствиями - например, обско-угорские или самодийские языки. Вполне справедливыми представляются и сомнения в оправданности реконструкции финно-угорского (resp. уральского) праязыка как чисто агглютинативного (Korhonen EFOu XIII); логично думать, что ему - как и всем языкам-потомкам - были присущи заметные отклонения от "агглютинативного идеала", в частности, морфонологические чередования, причем, вероятно, отнюдь не столь универсальные и произвольные, как это предполагают теории чередования ступеней Э. Сетяля или теории вокализма В. Штейница. Никакие доказуемые собственно лингвистические или культурно-исторические соображения не препятствуют тому, чтобы видеть в уральском праязыке скорее язык современного типа, нежели одну из форм человеческого языка в эпоху его первоначального становления. Таким образом, в этом вопросе мы придерживаемся точки зрения Б. Коллиндера, П. Хайду и ряда других современных исследователей, постулирующих богатство морфологической системы праязыка и имплицитно (в предлагаемых реконструкциях), и эксплицитно (см., например, Hajdú CSIFU, 157-159).

Принципиально иная точка зрения, предполагающая крайнюю ограниченность прауральского набора грамматических средств (см., в частности, Farkas UAJb XXVI; Décsy Einf.; Kövesi STIFU; Kövesi MNy LXXII), диктуется, как нам кажется, не только и не столько стремлением к осторожности и максимальной обоснованности в праязыковых реконструкциях, сколько желанием объяснить историческое развитие уральских языков как глоттогонический процесс. Думается, однако, что не только реконструкция прауральского языкового состояния, но и значительно более глубокая ностратическая реконструкция (Иллич-Свитыч I-II) не дает ключа к тайнам глоттогонии.

Нужно также оговорить, что использование в ряде мест данной работы праязыковых форм с вокалической огласовкой, основанной на реконструкции Э. Итконена, должно оцениваться как своего рода условность записи, поскольку вопрос о реконструкции уральского вокализма практически остается пока открытым. Две конкурирующие концепции на этот счет (Э. Ит-

конена и В. Штейница) имеют, несмотря на полное несходство выводов, немало общего в методологическом отношении. В обоих случаях реконструкция опирается на систему вокализма "ключевого языка" (для В. Штейница таковым является прахантыйский, практически тождественный в этом отношении восточнохантыйским диалектам, для Э. Итконена - прибалтийско-финский праязык, весьма близкий современному финскому), в обоих случаях многие соответствия не укладываются в рамки реконструкции и оцениваются как следы чередований (Штейниц) или результаты спорадических изменений (Итконен). При этом реконструкция Э. Итконена достаточно полно объясняет факты саамского и чуть хуже - мордовского вокализма, наталкивается на ряд проблем в связи с рефлексам гласных в восточных финно-угорских языках и обладает лишь минимальной объяснительной силой в отношении самодийского вокализма (что с большой наглядностью - хотя, возможно, и вопреки собственному желанию - показал П. Саммаллахти; см. Sammallahhti FUF XLIII); это позволяет считать ее более или менее надежной реконструкцией для финно-саамского или, в лучшем случае, финно-волжского состояния, но отнюдь не экстраполировать ее на финно-угорский и тем более уральский праязык. Что касается теории В. Штейница, то она не позволяет удовлетворительно объяснить соответствия гласных даже в пределах одной только угорской языковой группы. Все это делает вполне обоснованной критику, направленную в адрес обеих концепций праязыкового вокализма одновременно (Décsy MSUA II, 26 ff.; Viitso KS VI, 103-104). По-видимому, путь к адекватной реконструкции вокализма уральского праязыка лежит в отказе от принципа "ключевых языков", параллельном рассмотрении данных всех языковых групп, более тщательном учете взаимодействий между гласными первого и непервых слогов, отходе от презумпции обязательного вокалического ауслаута (см. Хелимский Черед., 127-128), принятии во внимание акцентуационных, в частности тональных, факторов (см. Хелимский NyK LXXIX). Важнейшее значение имеет и уточнение вокалической реконструкции для отдельных групп языков-потомков (значительный прогресс достигнут в реконструкции прасамодийского вокализма - см. Janhunen NHy XIX-XX; Janhunen¹).

* * *

Ряд общих соображений и конкретных решений, содержащихся в этой книге, несет на себе отпечаток обсуждений в рамках Ностратического семинара им. В.М. Иллич-Свитыча при Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Выполняя свой приятный долг, автор выражает искреннюю благодарность членам семинара и всем коллегам, пробудившим и поддержавшим в нем интерес к исследованию венгерско-самодийских языковых параллелей.

¹ Некоторые второстепенные отличия разрабатывавшегося нами варианта северносамодийской реконструкции от результатов Ю. Янхунена оговариваются в соответствующих местах книги; см. также Хелимский. Реконстр. лаб.

Глава первая ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВ ВНУТРИ ФИННО-УГОРСКОЙ И САМОДИЙСКОЙ ВЕТВЕЙ

1.0. Рассмотрению условий формирования древнейших угорско-самодийских языковых связей (глава вторая) и конкретных отражений этих связей в венгерском и самодийских языках (глава третья) мы предпосылаем настоящую главу, которая посвящена соотношению языков внутри каждой из двух ветвей уральской семьи. Глава эта служит, помимо всего прочего, своего рода введением в проблематику ареально-генетических связей между уральскими языками.

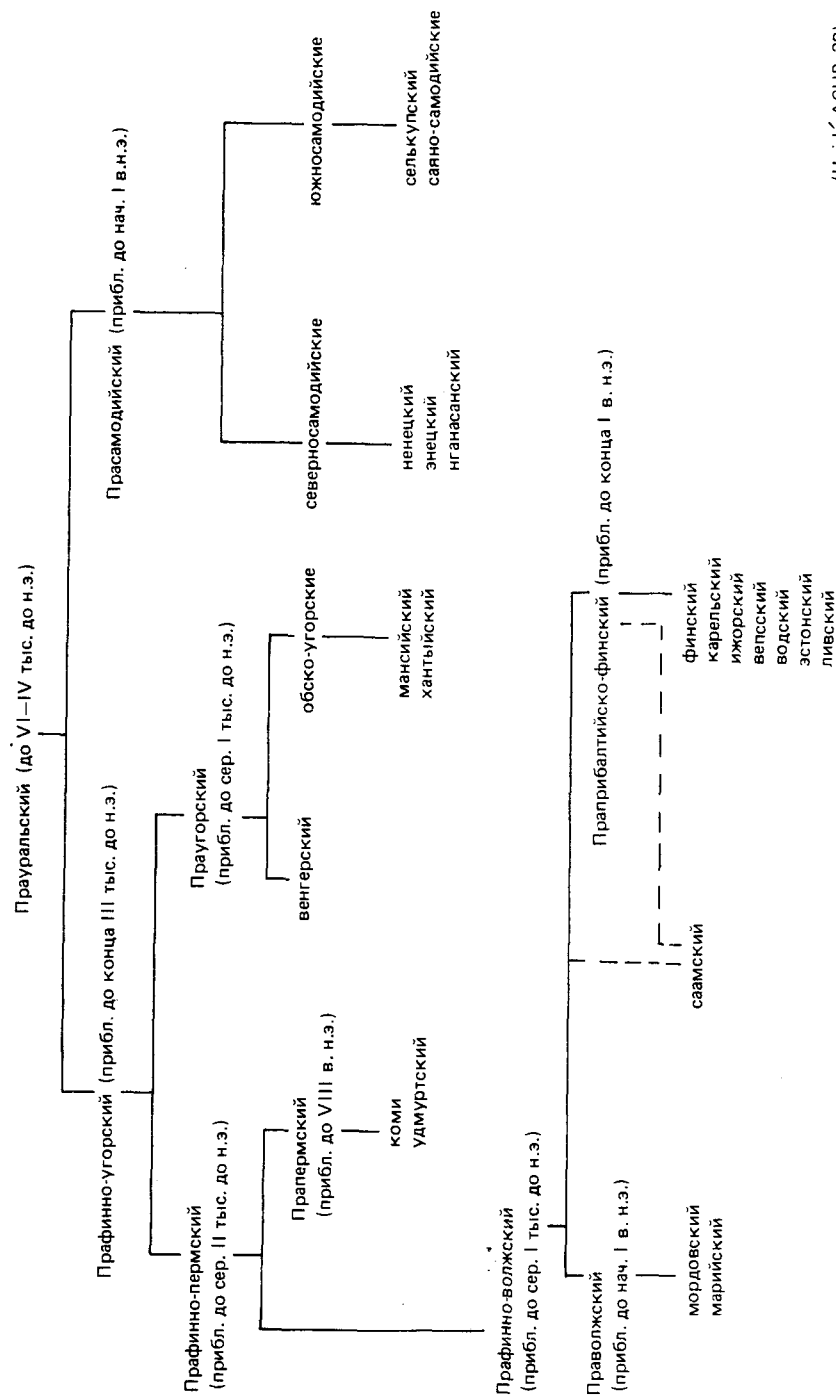
В разделе 1.1. изложена концепция генезиса межгрупповых связей. Она построена на материале финно-угорских языков, соотношение которых изучено гораздо полнее, чем соотношение отдельных финно-угорских групп с самодийскими языками. Результаты, полученные в этом разделе, а) создают теоретические предпосылки для анализа связей венгерского и других угорских языков с самодийскими; б) позволяют уточнить место угорских языков по отношению к финно-пермским и место доугорских диалектов праязыка по отношению к дофинно-пермским (что также весьма существенно для анализа взаимоотношений угорских языков с самодийскими); в) дают возможность полнее охарактеризовать соотношение угорских языков друг с другом.

В разделе 1.2. предпринята попытка решения аналогичных проблем ареального и генетического характера применительно к самодийским языкам. Здесь же содержится изложение некоторых новых результатов, касающихся классификации самодийских языков и лингвистических вопросов этногенеза самодийских народностей. Эти результаты широко используются в других частях работы при отборе материала для исследования, при реконструкции прасамодийских форм, сопоставляемых с венгерскими и обско-угорскими, при интерпретации тех или иных явлений, обнаруживающих параллелизм в венгерском и самодийских языках.

1.1. Проблемы соотношения финно-угорских языков

1.1.1. Генеалогическое древо финно-угорских языков

Со времен А. Шлейхера одним из важнейших методологических приемов сравнительно-исторического языкознания является построение родословных древ для семей родственных языков, отражающих их генеалогическую классификацию. Хотя абсолютизация этого приема, сводящая историю язы-

(Hajdu ACUP, 39)

ковой семьи к цепочке скачкообразных дроблений, делала его легкой мишенью для критики, он, бесспорно, выдержал испытание временем и остается надежным и наглядным (хотя и не вполне точным) средством представления взаимоотношений родственных языков. Без родословного древа в явной или неявной форме не удастся обойтись ни в приобретающих ныне все более широкий размах исследованиях компаративистов по неевропейским языкам (когда недостаточность лингвистического материала по одному из многочисленных языков какой-либо семьи или группы можно в известной мере компенсировать наличием данных из наиболее близкого генеалогически языкового родственника), ни при формировании представительных выборок языков для типологического сопоставления, ни, разумеется, при использовании лингвистических данных для решения проблем этногенеза. Следует заметить, что - если не считать крайних интерпретаций теории волн И. Шмидта, в рамках которых за приемом построения родословных древ отрицается всякая научная состоятельность (см. об этом Звегинцев ОИЯ, 11-13) - критика носит преимущественно предостерегающий характер, признавая принципиальную адекватность родословных древ, но - еще со времен младограмматиков - отмечая, что процесс языковой дифференциации во многих случаях проходит постепенно и что поздние деления языкового континуума могут неоднозначным образом соотноситься с предшествующим им диалектным членением (Пауль, 60-67; Сосюр, 244-247; Блумфилд, 342-350). Такой подход получил, в частности, распространение в современном славянском сравнительно-историческом языкознании - одной из наиболее развитых областей компаративистики. "Дивергенция общеславянского на отдельные славянские языки, традиционно подразделяемые на три ветви - восточно-, западно- и южнославянскую, не может представляться как однородное, прямолинейное развитие от общего языка-предка через определенные четко обозначенные промежуточные стадии - общевосточнославянский, общезападнославянский и общекославянский - и до отдельных языков. В действительности процесс эволюции был гораздо более сложен... Сложность и стратифицированность внутренних связей между диалектами общеславянского по отношению к ныне общепринятому делению славянских языков на три ветви не должны, впрочем, интерпретироваться в том смысле, чтобы предполагать замену этого твердо установленного деления на какое-то другое, более адекватное... Напротив, можно утверждать, что нынешнее деление на три ветви действительно лучше всего соответствует статистическим фактам общеславянских пучков изоглосс" (Birnbau Dialects, 94, 97). Сходным образом обстоит дело и с германскими языками (Lehmann Grouping).

В финноугроведении и уралоистике представления о генеалогической классификации языков внутри семьи, сложившиеся к началу нашего века - см. схему Э. Сетяля (ОФУЯ I, 38), а также Szinyei FUS, 18-19 - имеют традиционный характер и лишь в незначительных деталях (расхождения касаются в основном финно-волжской ветви) видоизменяются у Д. Дечи (Décsy Einf., 154), а также в наиболее

известной в настоящее время схеме уральского родословного древа, предложенной П. Хайду (Hajdú FNNU, 59; Hajdú Bev., 14; Hajdú ACUP, 39, а также ОФУЯ I, 39). В последнем по времени публикации варианте эта схема выглядит следующим образом (см. схему 1).

Принципиальная правильность этой традиционной схемы в целом признается и теми исследователями, которые предполагают важную роль конвергентных процессов (явлений аттракции) в формировании современных уральских языков, как П. Равила и Б.А. Серебренников (Ravila JSFOu LX⁶; Серебренников ВЯ 1957), или допускают возможность возведения уральских языков к двум заметно отличающимся диалектам праязыка, как Я. Гуя (Gulya STIFU; ОФУЯ I, 37-39). Теория волн в ее наиболее радикальной интерпретации (когда эта теория не дополняет, как у Б.А. Серебренникова (ВЯ 1957), а заменяет собой концепцию генеалогического древа) нашла в финноугроведении сравнительно мало приверженцев; в этой связи может быть упомянут финский археолог К.Ф. Мейнандер, который считает, что "так называемый язык-основа - гипотетическое понятие, аккумулирующее и связывающее общие характеристики отдельных живущих языков. У нас нет гарантии существования ни такого языка-основы, ни каких-либо протофинно-угров, которые якобы говорили на этом языке" (Мейнандер ЭФУН, 18-19). Языковые параллели между финно-угорскими языками К.Ф. Мейнандер признает результатом вторичных связей между издавна населявшими северо-восточную часть Европы различными этническими группами. Такой подход правомерно отвергается большинством финноугроведов. Впрочем, взгляды лингвистов расходятся в отношении того, являются ли исторической реальностью некоторые промежуточные праязыки (финно-пермский, финно-волжский, волжский и др.). К утвердительному ответу на этот вопрос склоняется Д. Дечи, ставящий, в частности, задачу реконструкции финно-волжского праязыка (Décsy Einf., 190). П. Хайду подчеркивает диалектно неоднородный характер любого из фигурирующих в его схеме праязыков и интерпретирует "даты распада" как те периоды времени, когда диалектные различия "приобретали столь крупные масштабы, что люди, говорившие на диалектах двух крупных областей, постепенно переставали понимать друг друга" (Hajdú FNNU, 55). В другой работе он признает существование финно-волжского и волжского праязыков недостоверным, а таких праязыков, как прибалтийско-финско-саамский и угорский, по крайней мере не бесспорным (Hajdú FrommFestschr.). Б. Коллиндер предпочитает оперировать отдельными группами (units) финно-угорских языков и диалектов (прибалтийско-финская, саамская, мордовская, марийская, удмуртская, коми, мансийская, хантыйская, венгерская), высказывая, в частности, сомнения в существовании финно-пермского единства: "У нас нет достоверных сведений о какой-либо исторической группировке, которая бы включала все неугорские языки и была бы отделена от угорской группы" (FUV, XIII). Во многих сводных исследованиях последнего времени (Иллич-Свитыч I-II; ОФУЯ II-III) рассмотрение материала

идет по шести достаточно отчетливо выделяющимся группам финно-угорских языков - прибалтийско-финской, саамской, мордовской, марийской, пермской и угорской.

Некоторая сдержанность, проявляемая рядом лингвистов по отношению к возможности интерпретации бифуркаций схемы как реальных процессов распада в истории финно-угорских языков, связана, очевидно, с тем, что традиционная генеалогическая их классификация сама по себе еще не дает полной картины взаимоотношений между этими языками (вопросов классификации самодийских языков и их связей с финно-угорскими языками мы в этом разделе не касаемся). Эта неполнота, безусловно, связана с уже упоминавшейся сложностью реальных процессов языковой дифференциации, которые в родословном древе представлены схематично, упрощенно.

1.1.2. Финно-угорские языки в свете лексикостатистических данных

Как нам представляется, современной уралистикой накоплен достаточно обширный фактический и сопоставительный материал, позволяющий преодолеть отдельные условности верных в своей основе традиционных генеалогических схем.

Весьма показательную картину дают лексикостатистические данные по финно-угорским языкам (Raun UAJb XXVIII). Процент этимологически тождественной лексики в первом варианте списка Сवादеша (215 слов) для отдельных пар языков отражает следующая таблица:

Т а б л и ц а 1

	Финский	Саамский	Мордовский	Марийский	Удмуртский	Коми	Мансийский	Хантыйский	Венгерский
Финский	-	34	32	31	28	30	22	20	21
Саамский	34	-	31	32	25	25	22	22	20
Мордовский	32	31	-	40	34	31	26	25	26,5
Марийский	31	32	40	-	40	38	26,5	25	26
Удмуртский	28	25	34	40	-	70	27	25,5	25
Коми	30	25	31	38	70	-	28	24	22
Мансийский	22	22	26	26,5	27	28	-	48	34
Хантыйский	20	22	25	25	25,5	24	48	-	27
Венгерский	21	20	26,5	26	25	22	34	27	-

(Raun UAJb XXVIII, 152)

В соответствии с принципом интерпретации данных лексикостатистики процент совпадений для пары языков тем выше, чем ниже находится соответствующая этой паре точка ветвления древа генеалогической классификации. Данные А. Рауна, однако, свидетельствуют о том, что вид этого древа

будет неодинаков для различных точек (=языков) отсчета:

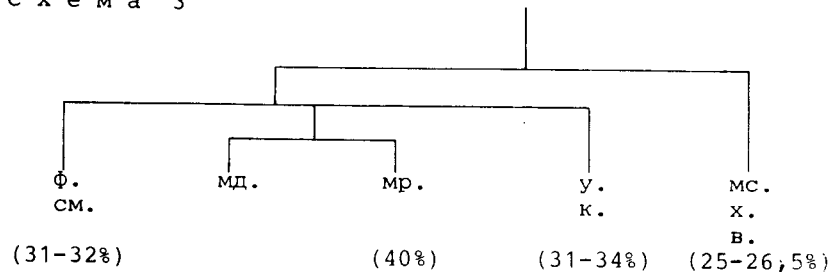
а) беря за основу процент совпадений между финским или саамским языком, с одной стороны, и прочими языками, с другой, мы получим "классическую" схему финно-угорского генеалогического древа (ср. схему 1):

С х е м а 2

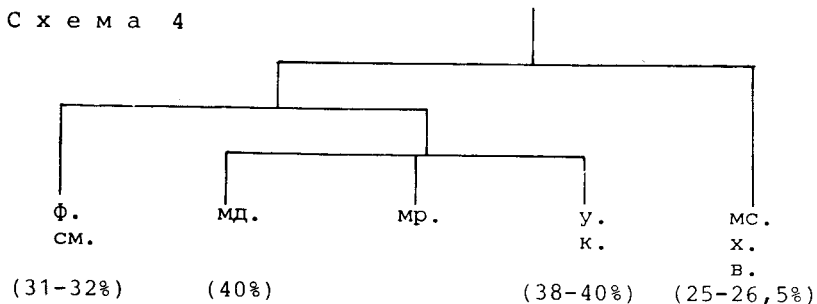
б) строя схему на основе мордовского языка, придется признать его примерно равную близость финно-саамским и пермским языкам:

С х е м а 3

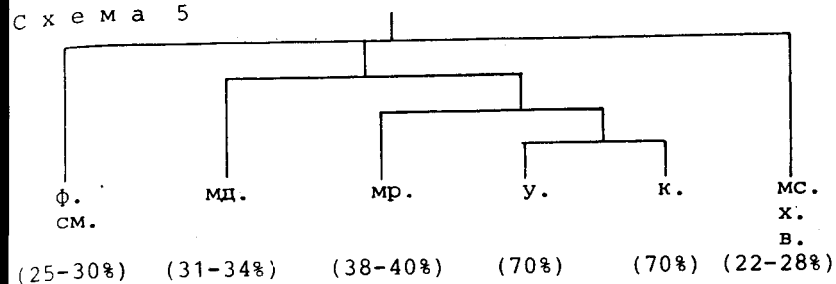
в) картина заметно изменится при опоре на лексические связи марийского языка:

С х е м а 4

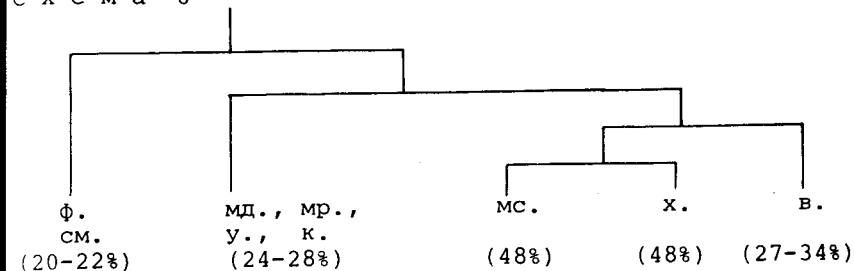
г) оба пермских языка дадут (при некотором огрублении цифр с целью упрощения картины) такое древо, в котором отсутствует противопоставление финно-пермской и угорской ветвей, сохранявшееся в трех предыдущих схемах:

С х е м а 5

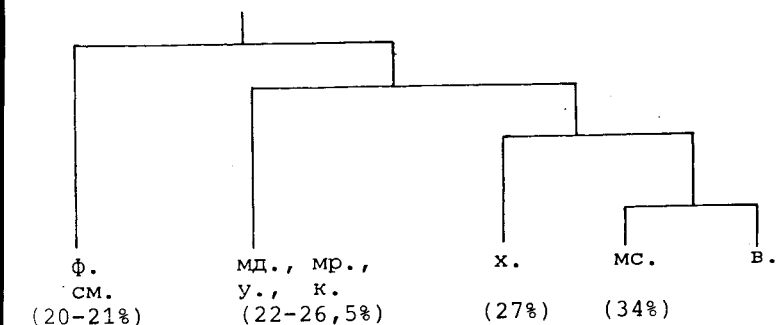
д) опора на обско-угорские языки приводит к выводу о существовании волжско-угорской ветви, рано отделившейся от финно-саамской:

С х е м а 6

е) лексикостатистическое сравнение венгерского языка с остальными членами финно-угорской семьи дает примерно такую же схему генеалогического древа, заставляя, однако, признавать венгерско-мансийское родство более тесным, чем венгерско-хантыйское:

С х е м а 7

Зависимость вида схем от языка отсчета не изменится и при использовании цифр по второму варианту списка Свадеша, который призван снизить воздействие случайных факторов на конечный результат (Свадеш, 60) (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

	финский	Мордовский	Марийский	Коми	Венгерский	Ненецкий
Финский	-	34	36	31	27	15
Мордовский	34	-	36	27	25	15
Марийский	36	36	-	40	30	19
Коми	31	27	40	-	26	11
Венгерский	27	25	30	26	-	13
Ненецкий	15	15	19	11	13	-

(Raun UAJb XXVIII, 153)

Очевидно, что схемы 3-7 не могут быть сведены к "классической" схеме 2 или объединены с ней в какое-либо иное генеалогическое древо стандартного вида (т.е. предусматривающее последовательное ветвление и не допускающее перекрещивания ветвей). Вряд ли обоснованной будет и ссылка на известные несовершенства лексикостатистического метода: в том, что касается достаточно очевидных для уралоистики вопросов классификации (тесное родство прибалтийско-финских и саамского языков, пермских языков, угорских языков; отдаленность ненецкого языка от финно-угорских), цифры А. Рауна прекрасно укладываются в рамки традиционных представлений. Характерно и то, что вид схем не меняется при выборе в качестве точки отсчета того или иного из наиболее родственно близких языков (финский или саамский, коми или удмуртский, мансийский или хантыйский). Таким образом, рассматриваемые лексикостатистические данные могут считаться объективным отражением реально существующих межъязыковых отношений в пределах уральской семьи, и те их моменты, которые противоречат традиционной генеалогической классификации, заслуживают объяснения¹.

¹ Лексикостатистике уральских языков посвящена еще одна из опубликованных в последние годы работ (Davies-Ross FUF XLI). Приводимые в ней данные (см. особенно табл. VI на с. 40) в целом удовлетворительно коррелируют с данными А. Рауна. Однако авторы пользуются совершенно неприемлемым приемом отбора исходного для расчетов материала, основываясь исключительно на этимологическом словаре Б. Коллиндера (FUF). Во-первых, финно-угорская часть словаря содержит только ту лексику, которая представлена в угорских языках и в одной из групп финно-пермских языков (FUF, XIII-XIV), ввиду чего авторы получают очень высокие индексы сохранности праязыковой лексики в угорском. Во-вторых, к середине 50-х гг. (ко времени первого издания FUF) финско-венгерские или саамско-ненецкие этимологические параллели были выявлены гораздо полнее, чем, например, марийско-хантыйские или удмуртско-энецкие, а это обуслови-

1.1.3. Попарные межгрупповые связи финно-угорских языков

Во многих исследованиях как специально этнолингвистического, так и общеконпаративистского характера значительное внимание уделено взаимоотношениям между отдельными парами финно-угорских языков, относящихся к разным группам в генеалогической классификации. Систематизация результатов изысканий этого рода позволяет сделать вывод, что они хорошо коррелируют с данными лексикостатистики, и приводит к констатации ряда важных обстоятельств.

1.1.3.1. В приведенной выше схеме П. Хайду отделение волжских языков от финно-саамских предшествует их расчленению на мордовскую и марийскую ветви. С другой стороны, несомненным и неоднократно отмечавшимся фактом является гораздо большая близость финно-саамских языков к мордовскому, нежели к марийскому, и, в частности, наличие целого ряда общих финно-саамско-мордовских лексических и грамматических инноваций. По подсчетам Г. Берецки, только по материалу первых четырех томов финского этимологического словаря (SKES) прослеживается 91 финно-мордовская лексическая изоглосса, в то время как с марийским языком мордовский объединен всего 18 такими изоглоссами (Берецки ALH XXIV, 83). Весьма показательными являются такие параллели в сфере именных формантов: Transl. мд. Э, М -*ks*, ф. -*ksi*; El. мд. Э -*sto*, -*ste*, М -*stā*, ф. -*sta/-stā*; Iness. мд. Э -*so*, -*se*, М -*sa*, -*ca* (диал. также -*snā*), ф. -*ssa/-ssä* (< *-*snā*/*-*snā*), см. -*sne*, -*sn*; мд. Э, М -*ška* (Comp.), ф. -*hka/-hkä*, -*hko/-hkö* (суффикс, чаще всего выражающий ограниченную степень проявления признака). Отмечается также общность ряда глагольных формантов: *-*ks-* в мд. Э -*kse*l-, М -*leksol-* (желательное наклонение), эс. (а также вд., лв.) -*ks-* (условное наклонение)²; *-*ta/-tä* (партитивно-аблативного происхождения) в качестве окончания деепричастия в мд. Э *stā-do*, М *stā-da* 'стоя', вп. *ištū-d*, эс. *istu* (*istu-δa) 'сидя'; *-*tt-* как суффикс пассива: мд. *stroja-to-ms* 'быть построенным, строиться', ф. *lue-ta-an* 'читают' (имперсонал). См. Аристэ Примеч.

ваает недостоверность приводимых "коэффициентов сходства" языков в отношении сохранения или утраты праязыковой лексики. Наконец, вычисляемые в статье коэффициенты относятся, с одной стороны, к современному финскому, саамскому, мордовскому, марийскому языкам, и, с другой - к прапермскому и праугорскому, что серьезно искажает историческую перспективу. В целом принятое П. Дэвисом и А. Россом исследование можно считать в лучшем случае исследованием словаря Б. Коллиндера, но отнюдь не исследованием уральских языков, и их выводы никак не могут быть использованы при анализе реального соотношения этих языков.

Известны, впрочем, и некоторые другие предположения о генезисе этих показателей наклонений (см. Майтинская Морф., 23-25).

I, 302-305; Серебренников Этно. морд., 238-239; Берецки ALN XXIV, 83-84; ОФУЯ I, 52. Показательно и то, что вокалическая реконструкция Э. Итконена, которая, как отмечалось в предисловии, фактически воспроизводит вокализм только раннего прибалтийско-финского (финно-саамского) праязыка, обладает достаточно высокой объяснительной силой по отношению к вокализму мордовского, но не марийского языка (на это обратил наше внимание В.А. Дубо). Рассматриваемая сложность не снимается и в рамках генеалогической схемы Э. Сетяля, предусматривающей одновременное разделение финно-волжского праязыка на три ветви - марийскую, мордовскую и финно-саамскую (ОФУЯ I, 38).

Согласно Б.А. Серебренникову, близость прибалтийско-финских и мордовского языков объясняется тем, что "после распада западной (финно-волжской - Е.Х.) ветви древнемордовский язык занимал территорию, расположенную между протобалто-финским языком, предком современных прибалтийско-финских языков, и марийским, прилегая территориально ближе к первому" (Серебренников Этно. морд., 241). Примерно аналогичные объяснения предлагаются и другими исследователями (Hajdú FNNy, 94; Берецки ALN XXIV). Однако не все, по-видимому, общие для мордовского и финно-саамских языков черты можно объяснить контактами уже обособившихся языков. Кроме того, есть основания сомневаться в интенсивности (если не в самой возможности) подобных контактов. По археологическим данным (относящимся к первым векам н.э.) и историческим свидетельствам (с VI в. н.э.), предки мордвы занимали примерно те же районы, где мордовское население представлено и сейчас (Мордовская АССР, Горьковская, Пензенская, Тамбовская области - см. ОФУЯ II, 252, 255). Предполагается, что на тех же территориях можно локализовать протомордовские племена в середине I тыс. до н.э. и ранее (Смирнов Этно. морд., 21). С другой стороны, Х.А. Моора и Л.Ю. Янитс считают возможным датировать расселение предков прибалтийско-финских народов в Восточной Прибалтике уже III тыс. до н.э. (Моора ВЭИЭН, 63; Янитс ВЭИЭН 160). Если датировка столь древней эпохой и завышена (она плохо согласуется с подтверждаемой рядом данных хронологией уральской языковой семьи), то, во всяком случае, свидетельства о локализации прибалтийско-финского праязыка в Прибалтике в I тыс. до н.э. (германские заимствования, языковая ассимиляция протосаамского населения) достаточно надежны и признаются сторонниками самых различных точек зрения. Кроме того, в I тыс. н.э. (а возможно, и раньше) мордва была отделена от прибалтийских финнов муромским и мерянским населением Поочья (Hajdú FNNy, 261-262), что должно было препятствовать контактам. Добавим, что поскольку поселения древних балтов в I тыс. н.э. имелись гораздо восточнее Прибалтики (достигая по крайней мере нынешнего Подмосковья), предположение о прибалтийско-финском посредстве в передаче нескольких балтийских заимствований, имеющих в мордовском и даже марийском языках, оказывается излишним и также не может служить подтверждением гипотезы о дли-

тельном сохранении контактов между уже обособившимися финно-волжскими языками.

1.1.3.2. С финно-саамско-мордовской проблематикой тесно связан вопрос о характере мордовско-марийских языковых связей. Многими исследователями постулируется существование объединяющей эти два языка волжской группы (а в прошлом - волжского праязыка). Однако, несмотря на значительное общее сходство мордовского и марийского языков, специфические волжских инноваций удается найти немного. К таковым относятся *s*-овый показатель инфинитива (мд. *-m-s*, мр. *-š*)³; параллелизм в образовании *Vx3Sg.* и *Vx3Pl.* прош. вр. (мд. *-š* и *-št*, мр. *Л -š* и *-št*), *Rx3Sg.* и *Rx3Pl.* (мд. *Э -zo* и *-st*, мр. *-žə* и *-št*); деепричастия с окончанием типа мд. *М -mok*, мр. *Л -meke*, *Г -mākā*; модель образования числительных второго десятка путем сочетания числительного 'десять' с названием единицы первого десятка и с комитативной частицей **kə*, которая в мордовском вполне продуктивна (мд. *Э ke-vejke-je* '11', *kem-gavto-vo* '12' и т.д.), а в марийском сохранена как реликт у числительного '15' (*lučko* из **lu-vič-ko*). В литературе (Серебренников Этно. морд., 239-241; Серебренников Происх. мар., 165-171; Грузов Происх. мар., 228-230; Грузов, 32-35; Берецки ALN XXIV, 81-83; Поляков ВФУ I, 7-8) упоминаются и многие другие общие особенности мордовского и марийского языков, в большинстве своем, однако, недостаточно показательные, т.е. речь идет частично о характерных не только для них явлениях (употребление прошедшего времени на **-š-*, абессивный суффикс типа **-tomz*, пассивное значение *m*-овых причастий, латив на **-s*, некоторые суффиксы глагольного словообразования, озвончение шумных согласных в интервокальном положении и после сонантов), частично же о некоторых структурных тенденциях (сужение гласных, отпадение в части слов конечных гласных или целых слогов, сокращение сферы употребления форм множественного числа, образование указательных местоимений путем сложения двух местоименных основ) или ареальных явлениях (так, Б.А. Серебренников отмечает в обоих языках прошедшее длительное время, образуемое аналитически с участием глагола бытия, но в другой своей работе справедливо указывает на аналогичные временные формы тюркских языков - Серебренников Катег., 272).

С немногочисленными мордовско-марийскими параллелями "конкурируют", с одной стороны, общие явления мордовского и финно-саамских языков (см. 1.1.3.1), с другой, - общие марийско-пермские явления (см. 1.1.3.3).

³ Впрочем, если учесть форму показателя инфинитива *-moks*, *-meks* в ряде эрзянских говоров (ОФУЯ II, 326), то можно предположить, что первоначально мордовский инфинитив содержал аффикс транслатива (*-ks*). Параллельное употребление одного и того же показателя для оформления инфинитива и транслатива имеет место, например, в селькупском языке (*-qo*), см. ОчСельк., 249.

Отсутствие достаточно представительного числа "собственно волжских" инноваций может объясняться кратковременностью существования волжской языковой общности (Грузов Происх. мар., 230). В последнее время, однако, многие исследователи склоняются к тому, что волжского праязыка вообще никогда не существовало (Erdélyi UAJb XLI, 290; Hajdú FrommFestschr., 58) и что, следовательно, мордовско-марийские языковые связи должны рассматриваться как межгрупповые.

1.1.3.3. Значительную полемику вызывает и вопрос о характере и источниках марийско-пермских языковых связей. Ряд исследователей отмечает, что марийский язык более близок пермским, чем какой-либо другой из финно-волжских языков. Весьма показательны подсчеты Г. Берецки, согласно которым из 694 марийских слов, имеющих этимологические параллели в финно-угорских языках, мордовское соответствие имеют 283 слова (+ 11 сомнительных случаев), соответствие в коми языке - 346 (+ 14), а в удмуртском - 324 (+ 12). Чисто "волжских" (т.е. представленных только в марийском и мордовском) слов Г. Берецки насчитывает 18, тогда как лексика исключительно марийско-пермского характера охватывает 60 слов (Берецки CIFU, 202). "Как доказывают вышеперечисленные данные, марийский язык имеет значительно больше общих слов финно-угорского происхождения с пермскими языками чем с мордовским, с которым марийский язык вместе образует так называемую волжскую группу" (Там же, 203). С пермскими языками марийский объединен и рядом грамматических параллелей, по крайней мере часть из которых, например падежные форманты мр. -lan (Dat.), -la (падеж лативного значения, сохраненный в качестве компаративной частицы: *kajak-la* 'подобно птице') при к., у. -lañ (Approx.), -la (Consec.), естественно считать общими инновациями. См. Серебренников Происх. мар., 171-174; Грузов, 36-38; Берецки CIFU, 203.

Согласно трактовке Б.А. Серебренникова, "во время пребывания древних марийцев в более северных районах происходило этническое взаимодействие их с древнепермскими народами. Этим объясняются некоторые черты марийского языка, сближающие его с пермскими. Речь в данном случае идет, конечно, о явлениях вторичного порядка" (Серебренников Происх. мар., 176). Напротив, Л.П. Грузов на той же научной сессии Марийского НИИЯЛИ (1965 г.) отметил, что возникновение общих признаков в марийском и пермских языках "нельзя свести только к позднему контактированию. Зачатки многих одинаковых явлений могли быть заложены еще в период более ранней общности" (Грузов Происх. мар., 230). Г. Берецки предпочитает объяснять выявленные им факты лексической близости вторичными контактами, имевшими место после разделения волжской языковой общности (Берецки CIFU, 272); см. также принятая им исследование пермских заимствований в марийском языке и марийских - в удмуртском (Bereczki NyK LXXIX); однако И. Эрдеи интерпретировал эти факты как возможные свидетельства существования марийско-пермско-

го праязыка (Erdélyi UAJb XLI; критика этой точки зрения - Décsy UAJb XLI).

Для большинства исследований на эту тему характерна альтернативная постановка вопроса (входит марийский язык в одну группу с мордовским или с пермскими, обусловлены ли вторичными контактами марийско-мордовские или марийско-пермские языковые связи?). Тот факт, что финно-угроведение до сих пор не смогло дать однозначный ответ на подобные вопросы, указывает, возможно, на то, что такая их постановка должна уступить место попытке объединения альтернативных мнений в рамках более гибкой концепции.

1.1.3.4. Существенные трудности вызывает и совмещение традиционного членения финно-угорских языков на финно-пермскую и угорскую ветви с тем обстоятельством, что угорские языки, в особенности венгерский, обнаруживают ряд таких общих черт с пермскими языками, которые не свойственны финно-волжским языкам (см. Budenz Verzeichnung, 32-34; Zsirai, 147-148; Хайду ALH II, 303; Móór ALH VI, 341, VII, 167, 362-363; Rédei NyK LXVI; Rédei ALH XIX; ОФУЯ III, 99 и др.). В области фонетики пермские и венгерский языки объединяет общая судьба сочетаний *mp (> b), *nt (> d), *mt (> d), *ŋk (> g), фрикативизация и выпадение интервокальных смычных (*-p- > перм. *ŋ*, в. *v*, *ŋ*; *-t- > перм. *ŋ*, в. *z*; *-k- > перм. *ŋ*, в. *v*, *ŋ*) и заполнение освобожденного ими места в системе консонантизма рефlekсами геминат (*-pp-, *-tt-, *-kk- > перм., в. *p*, *t*, *k*; частичные параллели этого, а в меньшей мере и предыдущего процесса, имели место в мордовском, марийском и обско-угорских языках), развитие *-š- > *l* (то же в обско-угорских), почти полное исчезновение ауслаутных гласных (то же в обско-угорских), развитие противопоставления глухих и звонких согласных в анлауте за счет озвончения части исконно глухих. В области морфологии характерны общность показателя инфинитива (в. -ni, к., у. -ni), пермско-угорского суффикса мгновенного (однократного) действия *-m-, использование форманта *-mən в числительных, обозначающих десятки (в. *negyven* '40', *ötven* '50', *hatvan* '60', *hetven* '70', *nyolcvan* '80', *kilencven* '90'; к. *komín* '30', *hellamín* '40', *vetimín* '50', *kvaŋtimín* '60'; у. *kuamín* '30'; тот же формант в мс. *So. naliman* '40', *atpan* '50', *xótpan* '60'), использование форманта *-məs в числительных '8', '9' и отчасти в названиях десятков (в. *nyolc* '8', *kilenc* '9', *harmenc* '30'; к. *kekjamis* '8', *ekmis* '9', [удар.] *helamís* '40', *vilemís* '50'; у. *tamís* '8', *ukmís* '9'). Весьма значительно и число пермско-угорских лексических изоглосс (см., например, MSzFE s.v. *esküszik*, *fajd*, *fed*, *fekszik*, *fen*, *foszlik*, *hagyma*, *hál*, *hány*, *harap*, *has*, *hat*, *imad*, *izgad* и др.). Интерпретация и датировка многих из этих параллелей недостаточно ясны (мы не ставим здесь задачи углубиться в этот дискуссионный вопрос). Так, К. Редеи считает венгерскую и пермскую деназализацию не соотносенными между собой (Rédei NyK LXVI, 260). Представляется, что из указанных особенностей некоторые (например, общие тенденции фонетического развития) могут быть обу-

словлены контактами относительно позднего времени; другие же венгерско- и угорско-пермские параллели гораздо более архаичны. В частности, приведенные лексические изоглоссы следует отделять от следов более поздних контактов между пермцами и правенграми, отразившихся в заимствованиях культурной лексики (см. Rédei NyK LXVI, 261; MSzFE s.v. *ezüst, kenyér, küszöb*).

В литературе представлены две основные возможности объяснения угорско- и венгерско-пермских языковых параллелей. Согласно мнению Г. Барци, "из западной ветви выделившихся из финно-угорского пранарода угров образовался народ, который позднее пользовался венгерским языком. Эта западная часть медленно и в большой разбросанности продвигавшегося народа еще долгое время поддерживала хотя и не слишком интенсивные, но непосредственные сношения с восточной частью финно-пермской группы, с пермскими родами" (Bárczi MNy XXXIX, 287). Такой же точки зрения придерживается П. Хайду, особо отмечая, что контакты относятся ко времени после разделения финно-пермской языковой общности, поскольку до развития пермского праязыка собственно пермских особенностей еще не было, и что наибольшую интенсивность эти контакты приобрели уже после отделения венгерского языка от обско-угорских (Hajdú MKE, 44-46). Иное объяснение выдвигает Э. Моор, допускающий, что предок венгерского языка - диалект одной из частей угорской языковой общности - мог проявлять черты переходного явления между пермским и угорскими праязыками (Moór Nyr LXXII, 242; Moór ALH VII, 167). (Вероятно, лишь исторический интерес может представлять мнение Й. Буденца о примерно равной взаимной удаленности трех финно-угорских групп - пермской, венгерской и обско-угорской, см. Budenz Verzweigung, 34.)

Б.А. Серебренников в одной из работ последнего времени обратил особое внимание на пермско-обско-угорские параллели, признав общей для соответствующих языков чертой выделение лативных падежей с окончаниями *-a* и *-i*, а также отметив наличие ряда лексических изоглосс (Серебренников Лингв. сб.). Мы, впрочем, не склонны думать, что для объяснения этих параллелей необходима предлагаемая Б.А. Серебренниковым "перекройка" генеалогической классификации финно-угорских языков ("вероятнее всего, от языка основы раньше всего выделилась угорско-пермская группа, распавшаяся позднее на две группы - группу пермских и группу обско-угорских языков" - Серебренников Лингв. сб., 197): подобные факты более удачно укладываются в иную систему представлений о генетических связях в пределах уральской семьи (см. ниже).

1.1.3.5. В пределах угорской группы венгерский язык противостоит мансийскому и хантыйскому; предполагается, что отделение венгерского языка предшествовало разделению обско-угорской языковой общности. Тем не менее, венгерский язык обнаруживает заметно большую близость с мансийским, нежели с хантыйским (что отметил уже Hunfalvy, 319). Можно указать на такие специфические венгерско-мансийские изоглоссы, противопоставляющие эти два

языка хантыйскому, как каритивная форма с суф. **-təl-*: в. *-talan/-telen/-atlan/-etlen/-tlan/-tlen*, мс. So. *-təl*; аномальное развитие **lm > *rm* в числительном 'три': в. *három*, мс. TJ *kōram* - ср. х. V *kōlam*, ф. *kolme*; протеза гласного в местоимении 'я': в. *én*, мс. TJ *em* - ср. х. V *mā*, ф. *minä*. Материал этимологических словарей свидетельствует о численном превосходстве венгерско-мансийских этимологий над венгерско-хантыйскими: как отмечает Л. Хонти, в составленном им списке собственно угорских этимологий в 135 случаях из 162 (83%) венгерское слово имеет соответствие в мансийском и лишь в 113 случаях (70%) - в хантыйском (Honti NyK LXXXI, 234-236). Нередки случаи общих для венгерского и мансийского языков (но не для хантыйского) словообразовательных и семантических инноваций. Э.К.-Шал отмечает, что в отношении вокализма первого слога венгерский и мансийский языки чаще совпадают друг с другом, нежели с хантыйским (Sal CIFU, 112) - впрочем, это может быть обусловлено и вторичными процессами в хантыйском. Показательно, что абсолютизированные представления о порядке разделения языков угорской группы заставили Й. Буденца считать венгерский и мансийский переходы *l > r* в числительном 'три' совершенно независимыми друг от друга (Budenz Verzweigung, 10), что, конечно, неправдоподобно.

Отметим, что Я. Гуя постулирует также особые отношения между венгерским языком и восточнохантыйскими (ваховским, васюганским) диалектами, мотивируя это наличием в последних *n*-ового суффикса в некоторых инфинитивных формах, нуля как одного из рефлексов урал. **s-*, **š-*, а также несколькими лексическими параллелями (Gulya ALH XVII). По своему объему и значимости эти языковые факты, бесспорно, уступают отмеченным выше венгерско-мансийским параллелям. Кроме того, что касается развития хантыйского (Васюган) *j-* (*< *j-*, **s-*, **š-*) *> Ø*, то Х. Катц указал на маловероятный характер предполагаемой Я. Гуей связи его с развитием **s-*, **š-* (*> *š-* *> *h-*) *> Ø* в венгерском. Скорее данный процесс может быть обусловлен влиянием на васюганский диалект селькупского языка, в исконной лексике которого анлаутный *j-* не встречается (Katz ALH XXII, 144). Представляется, что и в целом основания для утверждений о венгерско-восточнохантыйской близости довольно слабы (см. Honti NyK LXXXI, 239).

Столь же сомнительна и другая, более поздняя гипотеза Я. Гуи о том, что мансийский и хантыйский языки разделились между собой одновременно с отделением от них венгерского языка и что близость двух обско-угорских языков обуславливается контактными, а не генетическими связями (Gulya MōstT, 118). Л. Хонти справедливо квалифицирует эту гипотезу, не подкрепленную даже намеком на анализ общих черт обско-угорских языков, как "должным образом на обоснованную и опрометчивую" (Honti NyK LXXXI, 240). Показателен, однако, ход рассуждений, ведущих к этой неудачной гипотезе: наличие венгерско-мансийских и (менее убедительных) венгерско-хантыйских

изоглосс трактуется Я. Гуей как свидетельство недостаточной адекватности традиционного угорского генеалогического древа, однако сам принцип "скачкообразного" членения праязыка остается при замене двоичного членения на троичное неизменным.

1.1.4. Модель дивергенции финно-угорских языков

В предшествующем разделе отмечено наличие "особых отношений", не выводимых непосредственно из генеалогического древа традиционной формы, между отдельными финно-угорскими языками и языковыми группами - финно-саамскими и мордовским, марийским и пермскими, пермскими и угорскими (в первую очередь венгерским), венгерским и мансийским; вероятно, такие же "особые отношения" (а не принадлежность волжской группе) связывают мордовский и марийский языки. Насколько нам известно, достаточных оснований для постулирования межгрупповых связей между какими-либо еще парами (или триадами и т.д.) языков и языковых групп нет: число и глубина фонетических, морфологических, лексических параллелей в этих парах не выходит за рамки того, чего следовало бы ожидать исходя из их взаимного расположения в генеалогическом древе (гипотеза Я. Гуи о "двух уральских общностях", предполагающая связи между прибалтийско-финскими, мордовскими, пермскими языками - с одной стороны, саамским, марийским, угорскими и самодийскими - с другой, рассматривается ниже - см. 2.1.3).

Легко видеть, что отмеченные факты межгрупповых связей хорошо согласуются с данными лексикостатистики (связанные "особыми отношениями" языки дают, по А. Рауну, завышенные проценты лексических совпадений). Это показывает, что совокупность языковых явлений, не укладывающихся в рамки традиционной классификации, носит неслучайный, систематический характер.

Однако, как уже указывалось, современным финноугроведением накоплены не только факты, свидетельствующие о сложном характере взаимоотношений между отдельными финно-угорскими языками и их группами, но и все предпосылки для интерпретации этих фактов в рамках единой модели дивергенции, строящейся на основе генеалогического древа, но существенно его дополняющей⁴.

⁴ Представляется, что автор наиболее известной (и, на наш взгляд, наиболее удачной) схемы уральского генеалогического древа, П. Хайду, вполне прав, отмечая, что эта схема "не вполне безупречна в отражении действительных отношений между родственными языками как с генетической, так и с типологической точки зрения" (Hajdú FrommFestschr., 61). Но предлагаемая им многоаспектная классификация уральских языков (Там же, 62) не может, естественно, служить альтернативой генеалогического древа, т.к. носит синхронно-сопоставительный, а не сравнительно-исторический характер.

Такими предпосылками являются три пользующиеся почти универсальным признанием положения, связанные с древнейшими этапами этнической истории финно-угров.

1). Области распространения уральского, а затем финно-угорского праязыков (прародины уральцев и финно-угров) занимали весьма обширную - исчисляемую по крайней мере сотнями тысяч кв. км. - территорию (Toivonen JSFOu LVI¹; Hajdú FNNy, 54).

2). Уральский, а затем финно-угорский праязык характеризовался значительной расчлененностью на говоры и диалекты (Itkonen UAJb XXXII, 2; Ravila JSFOu LX6; Gulya STIFU, 87; Moór ALH VI, 340-341). Эта расчлененность в целом, по-видимому, соответствовала картине диалектной непрерывности: соседние говоры мало отличались друг от друга, однако между занимавшими полярное положение диалектами отличия могли быть весьма велики (Hajdú FNNy, 54-56).

3). История и археология не дают оснований предполагать, что распад финно-угорской языковой общности был связан с резкими изменениями внешнего характера (вторжениями крупных масс иноязычного населения, дальними завоевательными походами самих уральцев, существенными колебаниями климата и т.п.). "Главной причиной возникновения современных групп финно-угорских языков было непрерывное расширение территории финно-угров. В результате этого связи между отдельными частями финно-угров все более ослабевали, и диалекты языка-основы становились все более независимыми друг от друга, постепенно формируясь в совершенно самостоятельные языки. Возникновение финно-угорских языковых групп и отдельных языков явилось, таким образом, результатом не переломного, а постепенного развития" (Аристэ ВЭИЭН, 26-27).

Указанные тезисы позволяют дать ответ на вопрос о том, почему генеалогическое древо финно-угорских языков, в принципе верно фиксируя связи между ними, не отражает полностью всю картину их взаимоотношений. Более того, они дают ключ к построению динамической модели процесса членения финно-угорской общности.

Поскольку освоение какой-либо внешней по отношению к первоначальной прародине территории должно было осуществляться в первую очередь силами населения того района прародины (resp. носителей того диалекта праязыка), который находился ближе всего к этой внешней территории, и поскольку история застает предков прибалтийских финнов западнее первоначальной финно-угорской прародины, а предков угров - восточнее (или на ее восточных рубежах), логично предположить, что легшие в основу прибалтийско-финских (а также саамского) языков диалекты всегда занимали крайне западное, а ранние доугорские диалекты - крайне восточное положение. Современное географическое положение мордовского, марийского и пермских языков как будто позволяет предполагать, что предшествовавшие им праязыковые диалекты располагались в указанном порядке с запада на восток в "средней" части занятой

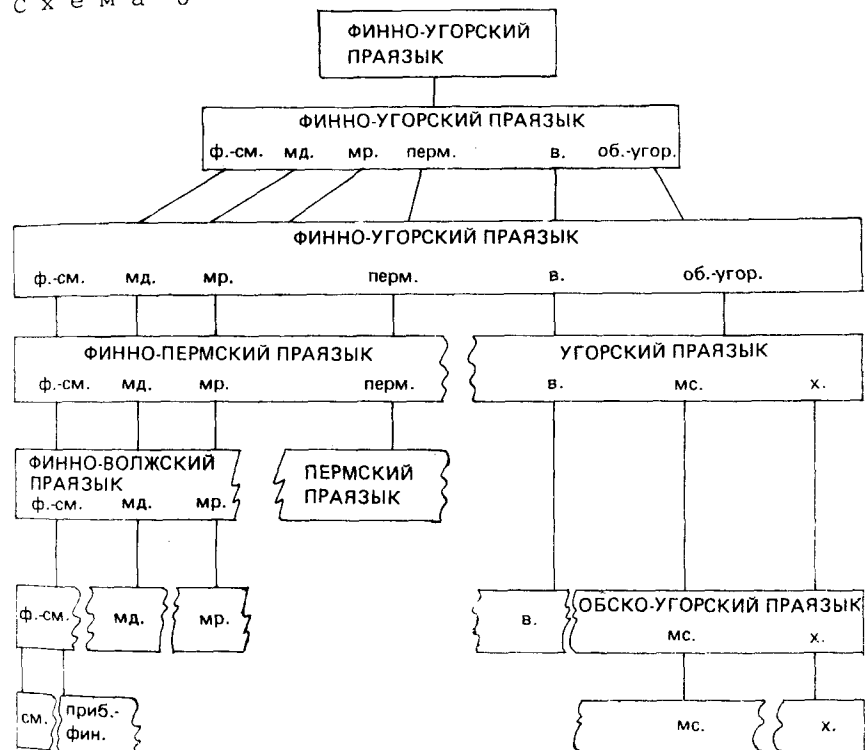
финно-уграми территории (разумеется, какие-то части прародины и вновь занимаемых при ее расширении территорий могли быть населены предками ныне исчезнувших финно-угорских этносов).

В ситуации диалектной непрерывности "доугорские" говоры были наиболее близки "допермским", чуть дальше от них отстояли "домарийские", еще дальше — "домордовские" и "доприбалтийско-финские". По мере непрерывного расширения территории финно-угров и ослабления связей между отдельными их частями, о чем пишет П. Аристэ (см. выше), сходство между территориально удаленными диалектами неуклонно убывало, тогда как соседние говоры продолжали оставаться весьма близкими и склонными к общим лексическим и грамматическим инновациям. Возможно, существовала эпоха, когда занимаемая финно-уграми территория уже простиралась от Прибалтики до Урала (столь значительную протяженность прародины допускает, например, Itkonen UAJb XLI, 303-306) и предки большинства финно-угорских народов уже заняли более или менее совпадающие с современными районами расселения, но еще сохранялась непрерывность междиалектных переходов (ср. ситуацию, наблюдаемую ныне в отношении распространенного от Оби и Таймыра до Охотского моря и Сахалина эвенкийского языка). При этом полярные диалекты (доприбалтийско-финский и доугорские) могли уже стать совершенно невзаимопонимаемыми и обзавестись многими из особенностей, специфических для соответствующих групп языков. Таким образом, последовавшее за этим разделение финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую ветви (о его причинах можно лишь догадываться) знаменовало собой, собственно говоря, лишь отрыв доугорских диалектов от допермских: прочие финно-пермские диалекты фактически отделились от доугорских значительно раньше. Аналогичным образом шло и дальнейшее членение финно-пермской ветви, в результате чего к моменту ее распада (отделения пермской группы) домарийские диалекты были близки допермским, но уже значительно отличались от доприбалтийско-финских и т.д. Внутри угорской ветви домансийские диалекты были более близки довенгерским, чем дохантыйские⁵. В то же время внутри промежуточных праязыковых общностей, несмотря на их диалектную неоднородность, формировались определенные общие черты, уже не распространявшиеся на обособившиеся ветви.

Связи между праязыковыми диалектами, занимавшими смежные ареалы, можно назвать **ареально-генетическими**. Они обуславливали возникновение

параллелей, имеющих генетический характер (восходящих к одному праязыковому источнику), но распространявшихся лишь на определенный ареал праязыковых диалектов. В целом по сравнению с обычным генеалогическим древом процесс дивергентного развития финно-угорских языков более точно (хотя также достаточно условно) моделирует, на наш взгляд, схема, изображающая современные языки в виде частей сильно растянувшейся и порвавшейся во многих местах полосы⁶:

С х е м а 8

Нарисованную здесь картину развития непрерывного ареала прафинно-угорских диалектов подтверждают данные, относящиеся к значительно более поздним процессам дробления отдельных языковых групп, которые объясняются аналогичным образом. Так, в пределах пермской группы южные говоры коми языка обнаруживают близость удмуртскому

В рамках предлагаемой схемы фактически отпадает необходимость постулировать существование волжской языковой общности; если все же считать, что эта общность существовала, тройное ветвление в левой нижней части схемы следует заменить на два последовательных двойных.

⁵ К этому выводу приходит и Л. Хонти: "В ходе постепенного процесса распада угорского единства предки венгров дольше сохраняли связь с той частью предков обских угров, из которой после разделения обско-угорской общности, также существовавшей в течение немалого периода времени, образовались манси" (Honti NyK LXXXI, 240).

(Жилина ИФС III, 84; Серебренников ВЯ 1957, 8-9), а севернoudмуртские диалекты - близость языку коми (Тепляшина ИФУЯЛ, 71; Тепляшина ВФУ I, 122). Это может быть объяснено только тем, что коми-удмуртская языковая граница прошла по уже неоднородной диалектной области распространения пермского праязыка, в которой "дожно коми" диалекты соседствовали с "досевернoudмуртскими".

Следует признать далеко не случайным то обстоятельство, что взаимное расположение праязыковых диалектов, а затем отдельных языков в "полосках" предложенной схемы совпадает с принятым большинством финно-угроведов порядком перечисления финно-угорских языков (в Венгрии перечисление ведется, правда, "справа налево" - см. например, MSzFE). Этот порядок, выработанный главным образом финскими исследователями, отразил имплицитные представления о степени близости различных языков к финскому, основанные отчасти на географических соображениях, отчасти же на интуитивной оценке общего объема языковых параллелей; показательно, что в первых строках и колонках приведенных выше таблиц А. Рауна, в которых использован этот порядок расположения языков, оказалась убывающая последовательность чисел. Объективной же основой как географической, так и языковой близости членов уральской семьи к финскому языку является, как мы попытались показать, то расстояние, которое отделяло соответствующие диалекты праязыка от диалекта, легшего в основу современных прибалтийско-финских и саамского языков. Это же обстоятельство в значительной мере обусловило собой и ситуацию, в которой "по общераспространенному мнению (с историко-географической точки зрения) географическое расположение финно-угорских языков в общем отражает соотношение между языками" (ОФУЯ I, 38; аналогичный вывод, несмотря на отмечавшуюся ошибочность выбора исходного материала, делают Davies-Ross FUF XLI, 39).

Заслуживает внимание одно побочное (терминологического характера) обстоятельство, связанное с рассматриваемой ситуацией наличия уже в самом финно-угорском праязыке диалектов-предшественников современных языковых групп. Очевидно, что ареально-генетические языковые явления, присутствовавшие лишь в части диалектов праязыка, но появившиеся еще до его распада (примером явлений такого рода можно, вероятно, считать пермско-венгерский инфинитив на *-nĕ/-ni*), имеют полное право считаться праязыковыми, подобно тому, как любое диалектное явление является фактом того языка, к которому данный диалект относится. Было бы, однако, неестественно именовать подобные диалектные явления "общефинно-угорскими". Тем самым возникает возможность разграничить термины "прафинно-угорский" и "общефинно-угорский", второй из которых оказывается более узким по своему значению. Требование об обязательном разграничении этих двух терминов было бы, однако, неоправданно жестким - как потому, что в сложившейся лингвистической терминологии форманты "пра-" и "обще-" (нем. *Ur-*, *Grund-* и *Gemein-*, англ. *proto-* и *common*, венг. *ős-*, *alap-*

и *köz-*) фактически чаще всего используются как синонимы⁷, так и потому, что во многих случаях бывает трудно определить, идет ли речь о праязыковом явлении диалектного характера или же о явлении, утраченном в большинстве языков-потомков, о результате конвергентного развития в уже разделившихся ветвях и т.п. Подчеркнем, во всяком случае, что, представляя финно-угорский (resp. уральский) праязык в виде совокупности достаточно различных диалектов, можно и нужно ориентироваться на возможность реконструкции ряда как лексических, так и морфологических синонимов (каждый из которых бытовал лишь в части праязыковых диалектов). Трудно согласиться с мнением тех исследователей, которые готовы признавать праязыковыми лишь те языковые явления, существование которых подтверждаются материалом всех языков-потомков (Décsy Einf., 223 et passim; Kövesi STIFU, 118-119; ср. критику подобного мнения - Hajdú UAJb XLI, 258; ОФУЯ I, 222).

1.2. Проблемы соотношения самодийских языков

1.2.1. «Юрацкий» (старовосточный) диалект ненецкого языка

Данные изучения современных ненецких говоров позволяют четко разграничить два основных диалекта (наречия) этого языка - тундровый и лесной (Терещенко Материалы, 182-246)⁸. Мы, однако, уже имели случай продемонстрировать (Хелимский ПАС 1976), что в прошлом существовал еще один ненецкий диалект, значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного, но имевший черты, сближавшие его с энецким языком.

⁷ Из попыток разграничить их значение известно предложение американского слависта Ч. Бидуэлла, поддержанного Г. Бирнбаумом, об использовании термина "общеславянский" (*Common Slavic*) для обозначения поздней стадии существования языка-основы, непосредственно предшествующей распаду и реконструируемой путем прямого сравнения языков-потомков (т.е. для позднeпocлaвянского), а термина "пocлaвянский" (*Proto-Slavic*) - для обозначения более ранней стадии, восстанавливаемой путем внутренней реконструкции и с привлечением данных индоевропейского сравнения (т.е. для раннeпocлaвянского); см. Birnbaum, 2. Такое предложение представляется довольно условным и (в отличие от выдвигаемого нами предложения) не соотносящимся с собственным смыслом формантов "пра-" и "обще-".

⁸ П. Саммаллахти считает возможным рассматривать эти два диалекта как два самостоятельных языка (*Sammallahti MFN*, 11). Вероятно, такое решение слишком радикально (отметим, что, согласно полученной нами от лесных ненцев с р. Пур информации, взаимопонимание их и тундровых ненцев вполне возможно).

Единственным известным нам оригинальным источником сведений об этом диалекте является хранящаяся в Центральном гос. архиве древних актов (Москва) рукопись Г.Ф. Миллера (ф. 199, оп. 2, портф. 513, д. 7, л. 15-20) содержащая, в частности, переводы более чем 250 латинских и русских слов на "юрацкий" (Jurackisch). Поскольку та же рукопись содержит списки слов из лесного диалекта энецкого языка (Mangaseisch Samojedisch) и карасинского говора северного (тазовского) диалекта селькупского языка и, таким образом, строится на основе записей, предположительно выполненных в районе Мангазеи-Туруханска, можно думать, что данный диалект был распространен в восточных районах расселения ненцев (скорее всего, в междуречье Таза и Енисея и, возможно, в некоторых прилегающих районах). Заметим, что слово "юраки" как название ненцев особенно употребительно именно в восточной части занятой ими территории. В связи с этим вместо названия "юрацкий" (которое, в соответствии с традиционным употреблением, может восприниматься как относящееся ко всем ненцам) можно пользоваться обозначением диалекта как старовосточного.

Через одну или несколько "промежуточных" рукописей (также сохранившихся в архивах СССР) словарь этого диалекта достиг Ю. Клапрота и был опубликован им (к сожалению, с рядом сокращений и искажений); см. Klaproth SA Tafeln VII-XI (Jurazen); Donner SW, 36-48. Кроме того, еще раньше юрацкий материал был включен П.С. Палласом в "Сравнительные словари всех языков и наречий" (Ср. Сл.).

Тем не менее, сходство или даже полное совпадение значительной части юрацких форм с тундрово-ненецкими, а равным образом и само название диалекта, в течение длительного времени препятствовали установлению того факта, что мы имеем дело с особым ненецким диалектом (наречием). В частности, среди 58 юрацких слов, относящихся к базисной лексике (передающих значения из малого списка М. Свадеша), нет ни одного, которое не было бы известно другим ненецким диалектам (хотя налицо некоторые фонетические отличия). Данный диалект разделяет такие общененецкие особенности, как появление протетического *ɲ* перед заднерядными и *ɲ* перед переднерядными гласными в анлауте, утрата ауслутных гласных *ä и *u, стяжение дифтонгов, переход *j- > *w* (под лабиализующим влиянием последующего *p) в слове 'лист', суффикс *-*r* в слове 'солнце' и др., ср.:

	с.-сам.	н. Т	н. Л (Л)	н. Ю.(PM)
'ягода'	* <i>otä</i>	<i>notä</i>	<i>noäa</i>	<i>ngöde</i>
'рот'	* <i>äy</i>	<i>ña</i>	<i>ñāy</i>	<i>ngāng</i>
'волосы'	* <i>əptä</i>	<i>yept</i>	<i>nept</i>	<i>ngöbt</i>
'нож'	* <i>kāru</i>	<i>xār</i>	<i>kār</i>	<i>char</i>
'обувь'	* <i>päjmā</i>	<i>piva</i>	<i>pemma</i>	<i>pimā</i>
'лист'	* <i>ɲeɲpā</i>	<i>weɲa</i>	<i>beɲa</i>	<i>keɲa</i>
'солнце'	* <i>kāja</i>	<i>xajer</i>	-	<i>kāiar</i>

	эн. Л (С)	эн. Т (МЭ)	нг. (С)
'ягода'	<i>ōde</i>	<i>gde</i>	<i>ɣuta</i>
'рот'	<i>na'</i>	<i>e'</i>	<i>ɣāy</i>
'волосы'	<i>ito</i>	<i>ito</i>	<i>ɣabta</i>
'нож'	<i>koru</i>	<i>koru</i>	-
'обувь'	<i>fē</i>	<i>pē</i>	<i>faemu</i>
'лист'	(PM) <i>dēwe</i>	-	-
'солнце'	<i>kaija</i>	<i>kaja</i>	<i>kou</i>

Гораздо примечательнее; однако, те особенности, которыми обладает юрацкий диалект в сравнении с тундровым и лесным. Большим количеством примеров документируется развитие звонких смычных из сочетаний "носовой + смычный", происшедшее также и в энецком языке:

	с.-сам.	н. Т	н. Л (Л)	н. Ю (PM)
'орел'	* <i>limpe</i>	<i>limba</i>	<i>limpa</i>	<i>libbe</i>
'низкий'	* <i>lāmtō</i>	<i>lamdo</i>	<i>ramtū</i>	<i>ladiku</i>
'лук'	* <i>ɲintä</i>	<i>ɲin</i>	<i>ɲin</i>	<i>ngidde</i>
'penis'	* <i>sāyḱä</i>	<i>sayg</i>	<i>xāyḱ</i>	<i>sag</i>

	эн. Л (С)	эн. Т (МЭ)	нг. (С)
'орел'	<i>libe</i>	<i>libe</i>	<i>luɲfe</i>
'низкий'	<i>luddu</i>	<i>lodu</i>	-
'лук'	<i>iddo</i>	<i>ido</i>	<i>jinta</i>
'penis'	<i>sago</i>	<i>sago</i>	-

Подобно энецкому и нганасанскому языкам, юрацкий диалект отражает с.-сам. *w- в позиции перед гласным переднего ряда в виде *b* (напротив, в тундровом ненецком этот согласный развился в *j* перед всеми передними гласными, а в лесном ненецком - перед *ü и *ö):

	с.-сам.	н. Т	н. Л (Л)	н. Ю (PM)
'вода'	* <i>wit</i>	<i>ji'</i>	<i>wit</i>	<i>bi</i>
'десять'	* <i>wüt</i>	<i>ju'</i>	<i>jūt</i>	<i>bü, büu</i>

	эн. Л (С)	эн. Т (МЭ)	нг. (С)
'вода'	<i>bī'</i>	<i>bi'</i>	<i>bē'</i>
'десять'	<i>biu'</i>	<i>biu'</i>	<i>bī'</i>

Хотя, как уже указывалось, лексически юрацкий диалект близок двум другим диалектам ненецкого языка, в нем обнаруживается несколько слов, сходных с энецкими: *nāessa* 'девять' (ср. эн. Л (С) *nēsā*, Т (МЭ) *ēsā*, но н. Т *xasuju*, Л (Л) *kāsēm jūt*); *kirwa* 'хлеб' (ср. эн. Л (С) *kiroba*, Т (МЭ) *kiroba*, *kiriba*, но н. Т *ñañ*, Л (Л) *ñāñ*); *šew* 'cunnus' (ср. эн. Л (PM) *djōwo*, Т (МЭ) *d'obo*, но н. Т (Л) *pasj*, Л (Л) *pjessj*); *nadsik* 'стерлядь' (ср. эн. Т (МЭ) *nat'iko*, но н. Л (Л) *kiŋŋi*) и др. По крайней мере одно слово - *berise* 'чир (рыба)' - представляет собой, судя по всему, прямое заимствование из лесного диалекта энецкого языка: ср. эн. Л (PM) *bélidse*, (Тер.)

bejse, Т (МЭ) *bebid'i*, что соответствует н. Т *jed'urda*, *jid'urda* и отражает с.-сам. *wetörsš или *wetörkkš; однако закономерным рефлексом этой северносамодийской формы в юрацком должна была бы быть форма типа *bedörsš (а не *berise*). О некоторых других фонетических и лексических особенностях рассматриваемого диалекта см. также Хелимский ПАС 1976.

Разумеется, не может быть речи о трактовке юрацкого материала как принадлежащего энецкому языку. Хотя два диалекта энецкого языка довольно далеки друг от друга, они разделяют ряд общих фонетических инноваций, сформировавших весьма специфичный облик энецкой лексики (упрощение практически всех сочетаний согласных, переход всех ауслаутных согласных в гортанный смычный, слияние *r и *l, утрата *ŋ, *m, *j в интервокальной позиции, переходы *ŋ > *n*, *ə > *o*, переход *e > *u* в соседстве с лабиальными и др.); для юрацкого диалекта все эти процессы не характерны. Однако то обстоятельство, что многие фонетические и лексические изоглоссы, ограничивающие юрацкий от других ненецких диалектов, одновременно являются межъязыковыми изоглоссами, разделяющими ненецкий и энецкий языки, представляется далеко не случайным. В совокупности характеристик рассматриваемого диалекта позволяет считать его в известной мере переходным, занимавшим промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами. Промежуточным было и географическое положение диалекта, предположительно граничившего на западе с территорией тундровых ненцев, на юго-западе - с лесными ненцами, на юге - с лесными и на востоке - с тундровыми энцами.

Можно предполагать ряд путей формирования переходного характера юрацкого диалекта. Возможно, этот диалект образовался на энецком субстрате в результате ассимиляции одной из этнических групп энцев ненцами: такой точки зрения придерживается по сути дела Ю. Янхунен, считающий, что юрацкий (который он, вслед за нами, отделяет от прочих ненецких диалектов) "по своим позитивным фоновым характеристикам должен, вероятно, рассматриваться скорее всего как архаичное ответвление энецкого языка" (Янхунен, 8). Более правдоподобное, с точки зрения имеющихся данных, объяснение состоит, на наш взгляд, в том, что распад прасеверносамодийской языковой общности происходил не скачкообразно, а постепенно, в результате довольно медленного перемещения отдельных групп самодийского населения на новые территории при длительном сохранении контактов между этими обособляющимися группами. Можно думать, что рассматриваемый диалект занял свое промежуточное (географически и лингвистически) положение тогда же, когда началась дивергенция ненецкого и энецкого языков. В подобной ситуации на него могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов - что, однако, не препятствовало сохранению тесных связей с основной массой ненцев. Переходный характер диалекта мог, кроме того, в течение долгого времени обеспечивать его носителям доста-

точно высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями, хотя в целом по состоянию на XVIII век специфически ненецких особенностей фонетики и лексики в нем было заметно больше.

После Г.Ф. Миллера записей по юрацкому (старовосточному) диалекту ненецкого языка не оставил, насколько нам известно, ни один исследователь. Ныне в предполагаемой области его распространения представлены говоры тундровых ненцев - тазовские и енисейские (таймырские), довольно близкие ямальским говорам тундрового диалекта. Вероятно, старовосточный диалект исчез не позднее середины XIX в. (иначе он, вероятно, попал бы в поле зрения М.А. Кастрена) вследствие поглощения его носителей волнами новых миграций ямальских ненцев на восток (см. Васильев ЭЭИНС), разделив тем самым судьбу тех говоров энецкого языка, которые были распространены к западу от Енисея.

1.2.2. Маторский, тайгийский и карагасский языки

Архивные материалы по ныне исчезнувшим самодийским языкам саянского ареала, до сих пор не использовавшиеся в качестве лингвистических источников, не только дают дополнительный фактический материал, но и позволяют уточнить представления о взаимных соотношениях этих языков (или диалектов).

Следует, в частности, признать, что так называемые маторский (моторский), тайгийский и карагасский языки являются довольно близкими (по-видимому, легко взаимопонимавшимися) диалектами одного и того же самодийского языка. Этот язык можно именовать маторско-тайгийско-карагасским (далее - МТК) или, для простоты, маторским - по названию наиболее полно засвидетельствованного диалекта.

Значительную близость указанных трех языков, позволяющую выделить их в качестве отдельной подгруппы саяно-самодийского ареала (в противовес камасинскому и койбальскому языкам), отметили еще Х. Паасонен (Paasonen Beitr., 154) и К. Доннер (Donner Lab., 6). А.И. Йоки высказал предположение о том, что тайгийский язык является диалектом маторского (Joki Lehnw., 26). Автор настоящей работы, сопоставив имевшиеся в собранных К. Доннером материалах (Donner SW) карагасские и тайгийские слова, пришел к выводу об идентичности или значительной близости двух этих языков, отделяя их, однако, от маторского (Хелимский Класс., 79). Окончательную ясность в этот вопрос позволило внести обнаружение в ЦГАДА рукописи Г.Ф. Миллера, привлекающей одновременно маторский, тайгийский и карагасский материал и фактически представляющей собой диалектологический словарь (см. Хелимский ЯТ VI, 50). Этот словарь позволяет констатировать существование диалектно неоднородного МТК и одновременно выделить типичные отличительные особенности каждого из диалектов (отметим, что для карагасского и маторского диалектов наличие этих особенностей подтверждается дру-

гими дошедшими до нас словарями, в первую очередь рукописями Зуева и Спасского). Нет сомнения, что для самого Г.Ф. Миллера, блестящего полевого исследователя своего времени (см. о нем Косвен СЭС III, 176-194), близость трех диалектов МТК было очевидной; не случайно в других своих лингвистических рукописях он пользовался данными только одного диалекта (тайгийского).

Многие междиалектные различия в МТК носят регулярный характер. Так, наблюдается соответствие: тайг., кар. *n* - мат. *n*, например, тайг. (PM) *njündä* 'конь', кар. (PM) *njunda*, (P3) *njundä*, мат. (PM) *nunda*, (Паллас) *нонда*, (СП) *нуноо*; тайг. (PM) *njóda* 'дверь', кар. (PM) *njo*, (P3) *njó*, *njó* (*njóddadamadamoído* 'запираю', *njómgjrdjrdtshín* 'отворяю'), мат. (PM) *no*, (СП) *но*, *номкаям* 'запираю'; кар. (P3) *niángarsjü* 'пою', мат. (СП) *нангырнам*; кар. (P3) *njáarha* 'новый', мат. (СП) *нара*; тайг. (PM) *njémong* 'молчи', мат. (PM) *namong* и т.д. Карагасский диалект находился под действием сильной тенденции к озвончению начальных *t*-, *k*-, отчасти (в записях Спасского) распространявшейся и на маторский: тайг. (PM) *türmjä*, *tü:müde* 'икра', кар. (PM) *dürmjä*, (P3) *djurmedè*, мат. (PM) *türmä*, (СП) *турме*; тайг. (PM) *tídeng* 'кедр', кар. (PM) *dúdeng*, (P3) *dudým*, мат. (PM) *títeng*, (СП) *тыдам*; тайг. (PM) *terr* 'шерсть', кар. (PM) *derr*, (P3) *дере*, мат. (PM) *terr*, (СП) *деп*; тайг. (PM) *kai* 'гусь', кар. (PM) *gai*, (P3) *гай*, (Паллас) *ghai*, мат. (PM) *khai*, (СП) *кай*; тайг. (PM) *kat* 'ель', кар. (PM) *kat*, (P3) *gatt*, мат. (PM) *chat*. Можно отметить и такие фонетические отличия, как тайг., мат. *ü* - кар. *u*, *ü* (по-видимому, в последнем диалекте, находившемся под монгольским влиянием, *ü* был заменен на *ü* = монг., бур. *ү*); тайг., кар. *ö* - мат. *i*, *e*, *é* (соответствие частое, но не систематическое; возможно, оно отражает особую фонему МТК типа *e*).

Регулярность наблюдается и в лексических различиях между диалектами, причем проявляется она, в первую очередь, в том, что в ряде случаев тюркскому заимствованию в маторском и тайгийском соответствует монголизм в карагасском: тайг. (PM) *un* 'мука', мат. (СП) *ун*, ср. др.-тюрк. *un* - кар. (PM) *talkán*, ср. бур. *talwan*; тайг., мат. (PM) *báqir* 'медь', ср. др.-тюрк. *bagir* - кар. (P3) *sed*, ср. бур. *zed*; мат. (СП) *тыгис* 'море', ср. др.-тюрк. *teyiz* - кар. (P3) *dalai*, ср. бур. *dala*. Впрочем, во многих случаях лексические различия (в особенности такие, наличие которых можно было бы заподозрить при некритическом обращении к опубликованным источникам) на поверку оказываются следствием использования одного из синонимов, неточной передачи значения и т.п.

1.2.3. Проблема сойотского языка

В лингвистической и этнографической литературе под названием "сойоты" (ныне устаревшим) обычно фигурирует тюркский народ - тувинцы (урянхайцы) или отдельные их племенные группировки (Катанов, 1 и сл.; Баскаков, 322). Распространено, однако, мнение о том, что еще в XVIII в.

сойоты были самоедоязычны и что их язык входил в группу саяно-самодийских языков (из работ последнего времени см. хотя бы Hajdú SPL, 4). Как можно установить из обширной аннотированной библиографии по тувинцам-урянхайцам-сойотам и их языку (Катанов, 317-472), первоисточником такого мнения послужило следующее сообщение П.С. Палласа: "Разговор их (койбальцев, т.е. койбалов. - Е.Х.) весьма походит на самоедский, и хотя много примешано в нем и татарских наречий, однако легко еще распознать можно останки самоедского видимого и в Койбальской орде, и в карагасах, каймахах и моторах, в восточной стороне Енисея живущих сойотам в горах за Российской границей кочующих, так что весьма вероятно, что все они отродья суть остатки одного врозь разбитого и из своих в древности здесь настоящих жилищ до северных самоедских ныне мест выгнанного народа. В доказательство сходства их языков довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одне моторские, как родственнейшие с незнакомыми мне сойотскими, что однако сами моторы и койбалы на промыслах на границе с сойотами встречающиеся единогласно подтверждают" (Паллас Путеш., 523-524).

Какие-либо лингвистические доказательства того, что тюркоязычности сойотов предшествовала их самоедоязычность (списки слов, топонимы, глоссы и т.п.), отсутствуют. Весьма вероятно, что сообщение П.С. Палласа, лично с сойотами не встречавшегося, вызвано неточностью полученной им от местного населения информации. Известно, что в 1727 г. при территориальном размежевании России с Китаем значительная часть маторов оказалась китайскими подданными (Потанов Происх. хак., 205). Поскольку, однако, основным населением той части китайской территории, о которой говорит Паллас (современная Северо-Восточная Тува) были сойоты, и, как отметил М.А. Кастрен, слово "сойот" минусинскими татарами (т.е. хакасами) употреблялось собирательно для обозначения всех племен, обитавших за Саянским рубежом (Castrén Reis., 359), сведения о наличии маторского языка за границей могли быть ошибочно интерпретированы как свидетельства самоедоязычности сойотов.

Согласно предположению К. Доннера, поддержанному А.И. Йоки, памятником самодийского сойотского языка могут являться отдельные слова из так называемого языка саянских горцев, которые приводит П.С. Паллас в "Зоографии" (Donner Lab., 5-6; Joki Lehnw., 26, 31). Всего таких слов насчитывается 23; вот их полный список в сопровождении параллелей из диалектов МТК:

1. *kí* 'соболь'⁹ - мат., тайг., кар. (PM) *kí*.
2. *ghà* 'лось' - мат. (PM) *ka*, (СП) *ка*; тайг. (PM) *ka*; кар. (PM, P3) *ga*.
3. *manderaa* 'волк' - мат. (PM) *mándera*, (СП) *мандэра*; тайг. (PM) *mándera*; кар. (PM) *mándera*, (P3) *mándara*.

⁹ Источник данных по "языку саянских горцев" - Pallas Zoogr.

4. *bun* 'собака' - мат. (PM) *bön*, (СП) *бүн*; тайг. (PM) *bun*; кар. (PM) *bön*, (P3) *bün*.
5. *hongritae* 'росомаха' - мат. (PM) *hungürtä*, (СП) *ун-гүрте*; тайг. (PM) *hōngritä*; кар. (PM) *hōngritä*, (P3) *hunguritte*.
6. *dshibke uengönd* 'росомаха' - (?) мат. (Паллас) *dshokom* 'рысь', (СП) *чэком*; кар. (P3) *tschöpkon*, (Паллас) *tschopkon*. Второе слово (*uengönd*) появилось, видимо, за счет ошибки при переписке или наборе и принадлежит, судя по всему, одному из селькупских диалектов - ср. там же *ungöentsch* 'росомаха' в диалекте 'нарымских остяков', а также ск. (MЭ) *ünyintü*.
7. *chairachan* 'медведь' ('i.e. princeps') - тайг. (PM) *chäirachan*; кар. (P3) *chairachan*.
8. *ssette* 'бобер' - мат. (СП) *седе*.
9. *derén* 'белка' - мат. (PM) *téren*, (Паллас) *taeret*, (СП) *депән*; тайг. (PM) *derén*; кар. (PM) *derét*, (P3) *derjät*, (Паллас) *derjat*, *déren*.
10. *hungito* 'крот' - соответствия неизвестны.
11. *chodda* 'заяц' - мат. (PM) *chóddan*, (СП) *кодан*; тайг. (PM) *chóddan*; кар. (PM) *choddun*, (P3) *gótón*.
12. *orop* 'бурундук' - кар. (P3) *öröb*.
13. *norgo* 'барсук' - кар. (P3) *norhō*. Ср. также мат. (СП) *норгеон соёк* 'астра' ('барсучий цветок?').
14. *taibashta* 'пищуха'. Название этого животного есть все основания трактовать как слово 'бесхвостый'. Ср. мат. (СП) *дайба* 'хвост'; кар. (P3) *daibadā* и каритивный суффикс в мат. (СП) *нугдунашти* 'бездетный' (при нум 'сын') и кар. (P3) *djuetjasta* 'здоровый' (при *tjueteta* 'больной').
15. *küne*, *chunni* 'горностай' - мат. (PM) *húje*, (Паллас) *hudja*; тайг. (PM) *húne*; кар. (PM) *húne*, (P3) *chunni*.
16. *hebbedüptschün* 'летучая мышь' - тайг. (PM) *hébbedüptschün*.
17. *dsho-koffon* 'летучая мышь' - кар. (PM) *djápkopson*, (P3) *tschápkopso*.
18. *irei* 'медведь' - соответствия неизвестны.
19. *chásta* 'косуля' - тайг. (PM) *háschte*; кар. (PM) *háschte*, (P3) *chásta*; мат. (СП) *хашта* 'коза'.
20. *mejimje* 'благородный олень, марал' - тайг., кар. (PM) *meimi*.
21. *kapteda* 'хариус' - соответствия неизвестны.
22. *schiwyrindē* 'змея' - мат. (СП) *симиүрэнда*; кар. (P3) *simürende* 'змея, уж', (Паллас) *simitende* 'змея', *simytende* 'уж'.
23. *kargui* 'ворон' - мат. (Паллас) *kargui*, (СП) *харгой*; кар. (P3) *karhui*, (Паллас) *karhül*.

Эти сопоставления со всей очевидностью показывают, что "язык саянских горцев" не является самостоятельным, а представляет собой диалект МТК. Более того, его можно видимо, приравнять карагасскому диалекту последнего; в пользу этого говорит как исключительное сходство (во многих случаях полное совпадение) с карагасской лексикой, так и то обстоятельство, что среди варьирующихся наименований "языка саянских горцев" в "Зоографии" (*lingua*

monticolis Sajanenses, *monticolis*, *lingua monticolis Sajanensibus ad ejus stirpis* и т.д.) дважды фигурирует название *lingua Caragasssis monticolis Samojedicae stirpis* или просто *Caragasssis monticolis*.

Таким образом, "язык саянских горцев" никоим образом не доказывает былую самодоязычность сойотов. Разумеется, есть все основания полагать, что по своему происхождению многие группы современных тувинцев (как и некоторых других, соседних с ними тюрков) - потомки ассимилированных тюрками самодийцев. Однако выделение сойотского языка в качестве особого представителя самодийской группы обосновано не в большей степени, чем включение в эту группу хакасского, алтайского (ойротского) или шорского языков.

1.2.4. Камасинский и койбалский языки

На основании собранного П.С. Палласом и Г. Спасским лексического материала к числу самодийских языков традиционно причисляется койбалский. Его носители, как и носители ряда других саяно-самодийских наречий, подверглись окончательной тюркизации (а отчасти, возможно, и русификации), как предполагается, в первой половине XIX в., и в настоящее время койбалским именуется один из диалектов хакасского языка (Баскаков, 329). Согласно данным И.Э. Фишера, относящимся к 1741 г., "койбалы живут по рекам Абакан и Туба, а также в тайге". Е. Пестерев, посетивший эти районы в 1773-1774 гг., отмечает, что койбалы охотятся в бассейнах рек Кебезь, Оя, Амыл, Кандат, Шадат (на правобережье Енисея) и их притоков (сообщения Фишера и Пестерева цитируются по: Potarov JSFOu LIX¹, 13, 21). Таким образом, территория расселения койбалов в тот период, когда они еще сохраняли самодоязычность, непосредственно соприкасалась и даже пересекалась с областями, занятыми маторами (бассейн Тубы, Кизира, Амыла, Ои), но, по-видимому, была отделена от ареала распространения камасинского языка (бассейн Кана и Маны).

К. Доннер, рассматривая соотношение саяно-самодийских языков друг с другом, обратил внимание на взаимную близость камасинского и койбалского языков (Donner Lab., 6). Фактически, однако, справедливо даже более сильное утверждение, состоящее в том, что в данном случае речь идет о двух весьма близких (хотя и разделенных пространством и временем) диалектах одного языка, за которыми из этноисторических соображений целесообразно сохранить название **кама синский**.

Сравнительно большой объем (несколько сот слов) койбалского материала, который следовало бы привлечь для детального разбора его соотношения с камасинским, не позволяет нам привести данные такого разбора в рамках этой книги. В подавляющем большинстве случаев койбалские лексические вхождения из работ П.С. Палласа и Г. Спасского обнаруживаются в аналогичном фонетическом облике или с минимальными отличиями в одном из камасин-

ских словарей (Castrén Wörtl., 177-192; KWb; PM; PT; Pallas Zoogr.). Кажущиеся особенности койбальских слов сравнительно с камасинскими часто обусловлены всего лишь неточностями записей у авторов XVIII - начала XIX в. или искажениями при публикации во вторичных лексикографических источниках (ср. Хелимский ЯТ VI, 48-49). Характерно, например, что в ряде случаев якобы значительное отличие койбальской формы по П.С. Палласу оказывается фикцией при обращении к данным Г. Спасского, ср.: км. (C) *bie'd o'b* '11' - койб. (Паллас) *bilo*, (Сп) *bedon*; км. (C) *ne*, *nē* 'женщина' - койб. (Паллас) *nāusa*, (Сп) *nē*; км. (C) *ja* 'мать' - койб. (Паллас) *imaob*, (Сп) *я-м*; км. (C) *kuja* 'солнце' - койб. (Паллас) *кайя*, (Сп) *куя*; км. (D) *tūšōj* 'корова' - койб. (Паллас) *tyssi*, (Сп) *түзэй*.

В то же время обнаруживаются некоторые более или менее регулярные, хотя и незначительные, фонетические расхождения между камасинскими и койбальскими формами (которые интерпретируются как различия между двумя близкими диалектами одного языка или двумя его хронологическими срезам). Речь идет о таких соответствиях, как км. *š-*, *-š-*: койб. *s-*, *-s-*; км. *-i:*: койб. *-ä*, *-e*; км. *d'*, *t':*: койб. *ž*. Ср. км. (C) *šū* 'огонь' - койб. (Паллас) *sy*, (Сп) *сю*; км. (C) *tāže* 'гусь' - койб. (Паллас) *taose* (Сп) *tāzi*; км. (C) *tūyni* 'росомаха' - койб. (Паллас) *tuengeneae*, (Сп) *мугнэ*; км. (C) *khūli* 'ворон' - койб. (Паллас) *kullae*, (Сп) *куле*; км. (C) *t'u*, (D) *d'u*, *t'u* 'земля' - койб. (Паллас) *dshu*, (Сп) *ошя*. В целом масштаб расхождений оказывается сопоставимым с масштабом различий между камасинскими записями М.А. Кастрена и К. Доннера, разделенными 70-летним интервалом, и даже между записями, сделанными К. Доннером от различных информантов (о непоследовательностях, характерных для камасинского произношения, см. также Кюннап СФУ I).

Отметим, кроме того, что, хотя койбальский морфологический материал никем и никогда, к сожалению, специально не собирался, отдельные опознаваемые по записям Г. Спасского форманты - окончания Vx1Sg. *-l'am/-lam/-m*, генитива *-n* (мьянбярси 'горный ветер'), прилагательного обладания *-zibe* (матзобе 'домовый'), каритивного прилагательного *-zet* (амнзет 'безрогий'), Rх3Sg. *-de* (нерде 'коонец') и др. - легко отождествляются с соответствующими камасинскими показателями, а именно: *-l'am/-lam* (с вариантами), *-m* (KWb, 166-168); *-n* (Там же, 131-132); *-ze bi* и т.п. (Там же, 135); *-zet* и т.п. (Там же); *-de*, *-da*, *-te*, *-ta* и т.п. (Там же, 138-142)¹⁰.

Причины двойного названия языка (камасинский и койбальский) фактически выявлены Л.П. Потаповым, который на основании анализа исторических документов показал, что "койбалы... были созданным административным путем из разнородных и разноразличных элементов, численно незначительным этническим конгломератом" (Potapov JSFOu LIX¹,

29) и что "известный под именем Койбальской земли койбальский этнический конгломерат состоял из остатков родов и этнических групп, которые в XVII в. принадлежали соответствующим, в основном одноименным улусам Тубинской, Качинской, Камасинской (разрядка наша - Е.Х.) и Удинской земли" (Там же, 16). По сообщению Г.Ф. Миллера, в Койбальскую землю входили, в частности, 5 улусов (Карнатской, Аска, Джерчи, Ургунов и Бугачев), население которых говорило по-камасински (Там же, 14). По всей вероятности, за этим населением и за его языком закрепилось название "койбалы", "койбальский" (по территориальной принадлежности), что и создало видимость отличия от той группы камасинцев, которая населяла бассейны Кана и Маны. Лингвистические данные о "койбальском" языке полностью подтверждают правильность сообщения Г.Ф. Миллера¹¹.

1.2.5. Классификация самодийских языков

Как мы постарались показать в трех предыдущих разделах, шесть языков, обычно перечисляемых как саяно-самодийские (камасинский, маторский, койбальский, карагаский, тайгийский, сойотский) фактически сводятся к двум (камасинскому и МТК), а общее число различных самодий-

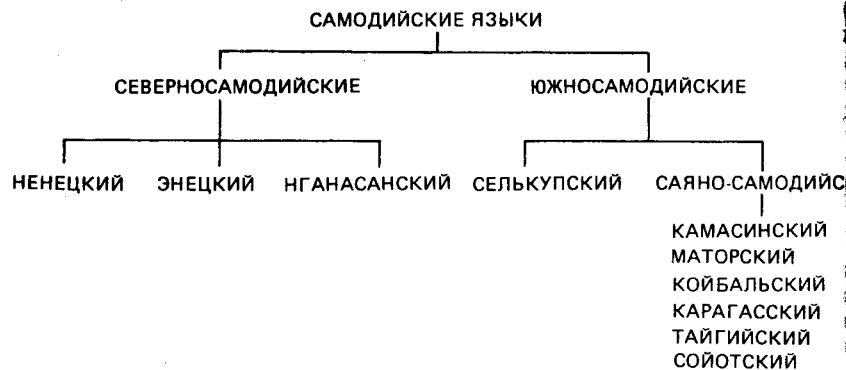
¹¹ Как установил К. Доннер (Donner Lab., 6), ни к одному из известных нам саяно-самодийских языков (диалектов) нельзя полностью отнести весь лексический материал списка, который зафиксирован в дневниках Д.Г. Мессершмидта (Klaproth AP, 160; Donner SW, 9) как "камазинский", а в таблице к книге его спутника по путешествию в Сибирь Ф.Й. фон Страленберга (Strahlenberg; Donner SW, 8) как "канской" (относящийся к языку живущих по Кану "котовцев"), и который воспроизведен Д.С. Палласом (Pallas Reise, 373; Donner SW, 17) в качестве "каймацкого". Если существительные из этого списка (который по названию можно было бы принять за камасинский) в основном совпадают с тайгийскими, то числительные в нем явно относятся не к тайгийскому, а, в лучшем случае, к близкому последнему диалекту. О камасинском происхождении всего данного языкового материала не может быть и речи. К. Доннер справедливо допускает и другую возможность: большая часть слов могла быть записана от носителя одного языка (тайгийца), а несколько числительных - от камасинца. Впрочем, при таком объяснении остается открытым вопрос о языковой принадлежности числительных *tuferrm* '20', а также формант в названиях десятков и *thun* '100', не находящихся параллелей ни в каких других саяно-самодийских диалектах; второе из них явно связано этимологически с ск. (МЭ) *tōn* '100'. Предположение о том, что мы имеем дело с каким-то совершенно особым самодийским языком, было бы слишком смелым из-за скудости и возможной неоднородности материала.

¹⁰ Более подробный анализ соотношения камасинского и койбальского диалектов содержится в нашей диссертации (Хелимский КД, 54-57, 243-252).

ских языков - к шести (+ ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский).

Правомерно далее поставить вопрос о том, насколько верна традиционная схема классификации самодийских языков и как в соотношении шести перечисленных языков отражена история их дивергенции. Принимаемую обычно схему генеалогического древа самодийской группы можно - на основании, например, Collinder CG, 11, 35 - изобразить следующим образом:

С х е м а 9

В целом аналогичную классификацию предлагают: Hajdú SPL, 1-4; Hajdú ChrSam, 9-10; Терещенко Введ., 363, 372. Иную классификацию (на основании излагаемых в этой главе соображений) использовал автор в статье "Самодийские языки" (Хелимский БСЭ XXII).

При рассмотрении вопроса о классификации самодийских языков мы сочли целесообразным обратиться, в частности, к лексикостатистическому методу.

В Приложении к книге приведены диагностические списки слов по шести самодийским языкам, основанные на "малом" списке М. Свадеша из 92 элементов (см. Свадеш, 78-87), из которого исключены пять значений: 'идти', 'плавать', 'тот', 'этот' (каждое из них может быть передано в самодийских языках целым рядом слов), 'семья' (во многих самодийских языках не имеет специального лексического выражения). Во избежание сложностей с выбором одной из близких по значению или разнодиалектных форм (в принципе, свобода такого выбора создала бы возможность манипуляций данными), для каждого языка был использован - по мере возможности - только один источник. Некоторые проблемы, связанные с составлением списков и этимологическим отождествлением, оговорены в преамбуле и примечаниях к Приложению.

Долю слов общего происхождения для каждой пары сравниваемых языков отражает табл. 3 на стр. 39.

Лексикостатистическая картина подтверждает правомерность выделения северносамодийской подгруппы, в пределах которой энецкий язык играет роль "связующего звена".

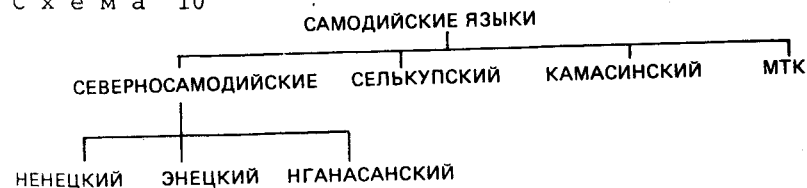
Т а б л и ц а 3

	Энецкий	Нганасанский	Селькупский	Камасинский	МТК
Ненецкий	$\frac{65}{87} = 74,7\%$	$\frac{53}{86} = 61,6\%$	$\frac{49}{87} = 56,3\%$	$\frac{49}{87} = 56,3\%$	$\frac{50}{86} = 58,1\%$
Энецкий		$\frac{62}{86} = 72,1\%$	$\frac{52}{87} = 59,8\%$	$\frac{51}{87} = 58,6\%$	$\frac{50}{86} = 58,1\%$
Нганасанский			$\frac{47}{86} = 54,6\%$	$\frac{47}{86} = 54,6\%$	$\frac{46}{85} = 54,1\%$
Селькупский				$\frac{51}{87} = 58,6\%$	$\frac{44}{86} = 51,2\%$
Камасинский					$\frac{50}{86} = 58,1\%$

между ненецким и нганасанским, что соответствует его географическому положению.

Иначе обстоит дело с южносамодийской подгруппой (и саяно-самодийской "подподгруппой"), доля совпадений между предполагаемыми членами которой (ск., км., МТК) составляет от 51,2 до 58,6% (в среднем 56,0%) и, таким образом, не превышает долю совпадений этих трех языков с языками северносамодийской подгруппы - от 54,1 до 59,8% (в среднем 56,7%). Следовательно, лексикостатистические данные указывают на наличие четырех независимых и равноудаленных ветвей самодийской группы:

С х е м а 10

Поскольку лексикостатистическая классификация дает результаты, не полностью отвечающие традиционным представлениям, - а именно, не позволяет выделить южносамодийскую подгруппу и ее саяно-самодийскую "подподгруппу" - целесообразно проверить ее справедливость иными способами. При этом исходить нужно из того общего принципа, что объединяемые в одну группу (подгруппу) языки должны обладать некоторым количеством общих инноваций лексического, фонетического и морфолого-синтаксического уровня, не распространенных на другие группы (подгруппы).

Необходимость исследования вопроса об общих лексических инновациях во многом снимается наличием лексикостатистических данных. Как показывают списки слов в Приложении, в обоих случаях (№ 17 и 24), где представлена "южносамодийская" изоглосса, мы имеем дело с архаизмом

уральского периода, а не с инновацией (ск. *wettē* 'дорога', км. *ad'e*, мат. *иде* ~ в. *ūt*, см. FUV, 65; ск. *qışqā* 'звезда', км. *khinzigāi*, мат. *хинджикей* ~ к. *koŋuv*, у. *kišili*, ст.-венг. *hūgy*, мс. *kōñs*, х. *kos*, см. FUV, 15). Наличие селькупско-камасинских (№ 9, 39, 46, 83), камасинско-маторских (№ 10, 56, 80), селькупско-маторских (№ 3) лексических (в некоторых случаях словообразовательных и семантических) изоглоссов вполне уравнивается наличием изоглоссов, объединяющих какой-либо из этих языков с северносамодийскими. Очевидных общих инноваций практически нет, насколько нам известно, и в лексике за пределами диагностических списков. Можно, правда, отметить наличие в "южносамодийских" языках многочисленных тюркских заимствований, в том числе имеющих единый пратюркский этимон; однако, как отмечает в своем широко известном исследовании А.И. Йоки, во многих случаях они "вряд ли восходят к общей селькупско-саяно-самодийской эпохе... Подчас тюркские заимствования в селькупском представляют иной тюркский язык-источник, нежели аналогичные заимствования в саяно-самодийском" (Joki Lehnw., 36).

В плане фонетики (учитывается только консонантизм, поскольку исторический вокализм селькупского, камасинского и МТК не разработан)¹² общей для трех рассматриваемых языков чертой является, пожалуй, только развитие сам. **j-* > ск. *t-*, *č-*, км. *d-*, *ʃ-*, *t-*, *č-*, МТК *ʃ-*, *č-* (см. Donner FUF XVI, 93, где допускается - в далеко не категоричной форме - южносам. **dʃ-*). Не исключено, однако, что этот процесс произошел во всех трех языках независимо и был обусловлен особенностями артикуляции сам. **j-*: ср. весьма поздний аналогичный переход (*j-* > *dʃ-*) в энецком и нганасанском, а также в пуровском говоре наречия лесных ненцев. Бесспорная взаимосвязь существует между развитием **j-* > *n*, *ñ* (при наличии носового в позиции второго согласного слова) в камасинском и МТК; это развитие доказывается следующими примерами:

1) Км. (СП) *ниме*, (С) *nitā*, (D) *nētē*; мат. (СП) *нимя* 'клей' < сам. **jitā* (реконструкции здесь и ниже по Ю. Янхунену).

2) Км. (РТ) *нуму* 'долго', (СП) *нумо* 'долгий', (С) *ниту* 'длинный', (D) *нито*, *нито*•, *нито*; мат. (СП) *намбо* 'высокий', нанбу 'долгий', намбудайгба 'выдра' (букв. 'длинный хвост'), кар. (РМ) *njāmbu* 'высокий', (РЗ) *jaambūch* 'долгий' < сам. **jāmpā* (точнее: **jāmpri*, см. Хелимский Реконстр. лаб.).

3) Км. (D) *nētī*, *nētī*, *nītī*, *nītī*; мат. (СП) *нумбо* 'мох' < сам. **jūmpā*.

4) Км. (РТ) *нене*, (С) *nēne*, (D) *nēni*, *nēni* 'тетива' < сам. **jēntā*.

¹² Ю. Янхунен в своем сравнительном словаре (Janhunen) обычно приписывает прасамодийским реконструкциям прасеверносамодийский вокализм, что, видимо, фактически допустимо (учитывая вероятную архаичность прасеверносамодийского), но методологически неточно.

5) Кар. (РЗ) *nōntaanda* 'в середине', *ōndōidaeda* 'средний палец' < сам. **jōncā*.

Однако здесь мы имеем дело не со специфически южносамодийским, а с ареальным фонетическим процессом: в тех же условиях переход **j-* в *n-* произошел в хакасском и шорском языках, например, хака. *naŋmīr* 'дождь' при др.-тюрк. *jaŋmur*, хака. *nīmīrxa* 'яйцо' при др.-тюрк. *jūmurqa*, хака. *niske* 'тонкий' при др.-тюрк. *jīnčā* и т.д. (но хака. *šil* 'ветер' при др.-тюрк. *jel*, хака. *šaxsi* 'хороший' при др.-тюрк. *jaqšī*).

С другой стороны, можно указать ряд явлений в области фонетики, отрывающих "южносамодийские" языки друг от друга, но объединяющих их с северносамодийскими языками. Так, общим для камасинского и ненецкого языков является переход **-nt-* > *-n-* (Collinder CG, 136); общим для камасинского, МТК, энецкого и нганасанского - переход **w-* > *b-* (Там же, 66-68); общим для всех языков, кроме МТК - ассимиляция **k* в положении перед *i* (Там же, 48-49) и переход **š* в *s* (Там же, 56-57); общим для камасинского и северносамодийских языков - развитие гортанного смычного из ауслаутных ротовых смычных (Там же, 81); общим для всех языков, кроме селькупского (а также для некоторых селькупских диалектов) - переход **č* в *t* (Там же, 52). Здесь упомянуты только те фонетические процессы, которые можно датировать достаточно древней эпохой; явные не показательны более или менее случайные совпадения в развитии фонетических систем отдельных диалектов или процессы новейшего времени, типа **s-* > *x-* в ск. N и н. Л, **ñ-* > *n-* в эн. и мат., **p-* > *h-* в МТК и нг., **-m-* > *-w-* в н. Т и южноселькупских диалектах.

В целом следует признать, что историческая фонетика также не дает оснований для объединения "южносамодийских" языков (или внесения каких-либо иных поправок в лексико-статистическую классификацию).

Естественно рассмотреть вопрос о том, дает ли более или менее веские аргументы в пользу выделения южносамодийской (или, по крайней мере, камасинско-селькупской) подгруппы морфология. В этой связи заслуживает особого внимания выделенный А. Кюннапом комплекс из 12 признаков, отличающих южносамодийские языки от северносамодийских в области словоизменительных суффиксов (Künnap FU I, 172-174; Künnap Syst. II, 204-208).

Часть отличий такого рода обусловлена, как отмечает сам А. Кюннап, вторичным развитием в северносамодийских языках и, естественно, является лишь подтверждением близости последних, но не свидетельством каких-либо специфических связей между южносамодийскими языками. (8)¹³ "В южносамодийских языках отсутствуют такие особые формы объектного спряжения для объекта в дв.ч. и мн.ч. и особое возвратное спряжение, как в северносамодийских, где они образовались за счет обособленного развития последних". (9) "В южносамодийских языках спряжение имен развито зна-

¹³ Здесь и ниже цифры в скобках соответствуют нумерации признаков в работах А. Кюннапа.

чительно слабее, чем в северносамодийских языках (селькупский) или вообще отсутствует (камасинский). Речь здесь идет о спряжении вторичного характера, которое в южносамодийских языках еще не получило достаточного развития (селькупский) или вообще не было создано (камасинский)".

К отличиям того же происхождения наверняка следует отнести и следующее: (1) "В южносамодийских языках как в ед. ч., так и в дв. ч. и мн. ч. используются одни и те же окончания местных падежей. Парадигмы дв. ч. и мн. ч. здесь вторично построены по образцу парадигмы ед. ч. ... Иначе обстоит дело в северносамодийских языках: в дв. ч. употребляются особые, поздно возникшие окончания послеложного происхождения, отличные от окончаний ед. ч. окончания часто употребляются и во мн. ч." В данном случае, как нам кажется, следует учесть, что падежные окончания для обоих (или всех трех, при наличии Du.) чисел одинаковы в большинстве уральских языков. Нам представляется весьма вероятным, что так же обстояло дело и в уральском праязыке - в той мере, в какой ему вообще было присуще падежное словоизменение в не-единственном числе. Появление некоторых расхождений в окончаниях местных падежей для Sg. и Pl. (в прибалтийско-финских, саамском и северносамодийских языках) является в таком случае инновационным и в значительной мере связано с фонетическими процессами на стыке падежного окончания с суффиксом косвенной основы Pl. *-i-* (*-j-*).

По-видимому, ряд южносамодийских особенностей можно трактовать как результат независимого одностороннего развития в камасинском и селькупском языках. (4) "В южносамодийских языках коаффикс посессивных суффиксов (*)-*n-* выступает не непосредственно, как в северносамодийских. Первоначально в отношении употребления этого коаффикса южносамодийские языки находились примерно в том же положении, что и северносамодийские, но позднее в южносамодийских языках этот коаффикс или смешался с элементом *n* падежных окончаний... и слился с ним, или совсем исчез". Конкретные рефлексы стяжений с коаффиксом *-*n-* в камасинском и селькупском языках при этом различны. (5) "Южносамодийские языки утратили прежний способ использования субъектного и объектного типов спряжений, сохранившийся в северносамодийских языках и состоящий в том, что непереходные глаголы спрягаются только по субъектному типу, а переходные по обоим типам, причем выбор типа определяется контекстом. В селькупском языке эти типы спряжения смешались, а в камасинском изменение состояло в том, что объектный тип стал использоваться лишь при спряжении переходных глаголов". Заметим, что материал селькупского языка (тазовский диалект) свидетельствует о далеко не полном смешении двух типов спряжения. В частности, никак нельзя согласиться с утверждением П. Хайду о том, что граница субъектного и объектного спряжений в селькупском языке, как и в камасинском, совпала с границей между непереходными и переходными глаголами (Найдю Бев., 75). На самом деле, непереходные глаголы спрягаются только по субъектному типу, а выбор

типа спряжения у переходных глаголов во многих случаях жестко детерминирован (подробности см. ОчСельк., 234-235). (10) "Признаком обособленного развития южносамодийских языков является значительно более фиксированная система времен, нежели в северносамодийских языках". В своей конкретной реализации, однако, системы времен в селькупском и камасинском языках не полностью совпадают, и, кроме того, характеризуются этимологически различными показателями (ср. ОчСельк., 235-243 и KWB, 171-174). (11) "К настоящему времени южносамодийские языки утратили прежний способ выражения отрицания, который состоял в сочетании формы спряжения отрицательного вспомогательного глагола с особой неизменяемой отрицательной формой главного глагола". В селькупском языке частицы (МЭ) *aš-ša*, *iki* явно издавна являются единственным средством выражения отрицания при глаголе; в камасинском же языке еще в начале нашего века с частицей *ei* 'не' конкурировал отрицательный глагол *et*, *em* (KWB, 164-165). (12) "В южносамодийских языках из суффиксов глагольных имен образовались настоящие показатели инфинитива, в то время как в северносамодийских языках используются в основном не-дифференцированные герундиально-инфинитивные показатели". Конкретные показатели инфинитива (км. *-set*, ск. *-qo*) при этом этимологически различны; более того, для км. *-set* сам А. Кюннап справедливо допускает общность происхождения с инфинитивными (герундиально-инфинитивными) формантами северносамодийских языков: н. *-š*, эн. *-se*, нг. *-sV/-dV* (см. Kunnapp Syst. II, 154-155). Таким образом, формирование категории инфинитива никоим образом не может быть расценено как общая южносамодийская инновация.

В отношении одного из морфологических признаков можно с примерно равными основаниями предполагать как общую инновацию селькупского и камасинского языков (при северносамодийском архаизме), так и общий архаизм (при северносамодийской инновации). (2) "В южносамодийских языках показатели числа стоят перед окончаниями местных падежей, а в северносамодийских внутри окончаний местных падежей". Ср., например, км. *daga-zay-gan* 'в реках', *d'aga-zay-ga* 'из рек'; ск. *kj-t-qin*, *kj-t-qini*; н. Т *jaxa-xa'-na*, *jaxa-xa-t* (< *jaxa-xa'-t*, ср. у Кастрена: *t'umjuhu't* 'из печи'); эн. Т *daxa-x-i-ne*, *daxa-x-i-to*; нг. *bigai-t'-i-nu*, *bigai-k-i-ta*. Очевидно, что выбор между двумя возможностями (архаизм/инновация) во многом зависит от решения проблемы происхождения коаффикса местных падежей *-*kā-* (км. *-ga-*; ск. *-qj-*; н. *-xa-*, *-x'*; эн. *-xo-*, *-xa-*, *-x-*; нг. *-gə-*, *-g-*, *-kə-*, *-k-*). Если считать его первоначальным деривационным суффиксом (Col-linder CG, 293), то более архаичным выглядит размещение числовых показателей после него, как в северносамодийских языках, поскольку в уральских языках (согласно известной универсалии, см. Гринберг НВЛ V, 138; Успенский, 235) словоизменительные форманты следуют за словообразовательными. Если, напротив, допускать происхождение его от основы местоимения (Лехтисало, неопубликованный курс лекций - см. Kunnapp Syst. I, 108), от латинного суффикса

(Mikola Nny XIX-XX) или от основы послелого, то первичным естественнее считать тот порядок суффиксов, который представлен в селькупском и камасинском языках. Помимо всего прочего, в связи с рассматриваемым признаком нельзя не учитывать различия самих числовых показателей в селькупском и камасинском.

Безусловно естественной селькупско-камасинский изоглоссой является творительный падеж на $*-s\dot{z}(t)$ (ск. $-s\dot{a}'$, км. $s\dot{z}'$, $-z\dot{z}'$, $-z\dot{z}'$, $-s\dot{z}'$). (3) "В южносамодийских языках от герундиальной формы на $*-s\dot{z}$ вспомогательного глагола 'быть' был образован самостоятельный инструменталь (точнее: инструменталь-комитатив-модаль), в то время как в северносамодийских языках обнаруживаются лишь зачатки последнего". Общность происхождения вышеприведенных показателей и их инновационный характер признаются как А. Кюннапом (подробно см. Künnap Syst. I, 135-149), так и П. Хайду, который в работах последнего времени связывает их с суффиксом прилагательных $-s$ и одновременно обращает внимание на наличие функционально и фонетически близких морфем в кетском языке (Hajdu STIFU, 98; см. также Топоров ВСЯ, 121).

Показательным можно признать и следующее общее явление. (7) "В качестве личного окончания 2. л. мн. ч. объектного спряжения императива в южносамодийских языках используется показатель мн. ч. существительного $*-tV$, а в северносамодийских - соответствующее личное окончание индикатива". Если совпадение личных окончаний 2Pl. индикатива и императива характерно для многих уральских языков, то показатель $-t$ представлен лишь в камасинском и селькупском языках, где он встречается и в объектном, и в субъектном типах спряжения (км. $p\bar{a}r\bar{g}a-got$ 'разрежь-те!', $\bar{t}ab\bar{o}-\bar{y}ut$ 'держите!', $ku-kut$ 'убейте!', ск. $\bar{i}l\bar{i}-\bar{n}\bar{i}t$ 'живите!', $\bar{a}m\bar{i}r-\bar{n}\bar{i}t$ 'кушайте!', $m\bar{e}-\bar{y}\bar{i}l\bar{i}t$ 'сделайте!', $p\bar{i}n-\bar{n}\bar{i}l\bar{i}t$ 'положите!'), а также, возможно, в саамском (Поллак) $\bar{l}\bar{e}k\bar{k}it$ 'будьте!', $gullit$ 'слышите!' (см. ОФУЯ II, 238).

В целом, хотя - как мы постарались показать - лишь две из перечисленных морфологических параллелей могут быть с достаточной уверенностью признаны камасинско-селькупскими инновациями, весь комплекс параллелей создает определенную близость грамматических структур этих двух языков, в известной мере противопоставляя их северносамодийским языкам. Наличие такой близости подтверждается и общим впечатлением (субъективным, но значимым для автора этих строк и, в конечном счете, зависящим от объективных характеристик морфологии, синтаксиса и идиоматики), которое возникает при чтении, с одной стороны, селькупских и камасинских и, с другой, ненецких и энецких текстов.

Тем не менее, наличие отдельных общих черт грамматической структуры (при отсутствии надежных лексических и фонетических инновационных изоглосс) кажется нам недостаточным основанием для постулирования южносамодийской подгруппы и, тем более, для включения в нее МТК: те не слишком многочисленные факты грамматики последнего, ко-

торые удается выявить по словарным записям (см., например, Künnap Syst. I, 22, 40-41, 62, 164; II, 27, 131-133, 174-175) в равной мере сопоставимы с селькупским, камасинским и северносамодийским языковым материалом. Преимущество предложенной нами схемы классификации самодийских языков по сравнению с традиционной состоит хотя бы уже в ее большей осторожности: она не постулирует промежуточных языковых общностей, в реальности которых есть, как нам кажется, все основания сомневаться.

1.2.6. Ход дивергенции самодийских языков в свете данных их классификации

В соответствии с преобладающим в современной лингвистике мнением, глоттохронологическая датировка возраста языковых семей и групп гораздо менее точна и надежна, чем лексикостатистическая классификация, из которой эта датировка исходит. Показательно, тем не менее, что при определении возраста самодийской группы по формуле М. Свадеша ($t = \frac{\log C}{2 \log r}$, где C - % совпадений между двумя языками, а r - коэффициент сохранности основного лексического фонда, для "малого" списка принимаемый за 0,86 в расчете на 1000 лет) мы получаем время в $\frac{\log 0,56}{2 \log 0,86} = 1,92$ (тыс. лет), что (учитывая примерно 60-летний средний возраст использованных нами в диагностических списках материалов) приводит к датировке распада рубежом н.э. Это в точности соответствует принятой в уралоистике датировке, ("В начале н.э. самодийская общность распалась" - Hajdu FNNU, 334).

Четыре отдельных ветви самодийских языков в предложенной нами схеме четко противопоставлены друг другу, степень сходства для каждой из пар ветвей примерно одинакова, постепенные переходы от одной ветви к другой и промежуточные, "связующие" ветви не обнаруживаются (эту картину лишь отчасти нарушают рассмотренные выше сходства камасинской и селькупской грамматических систем). Таким образом, имеет место ситуация, принципиально отличная от ситуации с финно-угорскими языками: в соотношении основных ветвей самодийской группы мы не находим указаний на постепенный характер их дивергенции, связанный с расширением территории распространения праязыка. Скорее эта ситуация отражает резкий распад сравнительно единой прасамодийской языковой общности, сразу и целиком оборвавший связи между отдельными ее частями. По-видимому, такой распад не мог произойти без толчка извне. Можно полагать (вслед за Хомич ПЭН, 73), что этим толчком явилась бурная эпоха, связанная с начавшимся в Евразии великим переселением народов и в частности для районов к северу от Алтайского и Саянского нагорья (где предполагается прародина самодийцев) ознаменовавшаяся продвижением кулайского таежного населения на юг, в Томское и Нарымское Приобье (III-II вв. до н.э.), эроникновением гуннов в Хакасско-Минусинскую котловину (начало II в.

до н.э.), крушением тагарской культуры (то же время) (Ист. Сиб. I, 257; Мартынов ЯТ III, 116; Плетнева ПАС 1973, 198; Кирюшин ПАС 1973, 213)¹⁴.

Напротив, картина соотношения трех языков северносамодийской подгруппы отражает постепенность их дивергенции, связанной с заселением арктических тундр. Как уже указывалось, лексикостатистика выявляет высокую долю совпадений между энецким и обоими другими языками (72,1-74,7%) при значительно более низком ненецко-нганасанском показателе (61,6%), ряд переходных явлений обнаруживается и в энецкой фонетике и морфологии. Не менее показателен и переходный характер "юрацкого" (старовосточного) диалекта ненецкого языка. Лингвистические данные позволяют предполагать, что в циркумполярную область проник единый этнос, носитель северносамодийского языка. Возможно, это проникновение можно датировать уже первой половиной I тыс. н.э.; говорящие в пользу такой датировки лексикостатистические данные (в их глоттохронологической интерпретации) можно попытаться соотнести со свидетельствами археологических раскопок на Таймыре, в связи с которыми Л.П. Хлобыстин указывает: "Примерно в первой половине I тыс. на западе полуострова появляется из Западной Сибири население, оставившее круглодонные сосуды с андронидным орнаментом, находящим аналогии в самодийских узорах" (Хлобыстин ПАС 1973, 163-164). Выделение трех языков-потомков - ненецкого, энецкого и нганасанского произошло, как мы полагаем, уже после этого за счет постепенно углублявшейся дифференциации диалектов, образовавшихся в различных частях ныне занятой северными самодийцами территории (вероятно, языковой дифференциации способствовало культурно-экономическое разобщение этой территории, вхождение в состав самодийцев или влияние на них различных аборигенных или появившихся позднее этносов).

Таким образом, мы не находим в соотношении северносамодийских языков подтверждения тех концепций, которые предполагают существование нескольких волн передвижения самодийцев на север, например, концепции Л.В. Хомич, согласно которой более ранней волной самодийских племен, двинувшихся на Север, были племена, вошедшие впоследствии в состав нганасан и энцев, тогда как появление в Нижнем Приобье предков ненцев произошло позднее (Хомич Ненцы, 37; Хомич ПЭН, 73) или концепции В.И. Васильева, в соответствии с которой переселение самодийцев с юга Сибири "хронологически распадается на три исторических этапа, первый и самый ранний из которых, связанный с появлением в тундровом регионе ненцев, может быть датирован II-IV вв.

¹⁴ П.М. Кожин (устное сообщение) допускает, что в данном случае глоттохронологические данные лишь совпали с одним из хронологических рубежей, зафиксированных в археологических исследованиях: большая часть I тыс. до н.э. была периодом непрерывных больших перемещений масс населения, в частности, и в районах предполагаемого расселения самодийцев.

а два последующих, в результате которых на Север проникают предки лесных ненцев и энцев, соответственно IX и XIII вв. н.э." (Васильев Проблемы, 224). Однако необходимо иметь в виду, что выше мы говорили о происхождении северносамодийских языков; оно может и не непосредственно соотноситься с этнической историей северносамодийских народностей, в формировании которых могли принять участие самые разнообразные группы аборигенного и пришлого населения, в том числе и новые волны самодийских переселенцев с юга (если таковые действительно были). Лингвистическим подтверждением "многоволновых" концепций могло бы служить обнаружение в северносамодийских языках элементов самодийского происхождения, не восходящих к северносамодийскому праязыку; пока что, насколько нам известно, такие элементы не найдены.

Глава вторая

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ ФИННО-УГОРСКОЙ И САМОДИЙСКОЙ ВЕТВЕЙ

2.0. Сама постановка вынесенных в заголовок этой главы проблем выглядела бы не вполне корректной в рамках жесткой интерпретации генеалогического древа уральской языковой семьи: считая, что отделение самодийской ветви произошло до того, как началось членение финно-угорской ветви на отдельные группы, мы вправе были бы говорить лишь о соотношении двух ветвей в целом и о вторичных контактах между их представителями. Однако те представления о характере и путях распада финно-угорской языковой общности, на которые мы опирались при анализе генетических взаимоотношений между современными финно-угорскими языками, могут, по-видимому, быть в значительной мере отнесены и к уральской языковой общности - предшественнице финно-угорской. Членение ее на диалекты, более или менее прямым образом соотносимые с современными языковыми группами, должно было предшествовать окончательной бифуркации, и создавать предпосылки для возникновения ареально-генетических связей, по времени предшествующих более поздним связям чисто ареального характера.

Довольно распространенным в современной уралоистике является мнение о том, что "особые отношения" связывают самодийские языки в первую очередь с языками угорской группы (Э. Леви, Э. Моор, Б.А. Серебренников, Я. Гуя, Х. Катц и др.). Это и послужило основой принятого нами подхода к трактовке венгерско-самодийских языковых параллелей; несмотря на ряд расхождений (и в интерпретации отдельных деталей, и принципиального характера) с некоторыми из названных исследователей, мы согласны с ними в оценке угорской языковой группы как наиболее близкой самодийским языкам из всех финно-угорских групп.

Тем не менее в разделе 2.1. мы считаем необходимым остановиться на некоторых "конкурирующих" гипотезах, в

рамках которых постулируются "особые отношения" между самодийскими и финно-пермскими языками.

Основную сложность в интерпретации языковых параллелей составляет отграничение результатов древнейших генетических и ареально-генетических связей, а также взаимодействий на уровне праязыков, от позднейших наслоений, обусловленных контактами отдельных языков-потомков. С этой точки зрения в рамках данной работы особую важность приобретает проблема венгерско-самодийских языковых контактов, существование которых предполагалось некоторыми венгерскими исследователями; разбору аргументации в пользу такого предположения посвящен раздел 2.2.

Наконец, в заключительных разделах главы непосредственно освещаются проблемы древнейших угорско-самодийских связей как базиса для возникновения параллельных явлений в венгерском и самодийских языках - их исторический фон, их классификация и периодизация, оценка и интерпретация наблюдений, сделанных нашими предшественниками в деле изучения этих связей.

2.1. Проблемы «особых отношений» между финно-пермскими и самодийскими языками

2.1.1. Финно-волжско-самодийская гипотеза Д.В. Бубриха

В контексте критики упрощенных представлений о генеалогическом древе уральской языковой семьи Д.В. Бубрихом в известной статье 1948 г. была выдвинута гипотеза, согласно которой "самодийские языки ближе к западным группировкам финно-угорских языков - к лопарским (саамским), прибалтийско-финским, мордовским и марийским языкам, - чем к восточным группировкам финно-угорских языков - к пермским и угорским языкам" (Бубрих ИАН, 511). Заслугой Д.В. Бубриха явился отказ от рассмотрения самодийских языков как единства, в равной мере противопоставленного любой из групп финно-угорских языков. К сожалению, данные и выводы современной уралолистики не позволяют, на наш взгляд, признать аргументацию в пользу самой гипотезы убедительной. Д.В. Бубрих отметил, во-первых, ряд аналогий между финно-волжскими и самодийскими языками в области падежной системы - а именно, в функционировании падежей "Н-ового" (Gen. и Loc.), "Т-ового" (El. "Н-ового" (Lat.), "К-ового" (Lat.), "М-ового" (Ass.). Оставляя в стороне детали данной проблемы (в частности, отдельные ошибки в трактовке самодийского материала), необходимо указать, что эти аналогии, в соответствии с взглядами большинства современных исследователей (Collinder CG; Серебренников Сист.; Hajdú Bev.; Künnap Syst I; ОФУЯ I) суть реликты прауральского состояния падежной системы, которое отражено финно-волжскими и самодийскими языками лучше, чем пермскими и угорскими (в последних она подверглась значительной перестройке в силу таких причин, как редукция ауслаута, тенденция к многопадежности и др.). Таким образом, "близость" действительно имеет место, однако проявлена она не в общих финно-вол-

ско-самодийских инновациях - наличие которых давало бы основание для выводов позитивного характера, - а в общих архаизмах. Однако известно, что наличие общих архаизмов не может служить основанием для постулирования специфических связей в пределах генетической группировки (Порциг, 53-54). Второй из аргументов Д.В. Бубриха основывается на явно ошибочном утверждении о том, что "самодийские языки принадлежат к числу языков, где совсем нет шипящих" (Бубрих ИАН, 515). (В действительности š или ʃ , часто также ʒ или ʒ известны большинству селькупских диалектов, камасинскому и МТК языкам, некоторым ненецким говорам (н. Л Kis., н. Т тайм.), в качестве свободных вариантов также и современным энецким диалектам.) Эта черта, по Д.В. Бубриху, сближает самодийские языки с прибалтийско-финскими и саамским, утратившими старые шипящие. Однако вполне очевидно, что развитие шипящих в звуки иного качества - явление слишком частое типологически, чтобы считать переходы урал. $\text{*š} > \text{сам. } \text{*t}$ и урал. $\text{*š} > \text{ф. } \text{h}$ как-то связанными друг с другом.

2.1.2. Самодийско-саамская проблема

Вопрос о соотношении самодийских языков с саамским неоднократно поднимался в связи с так называемой "протосаамской проблемой". Широко известность приобрела концепция Ю. Тойвонена, который на основании наличия более чем 60 саамско-самодийских и саамско-угорско-самодийских лексических параллелей, не представленных в других уральских языках, предположил, что протосаамы были самодоязычны и что самодийский языковой пласт послужил субстратом по отношению к позднее усвоенному ими финно-угорскому языку (Toivonen Protolapp). Б. Коллиндер, полемизируя с Ю. Тойвоненом, указывает, что достаточно большое число парных или триадных лексических параллелей имеется и между другими группами уральских языков и что, следовательно, нет необходимости апеллировать к каким-либо иным связям, кроме связей на уровне уральского праязыка (Collinder Proto-Lapp.). Позднее, впрочем, Б. Коллиндер писал и о вторичных саамско-самодийских контактах, предположительно относимых к I тыс. н.э. (FUV, XII). Основываясь на чисто лингвистических аргументах, Э. Итконен справедливо настаивает на трактовке саамско-угорского языка как ответвления от раннего прибалтийско-финского праязыка (Itkonen UAJb XXVII). По мнению Э. Моора, протосаамский язык являлся особой ветвью прауральского, занимал промежуточное положение между угорским и самодийским праязыками и потому в ряде отношений был близок последнему (Moór ALH VI, 340-341); впоследствии протосаамы вошли в отношения вторичного контакта с финно-уграми; кроме того, Э. Моор допускал возможность параллельного воздействия как на саамский, так и на самодийские языки палеоарктического субстрата (Moór ALH VII, 162). П. Хайду справедливо разграничивает лингвистическую и этногенетическую сторону проблемы, допуская, что язык современных саамов не является прямым потомком протоса-

амского, но считая генетическую принадлежность последнего неизвестной (Hajdú FNNU, 322-323); тем самым П. Хайду отказывается от уверенного отождествления протосаамов с самодийцами, характерного для своих ранних работ (Хайду ALN II, 307). Принимая концепцию Ю. Тойвонена о самодийском происхождении саамов, Г.М. Керт, однако, предпочитает оперировать понятиями "саамско-самоедских сношений", "тесных контактов между этими народами в древнюю эпоху" (Керт, 8-9). За контактное происхождение лексических параллелей между саамским и самодийскими языками высказывается Д. Лако - при этом он исходит из явно устаревшего предположения о европейской локализации прародины самодийцев (Lako UAJb L).

По-видимому, среди саамско-самодийских этимологий Ю. Тойвонена целесообразно разграничивать два типа лексических параллелей. Во-первых, в их число входит ряд слов уральского происхождения, чисто случайно сохранившихся только в этих двух языковых группах; такие параллели, как справедливо отметил Б. Коллиндер, можно обнаружить в любой произвольно взятой паре уральских языковых групп, и они, естественно, не несут в себе никакой информации, значимой с точки зрения классификации языков или изучения этногенеза. Во-вторых, имеется заметное количество параллелей иного типа, с самодийской стороны представленных данными только северносамодийских языков (главным образом ненецкого), но никак не отраженных в селькупском, камасинском, МТК языках; многие из соответствующих слов обнаруживают тематическую общность (терминология оленеводства, реалии циркумполярной природы и культуры и под.). В большинстве слов такого рода наблюдаются, как обнаружил В.А. Дыбо, трудно интерпретируемые соответствия вокализма, отличные от саамско-самодийских вокалических соответствий, наблюдаемых в заведомо прауральской лексике (Дыбо, устное сообщение). Наиболее убедительное объяснение наличию второго типа саамско-самодийских лексических параллелей дает, на наш взгляд, концепция Ю.Б. Симченко, постулирующего существование в прошлом единого в культурном, и, по-видимому, также этническом и языковом отношениях населения циркумполярной Евразии (в частности, Крайнего Севера Европы и Крайнего Северо-Запада Азии). "Субстратные элементы саамского языка по своему характеру нельзя считать прямыми заимствованиями у самоедоязычных народов. В этом случае тождественные явления самоедских и лопарского языков следует объяснять наличием в составе этих народов единого уралоязычного древнего субстрата, оказавшего лингвистическое влияние и на саамов и на северных самодийцев" (Симченко КОО, 24; заметим, что тезис об уралоязычности древнего циркумполярного населения кажется нам спорным - и, в конечном счете, необязательным - моментом в данной концепции). "Ввод о заселении в определенное время лопарями территории непосредственно примыкающей к землям поздних пришельцев-самодийцев, позволяет говорить о поглощении саамами древнего арктического населения, жившего на западе от Мезени К востоку же вплоть до Енисея древний заполярный субстрат

должен был быть ассимилированным самодийцами" (Симченко КОО, 25). По-видимому, население циркумполярных областей западнее Мезени можно вообще отождествить с "протосаамами" в понимании П. Хайду (т.е. с культурно-антропологическими предшественниками саамов, но не их прямыми языковыми предками). В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что, по данным археологии, "протосаамское" население в этих районах появилось уже в VI-V тыс. до н.э. (Ariste NNy XV-XVI, 6; Mark, 88 ff.), т.е. даже ранее предполагаемой даты распада уральской языковой общности на финно-угорскую и самодийскую ветви (IV тыс. до н.э.); антропологические особенности также указывают на участие в сложении саамов северо-азиатских (= палеоарктических) форм (Беневоленская ВФУ II, 41).

2.1.3. Гипотеза двух уральских общностей

В своих работах последнего времени Я. Гуя выдвинул гипотезу, согласно которой "до разделения финно-угорской общности на западную (финно-пермскую) и восточную (угорскую) группы по неизвестным пока причинам могло произойти и другое разделение - на северную и южную группы, причем в южную входили предки прибалтийско-финских, мордовских, пермских и части угорских народов, в то время как северную группу составляли предки саамов, мари, (части) угров и самодийцев" (ОФУЯ I, 37-38). Возможность выделения северной группы Я. Гуя мотивирует в первую очередь существованием между соответствующими языками ряда лексических параллелей и приводит список таковых (Gulya STIFU, 88-89). В этой связи следует, однако, отметить два обстоятельства. Во-первых, совокупность лексических параллелей примерно того же объема можно, по-видимому, подобрать и для ряда других, более или менее случайных, комбинаций языков; для попадания в список достаточно того, чтобы некий элемент лексики уральского праязыка оказался сохраненным в одной части финно-угорских языков и исчез в другой. Во-вторых, приводимые в указанной работе лексические параллели в целом не создают сетку изоглосс, отграничивающих "северную" группу от "южной". Так, "северное" слово *ike 'сын, мальчик' (мр. *igə*, х. *O jəh*, ск. *īja*) отнюдь не заменяет собой синонимичное *pojka, которое представлено как в "южной" группе (ф. *poika*, мд. *bijsa*, к. *pi*, у. *pi*), так и в части "северных" языков (мс. *pōw*, х. *pāg*, в. *fiū*, мр. *pū-erge*; см. FUV, 108). Аналогичная ситуация с "северным" названием языка *nälma (см. *njal'me* 'рот', мр. *jälma* 'язык', мс. *nēlm*, х. *nälam*, в. *nyel'v*¹): другое древнее название языка представлено как в "южной" группе (ф. *kieli*, мд. *kel'*, у. *kil*, к. *kiv*), так и в "северной" (н. *l šē*, эн. *si'oro*, нг.

¹ Вопреки мнению Я. Гуи, куда не относится н. *hām*, представляющее собой закономерный фонетический рефлекс сложения *hāy mī 'рта внутренность', см. специально об этом Hajdú MSFOu CXXV, 53-54.

sieja, ск. *šē*, км. *šeke*, мат. (PM) *ki*, а также, возможно, мр. *kal* 'струна', мс. *keid* 'слово, сообщение', х. *köl* 'слово, речь'; см. FUV, 25). Подобные соображения можно выдвинуть и по поводу входящих в список названий кости (*täktä : FUV, 119; ср. *luwō : FUV, 32), ножа (*keče : FUV, 88; ср. *kurz : FUV, 29), ночи (*jüte : FUV, 20; ср. *üje : FUV, 127) и т.д. Высказанные соображения не дают, разумеется, оснований заведомо отрицать наличие каких-либо связей между языками так называемой "северной" группы, однако выдвинутые до сих пор основания для постулирования этой группы в данном составе в качестве реликта особой праязыковой общности кажутся мало убедительными.

В то же время интересно отметить, что в изложении своей гипотезы Я. Гуя особо выделяет угорско-самодийские параллели, фактически отводя угорским языкам роль связующего звена в языковой цепи (Gulya STIFU, 89).

2.2. Проблема венгерско-самодийских языковых контактов

Для анализа венгерско-самодийских языковых параллелей принципиальное значение имеет признание или непризнание возможности прямых контактов между правенгерским (в период после отделения его от угорской языковой общности) и прасамодийским (или самодийскими) языками.

Наиболее решительно в пользу предположения о таких контактах высказались Э. Моор и И.Н.-Шебештьен. Остановимся на их аргументации более подробно.

В своем обширном, исключительно многостороннем исследовании проблем праистории венгров Э. Моор выдвигает историческое обоснование возможности таких контактов, состоящее в том, что "крайне северная часть позднеугорской языковой области была занята правенграми и правенгры в первую очередь могли вступить в контакт с самодийцами" (Moór ALN IX, 122). Хотя в целом высказывания Э. Моора о локализации уральской прародины и взаимном расположении прародин отдельных групп и не согласуются с современными представлениями на этот счет (см. 2.3.), с цитированным тезисом можно было бы - *mutatis mutandis* согласиться при наличии веских лингвистических доказательств.

В качестве таковых, однако, Э. Моор выдвигает:

1) Наличие ряда венгерских слов, имеющих соответствие только в самодийских языках. Конкретно упоминаются *egyenes* 'прямой', *hív* 'звать', *lát* 'видеть', *mozog* 'двигаться', *láb* 'нога', *evet* 'белка', *ó* 'старый', *szán* 'жалеть', *hegy* 'гора', *szügy* 'грудь (у животных)', *hó* 'снег'. Заметим, что венгерские этимологические словари (MSzFE, TESz) признают правомерными венгерско-самодийские сопоставления не во всех этих случаях: отвергаются предполагаемые параллели к *egyenes*, *ó*, *szán*; для слов *szügy* и *hó* приводятся, помимо самодийских, финно-пермские параллели. Впрочем, число чисто венгерско-самодийских сопоставлений можно при желании приумножить: см. например,

MSzFE s.v. *csuk* 'затворять', *mű* 'труд', *szíj* 'ремень'². Однако даже с учетом этих дополнений они не преобладают численно в сравнении с другими этимологическими сопоставлениями, в которых фигурируют самодийские слова и слова одного из финно-угорских языков (или одной из групп близкородственных языков). Наши подсчеты по материалу FUV дают следующие результаты (при подсчетах исключались некоторые ошибочные сопоставления, но не включались результаты не охваченных FUV этимологических исследований): приб.-фин. + сам. - 15; мд. + сам. - 12; мр. + сам. - 5; перм. + сам. - 13; об.-угор. + сам. - 31 (в т.ч. только мс. + сам. - 4, только х. + сам. - 11). Проблема многочисленных саамско-самодийских параллелей рассматривалась выше (2.1.2.). Таким образом, есть все основания предполагать, что и указанные Э. Моором, и другие венгерско-самодийские лексические параллели не являются результатами вторичных контактов, а отсутствие соответствий в других финно-угорских языках является следствием случайных утрат или просто обусловлено недостаточностью наших знаний в этимологии (ср. Collinder Proto-Lapp., 102-115; Rédei NyK LXVI, 260-261).

2) Несколько венгерских слов Э. Моор считает непосредственными заимствованиями из самодийских слов, причем связывает их проникновение с якобы имевшим место заимствованием правенграми у самодийцев приемов оленеводства. Это в. *figyelmez* 'внимательно смотреть' (ср. эн. (С) Т *főnyézo*, Л *főnyédo* 'пасти'), *húr* 'струна, тетива' (ср. н. Т *xurko* 'веревка'), *here* 'трутень; testiculus' (ср. сам. *korā 'самец, олень-бык' - Janhunen, 74), а также подробно рассматриваемое нами далее *tolvaj* 'вор', для которого Э. Моор предполагает исходное значение 'Viehdieb, Viehräuber' (Moór ALN IX, 123-125). Первая из этих этимологий сомнительна хотя бы потому, что энецкое слово фактически имеет значительно более широкое значение - 'заниматься чем-либо, делать что-либо': эн. Т (МЭ) *kare poned'e* 'промышлять рыбу', *tebo poned'e* 'заниматься домашними делами', *suebāne poned'e* 'хорошо себя вести', и лишь в специфическом (хотя и очень часто употребляющемся) сочетании *tia poned'e* 'пасти оленей' приобретает отмеченное М.А. Кастреном значение. Фонетически это сопоставление также неприемлемо. Во втором случае первичным значением в. *húr* является, вероятно, 'кишка, внутренности' (см. TESz II, 169-170), что исключает возможность сопоставления с н. *xurko*, которое никогда не могло иметь подобного значения, ибо образовано от *xura* - 'увязать (нарту), привязать груз к нарте'. В в. *here* и сам. *korā следует усматривать (вслед за FUV, 13; КЭСК, 153; SKES, 207-208; MSzFE, 281-282; TESz II, 95-96) независимые рефлексy урал. **koj(e)ra*. Таким образом, нет оснований сомневаться в справедливости решения

² Нами предложено еще несколько венгерско-самодийских этимологий (для в. *ne* 'на, бери', *nyit* 'открыть', *tág* 'свободный, просторный, широкий', *tor* 'тризна, поминки', *von* 'тянуть'). См. Хелимский КД, 261-264.

авторов MSzFE и TESz, не принявших ни одно из предположений Э. Моора о самодийских заимствованиях в венгерском языке.

3) Наконец, Э. Моор выдвигает гипотезу о заимствовании в самодийский праязык из правенгерского трех культурных терминов — названий железа, муки и соли (Moór ALH VII, 343-344, IX, 130-133). Первая из этих этимологий (ср. в. *vas* 'железо', мс. So. -*βas* : *atβas* 'свинец', х. V Vj. *уvх* 'железо, металл, деньги' и сам. — по Janhunen, 175 — **wesä* 'железо') возможно, заслуживает внимания, хотя ее никак нельзя считать доказанной (приведенные формы скорее все же восходят к урал. **weškä* ~ **waška*; если даже считать реконструкцию уральской формы сомнительной, то и в таком случае источником самодийского слова не обязательно должен был быть правенгерский). Второе предположение повисает в воздухе из-за отсутствия (по крайней мере, в историческую эпоху) соответствующего названия муки в угорских языках: известны только финно-пермские формы типа ф. *jyvä* 'зерно' и самодийские типа н. *ja* 'мука'. Наконец, весьма вероятно непосредственная связь (обусловленная заимствованием из одного языка в другой или из какого-то третьего источника) между мс. (Конда) *šāx* 'соль' и ск. (МЭ) *šāq* (*šāqī-*); однако сомнительно, имеет ли сюда отношение в. *sō* — слово, этимологизируемое на собственно венгерской почве (см. TESz III, 564).

Проведенный разбор показывает, что ни одного безусловного (или даже хотя бы достаточно вероятного) лингвистического свидетельства вторичных венгерско-самодийских контактов Э. Моору обнаружить не удалось.

В специально посвященных этой проблеме исследованиях попытку лингвистически доказать и обосновать с позиций этнической истории существование вторичных, относительно поздних венгерско-самодийских языковых контактов предприняла И.Н.-Шебештьен (Sebestyén ALH XIV; Sebestyén NyErt XL). След таких контактов она усматривала в в. *tolvaj* 'вор'. Это слово (правенг. **tulvoj*, ср. *Thulwoy* OKISz, 1298) не может быть непосредственно возведено к урал. **sala* 'тайный, красть' (FUV, 55) ввиду анлаутного *t* (обычно урал. **s-* > в. *š*), ввиду чего И.Н.-Шебештьен считала его заимствованием из какого-то самодийского диалекта (ср. восходящие к **sala*: н. Т *tal'e-* 'украсть', *tal'ej* 'вор'; эн. (С) *tahibo*, *tarebo* 'украсть', *tariggaro*, *tariggado* 'вор'; нг. (С) *tole-* 'украсть', *tolea* 'вор', ск. (С) *tuelap*, (МЭ) *tēlj-* 'украсть', *tēlj* 'вор'; км. (D) *tolī* 'вор', (С) *tholī*, *thol'erl'im* 'украсть'), особенно акцентируя внимание на ненецкой причастной форме *tal'ewj* 'укравший', суффикс которой возводился ею к **-βui* или **-βoi* (Sebestyén ALH XIV, 280).

Многие моменты в этой этимологии вызывают возражение. Во-первых, ни в одном из самодийских языков не представлен гласный типа *u* в первом слоге, который мог бы дать *u* в **tulvoj*: имеем сам. **tālājā* 'вор' (Janhunen, 151; в нашей реконструкции — с.-сам. **tālejā*). Поскольку и для уральской праформы характерен, по-видимому, гласный

нижнего подъема, нет оснований предполагать существование *u*-образного звука на какой-либо из промежуточных стадий фонетического развития. Во-вторых, ненецкий суффикс причастий *-wĭ* совершенно очевидно восходит не к **-βui*, **-βoi*, а к **-mĭj* (?**-mĕj*), на что указывает его параллельная форма *-mĭ* (после консонантных основ, см. Терещенко Очерк, 910), а также нен. Л *-maj* (*tomaj* 'пришедший', *šāšamaj* 'завязавший', см. Вербов, 50). Об этимологии этого показателя см. Lehtisalo Abl., 108-109; Серебренников Сист., 169. В-третьих, для ненецких причастий на *-wĭ*, *-mĭ* субстантивация ('укравший' → 'вор') нехарактерна; в функции *Nomen agentis* обычно используются причастия на *-na/-ña*, *-da/-d'a*, *-ta/-t'a* (с.-сам. **-ntz*), см. Терещенко Синт., 128-129.

Тем не менее гипотезу о самодийском заимствовании можно было бы счесть (с некоторыми поправками) допустимой, если бы не существовало возможности фонетически безупречной этимологизации *tolvaj* как заимствования *ma n s i y s k o g o* рефлекса урал. **sala*: мс. **tūl-māx* (ТJ, ТС *tōlmoχ*, VN *tułmχ*, LO *tūlmaχ* 'вор'), ср. х. **šasamk* (Vj. *šalmaχ*^с, DN *šōtmaχ*, Kaz. *šalmaχ*, Kr. *totmaχ* 'грабитель', O *šalmaχ* 'росомаха'). Маргинальные контакты языков-потомков праугорского могли сохраняться вплоть до начала юго-западной миграции правенгров (см. 2.3.2.), т.е. достаточно долго для того, чтобы рассматриваемое мансийское слово приобрело близкий **tūlmāx* фонетический облик. Уже на правенгерской почве **-lm-* > *-lv-* (ср. *nyelv* 'язык' из **ñālmä*) и **-χ* (или **-k*) > *-γ* > *-j* (MNyT, 102, 104), в результате чего **tūlmāx* > **tulvoj*.

Таким образом, приходится констатировать отсутствие доказательной силы у лингвистической аргументации исследований И.Н.-Шебештьен. Что касается этноисторической стороны проблемы, то изложенные ею соображения о локализации угорской, ранней правенгерской и ранней самодийской прародин в лучшем случае лишь свидетельствуют "в пользу возможности таких контактов" (Sebestyén ALH XIV, 280), но не доказывают, что существование правенгерско-самодийских контактов было неизбежным.

Неудачные (на наш взгляд) гипотезы Э. Моора и И.Н.-Шебештьен (а также безрезультатность наших собственных попыток выявить следы заведомо поздних контактов) не могут, разумеется, служить окончательным доказательством отсутствия самодийских заимствований в венгерском языке (и наоборот). Впрочем, в лингвистике негативные утверждения вообще часто бывают недоказуемы обычными средствами (как, например, можно доказать, что ностратические языки не родственны австронезийским или что нет лингвистических универсалий, связывающих фонетическую структуру слогов с синтаксической структурой предложений?). Но тем более нет и позитивных доказательств. В связи с этим мы присоединяемся к мнению П. Хайду, который еще в 1952 г. (т.е. до появления рассмотренных выше работ) писал, что прямых контактов между правенграми и самодийцами не было и что последним нельзя приписывать большое значение в этногенезе венгров. Единственной допустимой возможностью

4-4 зак. 628

П. Хайду признавал предположение о контакте правенгров с имевшими якобы самодийское происхождение протосаамами (Хайду ALN II, 307). Поскольку, однако, с тех пор П. Хайду пересмотрел свою точку зрения на происхождение протосаамов (Hajdu ACUP, 39), его позицию по отношению к рассматриваемой проблеме можно считать чисто негативной.

Вывод об отсутствии очевидных следов венгерско-самодийских контактов в лексике и, следовательно, о том, что таких контактов не было или что они характеризовались весьма слабой интенсивностью, имплицитно подразумевает одну из важных предпосылок проводимого нами далее анализа: мы полагаем, что венгерско-самодийские параллели, даже и не отраженные в обско-угорских языках, можно с уверенностью возводить по крайней мере к общегорской эпохе (и тем более к общесамодийской, которая длилась дольше) и датировать возникновение соответствующих явлений, самое позднее, началом I тыс. до н.э., а возможно, и значительно более ранним временем, если к эпохе распада угорской общности самодийцы уже успели продвинуться далеко на восток (см. 2.3.3.).

2.3. Исторический фон древнейших угорско-самодийских языковых связей

2.3.0. В своем исследовании "Формирование правенгерского народа в свете истории звуков и слов" Э. Моор уделит значительное внимание проблеме угорско-самодийских и в особенности правенгерско-самодийских языковых связей и дал подробное изложение этноисторической концепции, объясняющей генезис этих связей (Moór ALN IX, 119-133). Согласно Э. Моору, в период уральской общности и в течение длительного времени после ее распада крайнюю северную часть уральской прародины (бассейна Камы) занимали предки самодийцев, а южнее их находились последовательно протосаамы, правенгры, предки обских угров, предки финно-пермцев. Общие для самодийских, венгерских и других угорских языков явления отчасти являются общим для всего северного (самодийско-саамско-угорского) ареала, отчасти возникли в результате прямых контактов между уграми (особенно правенграми) и самодийцами после того, как протосаамы ушли на запад, отчасти обусловлены параллельным воздействием вошедшего в состав как угров, так и самодийцев иноэтнического компонента, который Э. Моор отождествляет с мансийской фратрией Пор (*por-Volk*). Исследование Э. Моора содержит ряд важных положений, на которые мы также опираемся в анализе и интерпретации взаимоотношений между уральскими языками — таковы, в частности, тезисы о расчлененности прародины на зоны, более или менее соответствующие современным языковым группам, о постепенном характере распада праязыка и длительном сохранении взаимопонимания между начавшими отделяться друг от друга группами. Отдельные лингвистические факты из числа привлекаемых к рассмотрению Э. Моором

обсуждаются в различных разделах данной работы. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что те посылы исторического характера, на которые опирается Э. Моор в рассмотрении угорско-самодийских связей, в значительной мере не соответствуют современным представлениям об истории уральских народов. Видимо, ошибочно утверждение об исходной локализации самодийцев на крайнем северо-востоке Европы, откуда они начали распространяться в Сибирь начиная со второй половины I тыс. до н.э.³; представление о протосаамах как промежуточном звене между уграми и самодийцами (см. 2.1.2.); предположение о локализации довенгерских групп населения в северной части занятой уграми территории (см. 2.3.2.). И это, и ряд других спорных мест в концепции Э. Моора делает целесообразным освещение того исторического фона, на котором могли возникнуть древнейшие угорско-самодийские языковые параллели, с точки зрения современных представлений об истории уральских народов. Ниже мы ориентируемся главным образом на получившие широкое распространение в современном финно-угроведении (см. ОФУЯ I, 35-42) и сходные во многих отношениях концепции В.Н. Чернецова и П. Хайду, а также на исследования тех авторов (среди археологов они составляют абсолютное большинство), которые в основном придерживаются этих концепций.

2.3.1. Дивергенция прауральских диалектов и распад уральской языковой общности

Сказанное выше (1.1.4) о диалектно неоднородном характере финно-угорского праязыка, отдельные группы говоров которого легли в основу позднейших языковых групп, в равной или даже в еще большей мере может быть отнесено и к уральскому праязыку, область распространения которого была, по мнению исследователей, достаточно велика. Согласно П. Хайду, "уральская прародина в начале и середине среднего голоцена должна была располагаться к северу от Среднего Урала, между нижним течением Оби и истоками Печоры, большей частью, вероятно, в Западной Сибири" (Hajdu ALN XIV, 74). Э. Итконен, принимая аргументацию П. Хайду в пользу подобной локализации прародины, допускает, что протяженность прародины могла быть еще большей и что отдельные группы уральцев уже в древнейший период могли находиться южнее и западнее указанных областей (Itkonen UAJb XLI). В.Н. Чернецов в начале 50-х гг. связывал первоначальную область расселения уральцев с Обь-Иртышью (Чернецов CIFU; Чернецов МКАЭ), но впоследствии акцентировал внимание на этнокультурной

³ Гидронимика на -ма, которую Э. Моор считает самодийским топонимическим пластом в Европе, имеет своим центральным ареалом волго-окскую область, а отнюдь не северное Прикамье, и связана по происхождению, вероятно, с дофинно-угорским населением Восточной Европы; см. Серебренников ВЯ 1955; Серебренников СФУ IV, 45-56; Бадер ПАДИУ, 13.

общности, занимавшей более обширный ареал, включающий европейское Приуралье и Западную Сибирь до Енисея (Чернецов ПАС 1969; Чернецов ПАУС). Последняя точка зрения принята многими археологами; так, А.Х. Халиков считает, что с уральской языковой общностью может быть соотнесена относительно единая археологическая культура IV тыс. до н.э. (скорее всего, его первой половины), "территориально занимавшая все Волго-Камье, Приуралье и Западную Сибирь до Енисея" (Халиков, 381); О.Н. Бадер указывает на "обширные территории лесного Зауралья и лесного Приуралья, включая часть среднего Поволжья", отмечая уже для IV-III тыс. до н.э. наличие особых, хотя и родственных историко-культурных областей и предполагая диалектную неоднородность данных территорий (Бадер ПАДИУ, 14). Этнограф П. Вереш соотносит с уральской языковой общностью "сравнительно гомогенную неолитическую культуру сопредельных областей Уральских гор, аazonально пересекавшую ландшафтные зоны Западной Сибири", особо подчеркивая последнее обстоятельство как причину разной хозяйственной специализации уральских групп, живших в разных ландшафтно-климатических условиях (Вереш АКД, 5). Многие исследователи (в т.ч. и Д. Ласло, придерживающийся иной концепции уральской прародины) связывают восточную часть прародины с досамодийскими (или досамодийскими и доугорскими), а западную - с дофинно-пермскими группами (Чернецов ПАУС, 12; Ласло ПАДИУ, 8; Халиков, 382 и др.).

Распад уральской языковой общности мог явиться итогом постоянно увеличивавшейся дивергенции диалектов, связанной с постепенным расселением уральцев и ослаблением связей между отдельными их группами (Hajdu FNNy, 55-57; Hajdu ALN XIV, 78). По мнению А.Х. Халикова, здесь сыграла роль и внешняя причина. Уральская общность "очевидно, существовала до второй половины IV тысячелетия до н.э., когда, по мнению ряда исследователей, в Зауралье с юга проникли племена, тесно связанные по культуре с кельтеминарскими племенами Приуралья. Последние... очевидно, разорвали уральскую раннеолитическую общность на две части - западную и восточную.

И если в западных племенах, оставшихся преимущественно к западу от Урала и частично смешавшихся в Зауралье с пришлыми племенами, есть основание усматривать финно-угров, то в восточной группе, племена которой достигали берегов Енисея, следует искать предков самодийских племен" (Халиков, 382). Если данная гипотеза верна, то расчленение уральской общности клином пришельцев могло, вероятно, лишь закрепить уже сформировавшиеся к тому времени диалектные отличия. Следует, однако, иметь в виду, что В.Н. Чернецов, открывший археологические свидетельства кельтеминарской экспансии, относил ее к более раннему времени (VI-V тыс. до н.э.) и даже предполагал вначале, что пришельцами были сами уральцы, ассимилировавшие аборигенное население Зауралья (Чернецов МКАЭ).

2.3.2. Угорская эпоха

Все исследователи сходятся на том, что доугорские диалекты уральского праязыка, а затем угорская языковая общность локализовались восточнее дофинно-пермских диалектов (и соответствующей общности); это хорошо согласуется с выводами, к которым можно прийти из рассмотренных взаимоотношений между современными финно-угорскими языками (см. 1.1.4). Что касается конкретной локализации прародины угров, то до недавнего времени представления на этот счет были довольно расплывчатыми. Так, Э. Итконен допускал возможность расселения угров как к западу от Уральских гор, так и в Зауралье (Itkonen UAJb XXXII, 17). В "Основах финно-угорского языкознания" представлена, с одной стороны, точка зрения Е.И. Ромбандеевой, согласно которой "прародина угров находилась в лесных районах по р. Каме и южнее от нее" и лишь "в течение XII-XV вв. под натиском коми и русских основная масса угров переходит Урал (отдельные группы жили там и раньше) и обосновывается... в северо-западных районах Сибири, занимая постепенно территорию, на которой живет и ныне. Разделение их на манси и ханты произошло еще до переселения в Сибирь" (ОФУЯ III, 230; см. также Ромбандеева ИФУЯЛ); с другой же стороны, Ю.Н. Караулов отмечает, что "отдельные хантыйские племена селились по Оби уже в очень отдаленные времена" (ОФУЯ III, 242). На наш взгляд, основные аргументы, выдвигаемые в пользу европейской локализации прародины обских угров, нельзя считать надежными: наличие отдельных групп манси (но, по видимому, не ханты) к западу от Урала в историческую эпоху могло быть обусловлено их перемещением в противоположном (из Зауралья в Предуралье) направлении; нет никаких указаний на то, что обско-угорская топонимика в западном Приуралье появилась еще во времена обско-угорской языковой общности или ранее - напротив, прозрачность этимологии многих топонимов (мансийского происхождения) свидетельствует об их относительной новизне; наконец, многочисленные заимствования из коми языка могли быть усвоены обскими уграми в современных районах расселения (ср. наличие значительных групп ижемских коми на нижней Оби в настоящее время). См. также Вереш АКД, 10.

Исследования археологов, опубликованные в последние годы, дают более правдоподобный ответ на вопрос о локализации угорской и обско-угорской прародин. Согласно В.Н. Чернецову, "в историческое время угры населяли все среднее и северное Зауралье и нижние течения Оби и Иртыша. В Зауралье их пребывание можно легко проследить на основании некоторых традиционных черт по крайней мере до рубежа III и II тысячелетий, а по общим археологическим данным и далее вглубь" (Чернецов ПАС 1969, 115). Следуя этой точке зрения, А.Х. Халиков считает возможным указать непосредственный археологический аналог угорской языковой общности. "В Зауралье в эпоху раннего металла развивалась горбуновская культура, которую некоторые исследователи склонны подразделять на две группы - аниноостровскую и

дмитриевскую. Большинство археологов, занимавшихся изучением ранних энеолитических памятников Зауралья, отмечают их определенную близость к культурам Волго-Камья". И далее (после указания общих особенностей горбуновской культуры и волосовско-турбинской культуры Волго-Камья): "Отмеченные общие черты не могли возникнуть лишь в результате межплеменных взаимосвязей, они, по-видимому, свидетельствуют о сохранении до рубежа неолита и энеолита, т.е. до начала II тысячелетия до н.э., этнокультурной общности волго-камско-уральских племен. Такой общностью могла быть лишь финно-угорская общность. И если в волосовско-турбинской группе мы усматриваем финноязычные племена, то зауральскую группу, очевидно, следует рассматривать как угорскую" (Халиков, 379). О.Н. Бадер также говорит о двух родственных историко-культурных областях, обособившихся, возможно, еще в эпоху неолита - восточноуральской, урало-обской (древнеугорской) и западноуральской, урало-волжской (древнефинской) (Бадер ПАДИУ, 14). Локализуя угров в районах восточнее Урала, И. Фодор придерживается, однако, иной точки зрения о широтных параметрах их расселения, предполагая, что в предшествующую распаду эпоху (бронзовый век) угры находились на границе западно-сибирских лесов и степей (и имели развитое коневодство, о чем свидетельствует общегорская терминология последнего) и привязывая их археологически к скотоводческой андроновской культуре (Fodor ACUP, 63); в первой половине I тыс. до н.э. общее потепление и особенно аридизация климата восточнее Урала вызвали, согласно И. Фодору, необходимость изменения или территории расселения, или экономического уклада, с чем и был непосредственно связан распад угорской общности. Избрав первую из этих возможностей, предки обских угров сдвинулись на север, в зону тайги, где наслоились на аборигенное, традиционно занимавшееся охотой и рыболовством население (вероятно, также уральского происхождения). Напротив, предки венгров превратились в степных кочевников (Fodor ACUP, 70-72). Вероятно, при такой трактовке угорской истории отмеченные В.Н. Чернецовым традиционные черты (близость археологического материала от позднего неолита до развитого железа, связь наскальных изображений Урала с искусством обских угров) могут быть оценены как наследие идущее от субстратного компонента в составе обских угров. История угорской эпохи в изложении П. Вереша сходна с нарисованной И. Фодором, однако для концепции Вереша существенно признание праугорской территории (лесостепей Западной Сибири) "южными окраинами прародины финно-угров" (Вереш АКД, 6), поскольку формирование венгров в период после распада угорской общности и до IV в. н.э. этот автор связывает с западноказахстанскими полупустынями - с районом "между нижней Волгой и Мугоджарами и Аральским морем" (Там же, 11).

В этом пункте П. Вереш расходится, таким образом, с широко распространенной точкой зрения, согласно которой прародина венгров в период до начала их миграций на запад локализуется в Приуралье (примерно на территории со-

временной Башкирии). На наш взгляд, выдвинутая им аргументация в пользу западноказахстанской прародины венгров недостаточна для отказа от традиционных взглядов. Антропологическим данным нельзя придавать чрезмерное значение: если даже в антропологическом облике древних венгров есть четкие признаки арало-прикаспийских связей, их легко объяснить значительной (едва ли не доминировавшей) ролью тюркского компонента в этногенезе венгров. Достаточно произвольной выглядит и трактовка П. Вереша в пользу своей концепции чисто негативного факта - отсутствия археологических находок, связанных с переселениями древних венгров. Трудно согласиться и с объяснением некоторых процессов древневенгерского фонетического развития (возникновение звонких в начале слова, переходы $*p > f$, $*k > x$ и др.) как результатов иранского языкового влияния.

Тем не менее, нельзя, по-видимому, исключить "компромиссную" гипотезу из области ранней этнической истории венгров. Если отделение правенгров от обских угров было связано с климатическими изменениями, то, действительно, наиболее логично предполагать их первоначальную локализацию в южной части (или несколько южнее) угорской прародины, т.е. примерно там, где их помещает П. Вереш. Однако на протяжении последующих 1000-1500 лет в условиях развитого кочевого скотоводства вполне могло произойти передвижение правенгров в примыкающие с северо-запада районы Приуралья (в частности, на "башкирскую" прародину), которые и послужили базой для дальнейших юго-западных и западных миграций. На существование этого, по крайней мере промежуточного, "башкирского" этапа в расселении правенгров, помимо широко известных исторических и ономастических свидетельств (путешествие Юлиана; возможность этимологизации этнонима *Baŋqır ~ Baŋyır* как связанного с *magyar*; совпадение ряда башкирских родовых названий с древневенгерскими), указывают следы вторичных венгерско-пермских контактов (см. 1.1.3.4), а также и более широкие ареальные связи правенгерского языка с языками Поволжья и Прикамья, выявленные нами, в частности, на акцентологическом материале (Хелимский Черед., 129-130).

2.3.3. Самодийская эпоха

Практически во всех исследованиях последнего времени признается, что в течение нескольких тысячелетий существования самодийского праязыка носители его находились на территории между Уралом и Енисеем, причем путь их расселения пролегал не через тундровые районы. В рамках этого общего положения наблюдаются, однако, значительные расхождения между концепциями отдельных авторов. П. Хайду рассматривает прасамодийцев как группу, занимавшую в каждый конкретный момент относительно компактную область, и считает, что в III тыс. до н.э. они находились в лесной полосе Западной Сибири, а затем постепенно продвинулись к устью Иртыша и далее на восток и юго-восток, достигнув ко II в. до н.э. Алтая (Најдú НүК

LIV, 48; Hajdu FNNy, 332-334; Hajdu ALN XIV, 78; Hajdu ACUP, 38). Представления об относительной "компактности" самодийцев придерживается в одной из своих работ и В.Н. Чернецов; он предполагает, что во II тыс. до н.э. (эпоха бронзы) самодийцы являлись носителями скотоводческой культуры на территории современной Омской обл., которая распространилась вдоль Чулыма в сторону Енисея, а в конце эпохи бронзы были оттеснены из степи отчасти на Саяны, а отчасти вниз по Енисею (Чернецов CIFU, 411). Однако в другом месте В.Н. Чернецов признает территории формирования древнесамодийских групп всю гигантскую восточную часть связываемого им с уральской языковой общностью "урало-сибирского этно-культурного ареала", от Иртыша до среднего и верхнего Енисея (Чернецов ПАС 1969, 117-118; см. также Халиков, 382). Л.П. Хлобыстин считает возможным связать с самодийцами целый комплекс близких культур II тыс. до н.э. - окуневскую в Минусинской котловине и ее аналоги под Красноярском, в Туве и на Алтае, самусьскую в Притомье, некоторые культуры Обь-Иртышского междуречья - и указывает на наличие в это время культурной общности переходного от самодийцев к уграм характера на Среднем Иртыше (Хлобыстин ЭНСА, 134). Имеются попытки соотнесения самодийцев с носителями кулайской культуры второй половины I тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э. в Нарымском, а затем Томско-Новосибирском и Верхнем Приобье (Могильников ПАС 1969, 180; Косарев СА 1972, 92; Чиндина ВФУ II, 88), большебереченской культуры I тыс. до н.э. на Верхней Оби (Могильников ПХКП, 190).

В этом разделе не упомянуты некоторые (преимущественно старые) работы, касающиеся самодийской праистории, но основанные на принципиально иных предпосылках (например, на гипотезах о центральноазиатской прародине уральцев или о расселении самодийцев из Субарктики на юг) или не вносящие существенных корректив в изложенные здесь концепции. Более полные обзоры литературы дают Хомич ПЭН 5-22, 70-73; Симченко КОС, 7-22 и Васильев Проблемы, 6-15. Впрочем, в археологических исследованиях последних лет заметна тенденция к большей осторожности в соотнесении выявленных на территории Сибири древних культур и исторически засвидетельствованных этносов; "задачу исследования этнической истории отдельных групп населения ставить в настоящее время затруднительно из-за слабой разработки методологии этногенетических исследований и недостаточной источниковедческой базы" (Матюшенко ПАС 1973, 197).

2.3.4. Связи между угорской и самодийской общностями

Ввиду отсутствия достаточной ясности в вопросе о пространственно-временной локализации самодийцев в III-I тыс. до н.э. археологическая сторона взаимоотношений самодийской и финно-угорской (угорской) групп в этот период изучена, как считает О.Н. Бадер, слабо (Бадер ПАДИУ, 29). Тем не менее, ряд исследователей отмечает наличие материальных следов угорско-самодийских контактов этого вре-

мени (не будучи компетентным в вопросах археологии, автор книги затрудняется сказать, насколько показателен привлекаемый при этом археологический материал и продиктованы ли сделанные на его основе выводы бесспорным характером параллелей или априорными соображениями этно-исторического плана). Наиболее детальную картину рисует М.Ф. Косарев: "Накануне бронзового века в Западной Сибири достаточно четко определились две линии преемственности культурных традиций - тоболо-иртышская и томско-нарымская, что видимо характеризует процесс выделения на этой территории двух больших этнических массивов... Эти две линии на протяжении почти всего II тысячелетия до н.э. развивались в общем параллельно, и лишь с эпохи поздней бронзы начинается активное взаимодействие между ними. Этот процесс, через ряд промежуточных этапов, привел в эпоху раннего железа к сложению в Нарымском Приобье кулайской культуры, двухкомпонентность которой вряд ли может вызывать сомнения... Отмеченные по западносибирским археологическим материалам контакты двух этно-культурных массивов, видимо, отражают процесс взаимодействия на этой территории двух больших этнических групп - угорской и самодийской" (Косарев ПАС 1969, 151-154). Л.П. Хлобыстин, как уже отмечалось, считает, что во II тыс. до н.э. культурная общность переходного от самодийцев к уграм характера имела на Среднем Иртыше. Для более раннего периода (поздний неолит) связи между западной и восточной частями урало-сибирского ареала, которые не могли не затрагивать угров и самодийцев, постулирует В.Н. Чернецов (Чернецов ПАС 1969, 117). Предположению о сохранении связей такого рода не противоречит и отмеченная выше точка зрения А.Х. Халикова, согласно которой самодийцы оказались отделены от финно-угров кельтеминарцами, поскольку к рубежу IV-III тыс. до н.э. "в культуру зауральского населения постепенно изживаются южные (кельтеминарские) черты, что, очевидно, связано с окончательной ассимиляцией пришлых элементов местным финно-угорским населением" (Халиков, 386); сам А.Х. Халиков также считает, что "в течение всего времени развития отдельные группы финно-угорской и даже уральской общностей не теряли связей друг с другом и постоянно находились во взаимодействии, что нельзя не учитывать при выяснении отдельных периодов всего этногенетического процесса" (Там же, 387).

2.3.5. Антропологический аспект проблемы

В этом изложении исторического фона древнейших угорско-самодийских языковых связей мы - как и авторы используемых здесь работ - исходим из представления о том, что родственные взаимосвязи уральских языков свидетельствуют о существовании на определенных этапах их истории уральской, далее самодийской, финно-угорской, угорской, финно-пермской и т.д. языковых (и культурных) общностей. Особняком стоит вопрос о том, сколь велика была в истории этих общностей роль языковой ассимиляции и аккумуляции каких-то иных, неуральского происхождения этно-

сов. Так, выдвигалась гипотеза о том, что предками самодийцев явилась некая "арктическая монголоидная" (Ю. Тойвонен) или "алтайская или палеосибирская" (А.-М. Уэссон) этническая группа, усвоившая уральский праязык (Toivonen JSFOu LVI¹, 13; Uesson, 77-79). Принятие этой гипотезы (от чего, впрочем, целесообразно было бы воздержаться до получения надежных подтверждений) не изменило бы лингвистически релевантных предположений исследования отношений между самодийскими и финно-угорскими языками: кем бы ни были далекие предки самодийцев по своему происхождению, с момента перехода на пользование уральским праязыком они стали одной из составных частей уральской языковой общности. Заметим, что неоднократно упоминаемый А.-М. Уэссоном в связи с предполагаемым усвоением самодийцами уральского праязыка термин "пиджинизация" вряд ли уместен: обычно пиджинизация предполагает процессы радикального упрощения грамматического строя пиджинизируемого языка или трансформации в соответствии со строем языка субстрата, а самодийский грамматический строй, в целом и во множестве деталей совпадающий со строем финно-угорских языков, не дает оснований постулировать подобные процессы (другое дело - перспектива выделения неуральского лексического субстрата в самодийских языках, на наш взгляд, весьма многообещающая). Совершенно неприемлемо и предположение о том, что "путем пиджинизации самодийцы отделились от финно-угорской общности до того, как произошла интеграция финно-угорско-индоевропейской общности из различных компонентов" (Uesson, 84) - оно не согласуется ни с данными ностратических исследований, ни с тем бесспорным для уралистов фактом, что финно-угорские языки имеют гораздо больше общего с самодийскими, чем с индоевропейскими языками.

2.4. Классификация и периодизация угорско-самодийских языковых связей

Изложенные выше представления о древнейших этапах истории самодийцев, венгров и обских угров позволяют построить общую классификационную схему для угорско-самодийских языковых связей и порожденных этими связями структурных и материальных параллелей между венгерским и самодийскими языками (в абсолютной датировке отдельных периодов мы следуем хронологии членения уральской языковой семьи по П. Хайду, представленной на схеме в разделе 1.1.1).

а) Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели имеют чисто генетический характер и восходят к общей для всех уральских языков праязыковой системе. В отдельных случаях параллели такого рода могут несомненно на общеуральское происхождение, быть представленными только в угорской и самодийской группах ввиду утраты или инновационной замены соответствующих языковых элементов в прафинно-пермском: предполагается, что при своем продвижении на запад финно-пермские языки, и в особенности их западные группы, подверглись значительно

му субстратному влиянию каких-то палеовосточноевропейских языков и ввиду этого во многом отошли от праязыкового архетипа (Moór ALH VII, 341-355, особенно 348-349; Hajdu FNNy, 43-44). В случаях такого рода доказательством общеуральской древности угорско-самодийских языковых параллелей может служить, например, наличие ностратической этимологии; тем не менее, ограничение этих параллелей от параллелей ареально-генетического характера (см. ниже) носит в известной мере условный характер (что, однако, никак не влияет на достоверность конкретных сопоставлений, позволяющих во многом дополнить прауральскую реконструкцию, которая до сих пор базировалась преимущественно на сравнении финно-пермских языков с самодийскими).

Возникновение прототипа чисто генетических параллелей можно относить ко времени не позднее IV тыс. до н.э.

б) В период, когда в ходе постепенного расселения уральцев создавалась ситуация диалектной непрерывности (характеризующаяся сходством соседних и значительным различием удаленных друг от друга говоров) и формировались диалектные ареалы, впоследствии легшие в основу отдельных групп уральских языков - в этот период (VI-IV тыс. до н.э.) возникли предпосылки для появления ареально-генетических угорско-самодийских параллелей, обусловленных соседством доугорских и досамодийских говоров (диалектов) праязыка. В основе таких параллелей могут лежать общие для восточного диалектного ареала уральского праязыка инновации, уже не распространившиеся на западную (дофинно-пермскую) часть прауральских диалектов. Естественно, и в этом случае соответствующие параллельные явления могли быть затем утрачены частью угорских или самодийских языков.

в) Рассмотренные выше историко-археологические данные позволяют считать возможным и даже вероятным, что после распада уральского праязыка на территории Западной Сибири существовали контакты между (ранне)самодийским праязыком, с одной стороны, и доугорскими диалектами финно-угорского праязыка, а затем угорским праязыком, - с другой. Контакты такого рода могли послужить предпосылкой для возникновения общих явлений, легших в основу древнейших ареальных угорско-самодийских параллелей. Возможно, эти контакты были маргинальными и в них не принимали непосредственного участия (во всяком случае, в позднеугорскую эпоху) южные или юго-западные диалекты угорской языковой общности, легшие в основу венгерского языка. Ввиду недостаточной ясности вопросов древнего расселения угров и особенно самодийцев трудно сказать, существовали ли угорско-самодийские контакты сразу же после распада уральской языковой общности (если причиной последнего действительно явилось вторжение иноетнических групп с юга, как предполагает А.Х. Халиков, то столь ранние контакты маловероятны) и длились ли они в течение всей общеугорской эпохи (или были прерваны ввиду продвижения самодийцев вглубь Сибири). Следует заметить, что ареальное угорско-самодийское языковое взаимодействие могло быть двунаправленным; кроме того, источни-

ком параллелей могли явиться общие для обоих праязыков суб-, супер- и адстратные воздействия.

Угорские и самодийские прототипы ареальных параллелей могут относиться к периоду с IV по начало I тыс. до н.э. или к каким-то отрезкам этого периода.

г) Контакты, охарактеризованные в п. в), могли, в принципе, продолжиться и в период после распада угорской языковой общности и до распада самодийской, т.е. во второй половине I тыс. до н.э. В таком случае они могли привести к появлению ареальных параллелей между обско-угорскими (но не венгерским) и самодийскими языками. Фактически, однако, параллели такого рода - если они и существуют - нелегко отграничить от результатов более поздних и весьма интенсивных взаимодействий (см. ниже). Напротив, достаточные основания для постулирования ареальных связей между венгерским и самодийскими языками, как показано в разделе 2.2, отсутствуют.

д) В период после образования отдельных самодийских языков, распространенных, в частности, в бассейне Оби (селькупский) и западносибирской тундре (ненецкий), имели место и продолжают до настоящего времени контакты самодийцев с ханты и манси, хорошо документированные исторически, этнографически и лингвистически. Их результатом являются, в первую очередь, многочисленные хантыйско-селькупские, хантыйско-ненецкие и, в несколько меньшей степени, мансийско-ненецкие ареальные параллели (лексические заимствования, конвергентные явления в развитии языковых систем). Параллели такого рода в сфере лексики исследованы в работах: Ahlqvist JSFOu VIII; Gombocz NyK XXXII; Hajdú NyK LIII; Steinitz UAJb XXXI; Терещенко ВЯ 1959; Hajdú MSFOu CXXV; Steinitz MSFOu CXXV; Steinitz ALH XIII; Rédei NyK LXXIV; Попова ПЭНС; Katz NyK LXXVI; Попова ИЯС; Honti NyK LXXX и др. (многие сопоставления рассеяны в этимологических исследованиях и в работах описательного характера). Фонетические и морфологические параллели (отчасти, впрочем, обусловленные угорско-самодийскими связями более древних эпох) рассматривают Серебренников ВЯ 1957, 5-8; Серебренников СФУ I; Katz NyK LXXVI; важным вкладом в изучение ареальных связей обско-угорских и самодийских языков являлась диссертация Х. Катца, в которой показано существование севернохантыйско-(северномансийско)-ненецкого и восточнохантыйско-селькупского фонологических языковых союзов (Katz Sprachbünde). Г.Н. Прокофьев привел ряд селькупско-мансийских параллелей, свидетельствующих о том, что в прошлом эти два ныне не соприкасающихся языка могли находиться в отношениях контакта - возможно, опосредованного общим субстратным воздействием (Прокофьев Сельк., 12-13). Значительно менее надежной является гипотеза о контактах камасинского языка с обско-угорским (хантыйским), основанная главным образом на предположении о заимствовании км. *alma* 'сон' из х. V Vj. *ālam*, мс. Tj *ōlām* (Halász NyK XXIV, 465; Lehtisalo Vir. 1950, 162;

MSzFE, 85). Очевидные обско-угорские заимствования в энецком языке проникли в него через ненецкое посредство (это было отмечено в нашем докладе на Всесоюзном совещании финно-угроведов в октябре 1977 г. в Ужгороде, опубликованном лишь в виде тезисов - Хелимский ИФУЯЛ). Особых оснований постулировать прямые контакты обско-угорских языков с энецким, нганасанским или, в более раннюю эпоху, с прасеверносамодийским, по-видимому, нет.

В принципе часть ареальных параллелей между обско-угорскими и самодийскими языками может иметь своим источником общий для них палеозападносибирский и/или палеоарктический субстрат (Прокофьев СЭ 1940; Serebrennikov ICL) или отражает адстратное влияние расположенных восточнее языков - енисейских, тунгусо-маньчжурских (Иванов SURJ; Futaky, 30-31).

Тестественно, вопросы, связанные с ареальными параллелями позднего происхождения между отдельными обско-угорскими и самодийскими языками, оставляются нами за пределами данного исследования; критерием привлечения к рассмотрению тех или иных языковых явлений служит представленность их в венгерском языке.

В свете данной классификации становится очевидным, что при бесспорной справедливости широко распространенного мнения о близости самодийских языков угорским привлекаемый в связи с этим конкретный языковой материал отражает взаимодействия различной временной глубины и различного охвата.

Э. Леви называет две общих черты угорских и самодийских языков: различие субъектного и объектного спряжения и отсутствие отрицательного глагола (Lewy, 380). Первая из этих особенностей восходит к прасамодийскому и праугорскому языковым состояниям (см. Кюннап АДД, 15-17; ОФУЯ I, 54-55) и, вероятно, отражает по крайней мере ситуацию в восточном ареале прауральских диалектов (подробно см. 3.1). Во втором случае параллель охватывает только угорские и селькупский языки (возможно, утрата отрицательного глагола в последнем произошла не без обско-угорского влияния, т.е. явилась следствием наиболее поздних по времени ареальных связей). Отрицательный глагол имеется во всех северносамодийских языках (Castrén Gr., 435-437, 492-494, 515-518), в камасинском языке (Kwb, 164-165), в МТК: (PM) тайг. *ischigohurām* 'не вижу', кар. *ischín go*, мат. *ingümsiä* (ср. кар. *chóschin* 'вижу', мат. *schénemendem*), тайг. *igimchóndunschuk* 'не сплю', кар. *ischín góndo*, мат. *iüng chóna* (ср. тайг. *chandiium* 'сплю', кар. *chóndoschin*, мат. *mon chondäschtam*), кар. (P3) *iljamdiminir* 'не знаю', мат. (Сп) *ugamданем* (ср. *тенимгам* 'знаю'). Самодийские формы являются рефlekсами уральского отрицательного глагола *e- (FUV, 10).

Э. Моор, помимо отмеченных Э. Леви общих черт, указывает на характерный для обеих языковых групп переход > s, связывая его с параллельным воздействием на них языка народа Пор (Moór ALH VIII, 270-272, IX, 120). Хотя установление столь прямой связи с совершенно неизвестным языком реконструируемого гипотетически (на основе данных 5-2 зак. 628

фольклора и этнонимии) народа представляется нам рискованным, можно согласиться с трактовкой данной параллели как относящейся к периоду существования угорского и самодийского языков, т.е. как одной из древнейших ареальных параллелей (подробнее см. 3.6).

Среди выделенны Б.А. Серебренниковым общих черт самодийских (преимущественно ненецкого) и угорских (преимущественно обско-угорских) языков, совокупность которых представляется "языковой манерой, свойственной языкам особой зоны, которую мы предварительно называем восточно-приуральской языковой зоной" (Серебренников ВЯ 1957, 8), можно, на наш взгляд, разграничить параллели чисто генетического характера (глагольное окончание 2 Sg. -и в муссийском, хантыйском, ненецком языках - ср. аналогичное окончание в коми, см. Серебренников Сист., 75), предположительно ареально-генетического характера (наличие субъектного и объектного спряжений, совпадение окончаний последнего с посессивными окончаниями имени), результаты ареальных взаимодействий (сходство в организации падежной системы, повествовательное и предположительно наклонения у глагола), в том числе и безусловно очень поздних (спирантизация *k, из всех самодийских языков происшедшая в анлауте только в тундровом ненецком).

Отметим, что в более поздней своей работе Б.А. Серебренников на лексическом материале выделяет более широкий сравнительно с "восточно-приуральской языковой зоной" языковой ареал, называемый им восточным и включающий, мимо самодийских и угорских языков, также и пермские (Серебренников Этим. 1966). Хотя с частью "восточноуральских" этимологий, включенных в эту работу, нам трудно согласиться, а ряд других следует, по-видимому, интерпретировать как сравнительно поздние заимствования (коми-зырянские в обско-угорских языках, обско-угорские в ненецком и т.д.), предположение о пермско-угорско-самодийских языковых связях древнейшей эпохи заслуживает внимания. Оно хорошо согласуется с представлениями об "особых отношениях", которые связывают венгерский и другие угорские языки в рамках финно-угорской ветви с пермскими языками (см. 1.1.3.4), а в рамках всей уральской семьи - с самодийскими.

Глава третья АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ ВЕНГЕРСКО-САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

3.0. Изложенные выше соображения позволяют перейти непосредственному рассмотрению некоторых явлений в современных языках, которые могут быть объяснены как отголоски древнейших угорско-самодийских языковых связей. В центре нашего внимания находится ряд параллелей меж-

венгерским и самодийскими языками (часть из них прослеживается и на обско-угорском материале), позволяющих или дополнить прауральскую реконструкцию, или выявить достоверные реликты вторичных контактов в период после распада уральской общности. Именно разноплановостью этих параллелей объясняется относительная "пестрота" тем, затрагиваемых в этой главе: типы глагольного спряжения и их окончания; образование аккузатива личных местоимений; и-овые показатели местных падежей; образование каузативных глаголов; различие атрибутивной и неатрибутивной форм числительного 'два'; рефлексия сибилантов. Разумеется, выбор тем обусловлен самим исследуемым языковым материалом; вряд ли можно сомневаться в том, что какие-то важные черты венгерского и самодийских языков, также существенные для оценки их древнейших генетических и ареальных связей, могли ускользнуть от внимания автора книги.

Как можно видеть, в орбите исследования оказывается преимущественно морфологический, отчасти синтаксический и лишь в небольшой мере фонетический материал, тогда как лексике мы практически не апеллируем. Основная причина этого - трудности, сопряженные с попытками интерпретировать данные фонетики и лексики на предмет разграничения первичных, генетических, и вторичных, ареальных, параллелей. В сфере фонетики очевидных венгерско- или угорско-самодийских общих инноваций, за исключением развития сибилантов, обнаружить пока не удается; видимо, предварительным условием их выявления (если они, как можно допустить, все же имеются) должна явиться гораздо более полная разработка сравнительно-исторического вокализма уральских языков (как отмечалось в предисловии, существующие теории на этот счет не обладают достаточной объяснительной силой); ряд неясностей остается и в вопросах реконструкции и рефлексии урал. *ǵ, *ǵ', *ǵ'', *ǵ''' (не исключено, что уточнение этих вопросов может дополнить список параллелей). Что же касается лексических параллелей, то, как мы считаем, наиболее надежным критерием отграничения заимствований из праугорского в прасамодийский и наоборот от реликтов прауральского словаря могли бы быть "нарушения" в заимствованиях закономерных фонетических соответствий между праугорским и прасамодийским (в первую очередь, соответствий вокализма); однако такие соответствия точно не установлены, т.е. дело вновь упирается в неразработанность сравнительно-исторического вокализма. Поэтому мы предпочитаем воздержаться от детального анализа и интерпретации многочисленных венгерско- и угорско-самодийских этимологий (см. также 2.2).

Следует признать в высшей степени показательным, что три из рассматриваемых ниже угорско-самодийских параллелей (и-овые показатели местных падежей, неатрибутивная форма числительного 'два', развитие сибилантов) фигурируют в исследованиях последнего времени в перечнях с п е ц и ф и ч е с к и х общих особенностей угорских языков, приводимых Д. Дечи (Décsy Einf., 169-172) и Я. Гуей и К. Редей (ОФУЯ I, 53-55) и особенно тщательно анализиро-

вавшихся в статье Л. Хонти (Honti NyK LXXXI). Перечни составлялись с первоочередной целью демонстрации отличий угорских языков от финно-пермских; анализ на уральском фоне заставляет во многих случаях изменить интерпретации особенностей такого рода, убедительно подтверждая наличие "особых отношений" между угорской и самодийской группами.

Добавим, что некоторые из морфологических особенностей также перечисляемых в указанных работах в качестве общегорских черт угорских языков, но фактически объединяющих угорские языки с самодийскими, не требуют детальных комментариев. Так, Я. Гуя и К. Редеи отмечают, что, "подобно современному мансийскому и хантыйскому языкам праугорскому было свойственно употребление двойственного числа" (ОФУЯ I, 54); большинство исследователей признает уральское происхождение данной категориальной формы и ее показатели $*-k(a)/*-k(\ddot{a})$ (ОФУЯ I, 229-231). Прауральскую древность как указывают сами авторы соответствующего раздела, допустимо предполагать и для угорской категории залога глагола (ОФУЯ I, 55). Что касается имеющих во всех угорских языках приставок, или превербов (Там же), то из самодийских языков они представлены достаточно широко лишь в селькупском, где, возможно, сформировались под непосредственным обско-угорским (хантыйским) влиянием. Д. Дечи, следуя своей общей концепции (см. 1.1.4.), считает обско-угорскими инновациями такие аффиксы, как $-t$ (Pl.) и $-s-$ (прош. вр.) (Décsy Einf., 179, 180), однако отрыв их от соответствующих показателей в других финно-угорских и в самодийских языках (ОФУЯ I, 221-223, 304-305) вряд ли оправдан. В самодийских языках нетрудно обнаружить параллели и для таких угорских фонетических явлений, как сингармонизм, наличие велярно-лабиального гласного нижнего подъема, падение ауслаутных гласных, чередования гласных, появление долготной корреляции гласных (ОФУЯ I, 53), а также для морфонологической нерегулярности в спряжении части наиболее употребительных глаголов (Décsy Einf., 170); впрочем, многие из перечисленных здесь явлений развились в венгерском и в обско-угорских языках независимо (например, было бы неверно утверждать, что в a [$\ddot{a}$] соответствует мс. $*\ddot{a}$ и х. $*\ddot{o}$), что делает неоправданной их проекцию на угорский уровень и тем более трактовку как угорско-самодийских или венгерско-самодийских параллелей ареально-генетического или ареального происхождения.

3.1. Типы глагольного спряжения и их окончания

3.1.0. Сопоставление с самодийскими языковыми данными позволяет по-новому осветить одну из наиболее интересных проблем в исторической морфологии венгерского языка - проблему происхождения трех венгерских спряжений. В отличие от ряда авторов, интенсивно обсуждавших эту проблему в последние годы и, несмотря на различия в подходах, сходящихся на том, что венгерский язык в ходе самостоятельного развития пришел к системе трех спряже-

ний от исходной единой системы спряжения для всех глаголов (Rédei ALH XVI; Nyíri Nny XVII-XVIII; Sauvageot ÉFOU XII и др.), мы видим все основания для признания глубокой архаичности объектного и, вероятно, также ik -ового спряжений в венгерском языке и соответствующих явлений в самодийских языках.

3.1.1. Данные венгерского языка

Три серии личных окончаний венгерских глаголов - для субъектного, объектного и ik -ового¹ спряжений - наиболее четко противопоставлены в единственном числе настоящего времени индикатива. Отвлекаясь от несущественных в рамках рассматриваемой проблемы деталей (вокалическая огласовка окончаний, особенности неправильных глаголов, разговорные варианты ik -ового спряжения - см. MMNy, 172-182; Томпа Очерк, 829-841), эти окончания можно представить следующей таблицей:

Т а б л и ц а 4

	Субъектное спряжение	Объектное спряжение	ik -овое спряжение
1 Sg.	$-k, -lak/-lek^2$	$-m$	$-m$
2 Sg.	$-sz, -l$	$-d$	$-l$
3 Sg.	$\emptyset$	$-ja/-i$	$-ik$

Из двух окончаний 2 Sg. суб. спр. $-l$ используется в наст. вр. инд. только после основ на dz, s, sz, z , однако в других временах и в конъюнктиве употребляется только это окончание. Выбор одного из окончаний 3 Sg. об. спр.

¹ С учетом семантики основного и наиболее многочисленного класса глаголов, спрягаемых по ik -овому типу, это спряжение можно именовать рефлексивным.

² Окончание $-lak/-lek$, выражающее одновременно 1 Sg. субъекта и 2 Sg. или Pl. объекта, из системных соображений целесообразно считать окончанием субъектного, а не объектного (как это обычно принято) спряжения, поскольку использование суб. спр. у переходных глаголов с прямым дополнением, выраженным личным местоимением 1-го или 2-го лица, является общим грамматическим правилом венгерского языка (как и некоторых родственных ему языков - см. ниже). Постановка же конструкций типа $téged (titeket) vár lak$ 'я жду тебя (вас)' в один парадигматический ряд с конструкциями типа $téged (titeket) vár$ 'он ждет тебя (вас)' не менее естественна, чем альтернатива этого - их парадигматическое объединение с $őt (őket) várom$ 'я жду его (их)'. Показательно, что, хотя на синхронном уровне окончание $-lak/-lek$ неразложимо, входящий в его состав компонент $-k$ явно соотносится с окончанием 1 Sg. суб. спр.

(-ja или -i) определяется качеством гласных глагольной основы.

При исторической интерпретации личных окончаний венгерского глагола исследователи исходят чаще всего из реконструкции уральских личных окончаний, которая основана главным образом на данных финно-пермских языков (из угорского и самодийского материала привлекаются лишь те данные, которые совпадают с финно-пермскими) и на этимологических параллелях с соответствующими личными местоимениями. Эта реконструкция предполагает следующую систему уральской глагольной флексии: 1 Sg. *-mъ, 2 Sg. *-tъ, 3 Sg. *-sъ (Hajdú Bev., 141-143; MNyT, 417; ОФУЯ I, 322; Майтинская Морф., 72; некоторые авторы приписывают неизвестному гласному более точное фонетическое значение - e или даже e).

Как отмечает П. Хайду, из этой системы не выводятся непосредственно некоторые личные окончания различных уральских языков (для которых предполагается вторичное происхождение); особенно много вторичных окончаний имеет венгерский язык (Hajdú Bev., 144). Действительно, особых сложностей не создает только возведение -m (1 Sg.) к *-mъ и -ja, -i (3 Sg.) к *-sъ. Достаточно архаичной (общей для ряда языков, в которых противопоставлены субъектное и объектное спряжение) чертой П. Хайду признает и нулевой показатель в 3 Sg. субъектного спряжения (Hajdú Bev., 75-76); впрочем, существует предположение о том, что окончания *-sъ в 3 Sg. в праязыке не было (Серебренников Сист. 73, 76) или что употребление его носило факкультативный характер (Rédei ALH XVI, 112-114).

По поводу происхождения прочих личных окончаний (-k, -sz, -l, -d, -ik) выдвинуты самые разнообразные и противоречивые версии. Большинство авторов так или иначе предполагает возникновение этих окончаний уже на собственно венгерской (правенгерской) почве - вне зависимости от того, рассматривается ли история какого-либо окончания изолированно или в связи с общим процессом выработки соответствующего типа спряжения.

Пожалуй, больше всего гипотез связано с окончанием 1 Sg. суб. спр. -k. Согласно Ж. Шимоньи, "в коми и удмуртском языках 1 л. отрицательного глагола имеет вид o-g, u-g (ф. e-n), а в хантыйском имеется эмфатическая форма 1 л. с энклитикой -ka: manlem-ka 'fürwahr ich gehe', ollen-ka 'ja ich bin'. В. irok, mëgyëk, vagyok могли, следовательно, возникнуть из усиленных энклитикой *irom-k, mëgyëmk, vagyomk (mk > k является переходом, подобным *dug > dug, *tund > tud, *emb > eb и т.д.)" (Simonyi US, 349-350). Й. Синнеи также исходил из форм, совмещавших личное окончание *-m с k-энклитикой, однако предполагал развитие *várъ-mъk, *kérъ-mъk > *várъ-ъk, *kérъ-ъk > *várók, *kérók > várók, kérék (Szinnyei NyH⁷, 121). З. Гомбоц выдвинул гипотезу, согласно которой -k первоначально было окончанием 1 Pl. и этимологически тождественно показателю множественного числа; столь странное развитие он объясняет переосмыслением формы Pluralis majestatis или verecundiae (Gombocz UJb X,

11-12). Эту точку зрения поддержал А. Хоргер (Horger MgerT, 10-11). К. Редей стремится аргументировать подобное развитие примерами нейтрализации числовых оппозиций в морфологии других уральских языков (Rédei ALH XVI, 120-121). А. Ньйри попытался отождествить в. -k с мансийским ласкательным суффиксом -kwe, способным присоединяться, в частности, и к глагольным формам (Nyíri MNy LXIX, 144). Имеется точка зрения, согласно которой -k "восходит к ф.-у. форманту *-k, образовавшему имена от глаголов и использовавшемуся еще в древности и как признак настоящего времени и повелительного наклонения" (ОФУЯ III, 396; см. также MNyT, 418 и Collinder CG, 309, где в. -k < *-kmi)³.

Ряд авторов отмечает наличие в селькупском языке окончания -k (-ŋ), имеющего в точности ту же функцию (1 Sg. суб. спр.), воздерживаясь, однако, от решительных утверждений касательно его связи с венгерским формантом (Collinder CG, 309; Серебренников Сист., 74; Hajdú Bev., 144). К. Редей, исходя из представлений о позднем происхождении личных окончаний глагола, категорически отвергает данную венгерско-селькупскую этимологию (Rédei ALH XVI, 121). Показательно, что упоминая несколько этимологических гипотез, П. Хайду в итоге не признает никакой из них достаточно убедительной (Hajdú Bev., 144).

Окончание -l во 2 Sg. субъектного и ik-ового спряжений в течение длительного времени связывали с окончаниями типа -t в других родственных языках и объясняли его происхождение тем, что у окончания *-t (*-tъ) имелся вариант со слабой ступенью *-δ (*-δъ), фонетически закономерным рефлексом которого явилось в. -l (Szinnyei NyH⁷, 121; Szinnyei FUS, 129; Horger MgerT, 16). В связи с критикой теории чередования ступеней получило распространение иное объяснение, связывающее -l с суффиксом фреквентативных глаголов (Berrár, 23-24; MNyT, 418; Hajdú Bev., 144; ОФУЯ I, 309, 325, III, 396; Майтинская Морф., 75). Предполагается, что исходным было употребление фреквентативного -l в качестве показателя наст. вр. ik-овых глаголов с последующим постепенным распространением на парадигму суб. спр.; при этом остается неясным, почему за показателем наст. вр. должно было закрепиться значение именно 2 Sg. (никаких следов такого показателя в других лицах нет); кроме того, данное объяснение плохо

³ В связи с этой точкой зрения заметим, что отождествление показателей отглагольных имен, настоящего времени и императива представляется далеко не бесспорным; более корректно было бы говорить о трех функционально различных уральских (финно-угорских) формантах, содержащих согласный k (но не обязательно омонимичных): ограниченность фонетического репертуара любого языка (и тем более свойственное многим языкам наличие дополнительных ограничений на звуковой состав аффиксов) неизбежно влечет за собой, при наличии достаточно обширного инвентаря морфем, совпадение или близость облика каких-то формантов.

согласуется с тем фактом, что употребление *-l* во 2 Sg. суб. спр. является универсальным для большинства времен и наклонений, кроме наст. вр. инд. (ср. 2 Sg. *vártál* 'ты ждал', *várál* 'ты ждал', *várnál* 'ты ждал бы', но *vársz* 'ты ждешь'!).

Значительно более убедительным является возведение к фреквентативному суффиксу, превращенному затем в показатель наст. вр., окончания 2 Sg. суб. спр. *-sz* (Horger MigerT, 19, 94-96; Berrár, 52; MNyT, 417-418; Hajdú Bev., 144; ОФУЯ I, 309, 325, III, 396; Майтинская Морф., 44, 76). Внутрисистемным подтверждением данной этимологии является, в частности, наличие *-sz-* как показателя всех форм наст. вр. у ряда неправильных глаголов (*ve-sz-et* 'я беру', *ve-sz-ed* 'ты берешь', *ve-sz-i* 'он берет'), а внешним подтверждением - употребление рефлекс *ф.-у.* фреквентативного суффикса **-ék-* (к которому, возможно, восходит и в. *-sz*) в качестве коаффикса форм 1-го и 2-го л. наст. вр. в удмуртском языке (*užá-ék-o* 'я работаю' и т.д., см. Серебренников Перм., 238-239; Майтинская Морф., 45, 62)⁴.

Окончание 2 Sg. об. спр. *-d* чаще всего возводят непосредственно к урал. **-tз*, подвергнувшись вторичному озвончению (Bárczi CIFU, 31, 40; MNyT, 417; Hajdú Bev., 132; ОФУЯ I, 324-325, III, 396). Однако такое объяснение встречает фонетические трудности: нормальным рефлексом **-tз* было бы в. *-z*. Поскольку обычно венгерский *d* отражает *ф.-у.*, урал. **-nt-*, были выдвинуты иные предположения, сводящиеся, в конечном счете, к реконструкции исходного окончания **-ntз*. Й. Синней считал, что посессивное окончание такого вида объединило показатель множественности обладаемого (*-n-*) и субъекта 2 Sg. (Szinnyei NyH⁷, 118; аналогично Mark ŐESA 1929, 61-62). Согласно Б. Кальману, в в. *-d* совмещены два показателя 2-го лица - **n*. (с обско-угорскими и пермскими параллелями) и **t*. (Kálmán MNy LXI). Реконструкцию окончания *-d* < **nt* (или **mt*) допускает в принципе и П. Хайду (Hajdú Bev., 133).

Исследования по проблеме происхождения *ik*-ового спряжения в венгерском языке, имеющие давнюю историю, были сконцентрированы на вопросе об этимологии окончания *-ik* (поскольку прочие показатели обнаруживаются и в двух других спряжениях). Й. Буденц идентифицировал элемент

-i- в составе суффикса с личным местоимением 3-го лица (т.е. **sž*), а *-k* считал усилительной частицей (Buden Alakt., 334-335). Эту точку зрения в общем поддерживали Й. Синней, сопоставивший *-ik* с мс. *tge'k* 'сам' (Szinnyei NyH⁷, 122), З. Гомбоц, предположивший этимологическую идентичность, при разной аранжировке, морфемного состава в. *-ik* и финского суффикса *-kse-* в формах с рефлексивным значением типа *istuike(n) = istuutuu* (Gombocz MSFOu LXVII, 117), Ю. фон Фаркаш, который предполагает развитие *-ik* из **sž-kk*, где **-kk* является местоименным суффиксом (Farkas UAJb XXVIII, 254-255). Все эти объяснения основываются, таким образом, на достаточно правдоподобной (учитывая многочисленные типологические параллели) гипотезе о происхождении данного окончания из энклитики с рефлексивным значением. Д. Паиш возводил *-ik* к суффиксу отглагольного имени *-ék* (Pais MNy XXVII, 142).

Широкую популярность приобрела точка зрения Г. Месея (Mészöly NéNy I, 67). Обращая внимание на идентичность *-ik* одному из вариантов окончания 3 Pl. наст. вр. инд. об. спр., он предполагает возникновение рефлексивных и пассивных форм за счет переосмысления фраз, в которых прямое дополнение стояло в номинативе: *a fa eltörik* 'дерево ломают' → 'дерево ломается', *a munka végeztetik* 'работу кончают' → 'работа кончается'. Данная гипотеза представлена в ряде обобщающих работ по исторической морфологии (Horger MigerT, 50-51; MNyT, 424; ОФУЯ III, 396). Однако Ю. фон Фаркаш справедливо отмечает ряд слабых мест этой гипотезы - в частности то, что личное окончание 3 Pl. наст. вр. инд. об. спр. имеет вид *-ik* только в глаголах с передним вокализмом (и в правенгерский период звучало, вероятно, иначе), тогда как в глаголах с заднерядным вокализмом употребляется окончание *-ják* (диалектная форма последнего *-ik* прослеживается только начиная с XVI в.); окончание же *ik*-ового спряжения выступает во всех случаях как *-ik* (Farkas Op. cit., 253). Не менее существенной слабостью представляется нам и то обстоятельство, что эта гипотеза сосредотачивается на одном лишь форманте *-ik*, не объясняя происхождения *ik*-ового спряжения в целом: остается лишь предполагать, что после появления *-ik* к этому окончанию была "достроена" вся парадигма путем совершенно произвольного подбора окончаний как из объектного (1 Sg. *-m*), так и из субъектного (2 Sg. *-l*, 1-3 Pl.) спряжений.

Последнее замечание в равной степени может быть отнесено ко всем исследованиям, где каждое из личных окончаний рассматривается диахронически *in se et per se* и парадигма каждого типа спряжения (кроме, может быть, объектного) предстает как механическое инновационное объединение окончаний самого разнообразного происхождения. Показательна точка зрения Г. Барци, согласно которой в правенгерском языке различными путями образовалось исключительное богатство первоначально недифференцированных семантически личных окончаний глагола, что создало материальную основу для постепенной дифференциации типов

⁴ Типологически параллельное явление представлено в романских языках, где латинский инхоативный суффикс *-sc-* превратился в показатель настоящего времени глагольных основ, представленный в 1-3 Sg. и 3 Pl. (итальянский), или в 1-2 Sg. и 3 Pl. (старопровансальский), или в 1-3 Pl. (французский), см. Сергиевский, 119. Интересно, что созвучие лат. *-sc-* и *ф.-у.* **-ék-* может быть и не чисто случайным: лат. *-sc-* восходит к и.-е. глагольному суффиксу **-sk-* с исходным итеративно-дуративным значением (Семереньи, 289), что создает возможность сопоставления с *ф.-у.* данными на ностратическом уровне (ностр. **sžk?*)

спряжения (Bárczi CIFU, 39-42, МНУЕ, 57-60). Примат формальных различий в окончаниях по отношению к функциональным различиям признает и К. Редей (Rédei ALH XVI, 114-115). Такие предположения вызывают естественное недоверие.

3.1.2. Данные самодийских языков

Упоминания заслуживает, в первую очередь, структурная однотипность системы спряжения в венгерском и самодийских языках. Применительно к объектному спряжению эта близость позволила Б.А. Серебренникову выделить особый "самодийско-венгерский тип" (противопоставляемый обско-угорскому и мордовскому). "Отличительной особенностью этого типа является полное отсутствие в структуре объектных форм инфинитива, исторически восходящие к специфические личные окончания, исторически восходящие к притяжательным суффиксам" (Серебренников ВЯ 1968, 22; см. также Серебренников Сист., 116-118). Что касается субъектного спряжения, то структура его форм проста и принципиально одинакова во всех уральских языках, различающих разные типы спряжения. Кроме того, в северносамодийских языках имеется, наряду с субъектным и объектным, рефлексивный тип спряжения⁵, также отличающийся специфическим набором личных окончаний (ср. *ik*-овое, или рефлексивное, спряжение в венгерском языке).

Структурной однотипностью венгерско-самодийские параллели в сфере глагольного спряжения далеко не исчерпываются. Выделение всей совокупности параллелей мы представим рассмотрением систем личных глагольных окончаний в самодийских языках и вопросов реконструкции исходных форм этих окончаний.

В следующих ниже таблицах 5-7 на с. 77-79 представлены окончания каждого из трех типов спряжения в северносамодийских языках для единственного числа настоящего (неопределенного) времени индикатива; для ненецкого и энецкого языков приводятся также окончания прошедшего времени, в которых частично "проясняются" гортанные смычные. Как можно видеть, данные различных источников нередко существенно расходятся друг с другом, что и побудило нас дать сводные таблицы и прокомментировать происхождение некоторых вторичных форм в примечаниях к таблицам. По ряду моментов эти комментарии, равно как и предлагаемые реконструкции прасеверносамодийских окончаний, совпадают с результатами анализа в монографии А. Кюннапа (Künnap Syst. II, 46-60).

⁵ Обозначая как "субъектный", "объектный" и "рефлексивный" те три типа спряжения, которые в ряде работ (особенно в исследовании Н.М. Терещенко) именуются "субъектным", "субъектно-объектным" и "субъектно-безобъектным" типами соответственно, мы следуем, в частности, А. Кюннапу (см. Künnap Syst. II, 38). Необходимо иметь в виду, разумеется, что не все глаголы, спрягаемые по рефлексивному типу, обладают возвратной семантикой (см. ниже, 3.1.4.).

Т а б л и ц а 5

Субъектное спряжение	1 Sg.		2 Sg.		3 Sg.	
	а	б	а	б	а	б
н. Т (С)	-dm, -m	-damé, -namé, -namé, -damé, -més, -més	-n	-naé	Ø	-s
(Прок.)	-m (-dm)	-má, -maná (-damá)	-n	-naá	Ø	-s
(Тер.)	-m', -dm'	-manáb, -damáb	-n	-nacv	Ø	-cv
н. Л (Верхов)	-tm	-tamé	-n	-naé	Ø	-s
(Samm.)	/t/~/m/	/taé/~/tamé/	/n/	/naé/	Ø	/s/
эн. Т (С)	-ro'	-rod'i	-ddo	-ddosi	Ø	-si
(МЭ)	-do'	-dod'i	-do	-dosi	Ø	-si
эн. Л (С)	-do	-dod'i	-ddo	-ddosi	Ø	-si
(Прок.)	-doh	-dodq	-do	-dosv	Ø	-sv
(Тер.)	-j'	-jódv	-ð	-ðosv	Ø	-cv
(Сор.)	-z'		-ð	-ðosv	Ø	
нг. (С)	-m		-n		Ø	
(Прок.)	-m		-n		Ø	
(Тер.)	-m		-n		Ø	
(Mik.)	-m		-n		Ø	
с.-сам.	*-m (н., нг.) *-tām (н., эн.)		*-n (нг., ?н.) *-ntā (эн., ?н.)		*Ø	

а - наст. вр., б - прош. вр.

П р и м е ч а н и я к т а б л и ц а м. Некоторые формы окончаний (в таблицах подчеркнуты) не являются непосредственными фонетическими рефлексам реконструируемых с.-сам. праформ. 1 Sg. суб. спр. в ненецком. Для окончания *-m~-m'* следует предполагать исходность с.-сам. **-m*, поскольку при с.-сам. **-mān* имели бы н. Т *-w'* (ср. 1 Sg. рефл. спр.). Ввиду этого в окончаниях прош. вр. типа *-mané* (наряду с закономерным *-mé*) можно усматривать переосмысление эпитетического ' в *-m'* как элемента ряда чередований *-'~ -n-*, подкрепленное, вероятно, аналогией с 1 Sg. рефл. спр. Окончания (С) *-namé*, *-namé* - метатеза из *-mané*; (Samm.) /t/ - вероятно, упрощение сочетания /tm/. 1 Sg. об. спр. в энецком. Исключительно сильный разноречив в данных различных авторов (отчасти, возможно, вызванный ошибками в записях) затрудняет реконструкцию. Вероятно, имело место влияние именных посессивных окончаний 1 Sg. типа *-bi'*, *-j'*. 3 Sg. об. спр. в нганасанском. *-te* (> *-tj*), *-de* (> *-dj*) - морфонологические варианты, обусловленные явлениями сингармонистического характера (вероятно, вторичными). 1-2 Sg. рефл. спр. в ненецком. "Неназализованный" (этому понятию мы придаем чисто морфонологическое значение) гортанный смычный в 1 Sg. появился, вероятно, под действием аналогии с 3 Sg. рефл. спр. (этим же можно объяснить и окончание *-naá* для 2 Sg. у Г.Н. Прскофьева); первичен (судя по данным лесного диа-

Т а б л и ц а 6

Объектное спряжение (для ед.ч. объекта)	1 Sg.		2 Sg.		3 Sg.	
	а	б	а	б	а	б
н. Т (С) (Прок.)	-и	-waś	-r	-raś	-da	-daś
(Тер.)	-w	-waş	-r	-raş	-da	-daş
н. Л (Вербов) (Samh.)	-e	-eacə	-p	-pacə	-da	-dacə
эн. Т (С)	-m	-maś	-t	-taś	-ta	-taś
(МЭ)	/m/	/maś/	/L/	/Laś/	/ta/	/taś/
эн. Т (С)	-bo, -o,	-bosi, -osi,	-ro	-rosi	-ra	-rasi
(МЭ)	-a	-asi	-ro	-rosi	-da	-daśi
эн. Л (С)	-bo, -o,	-bosi, -osi,	-ro	-rosi	-da	-dasi
(Прок.)	-a	-asi	-ro	-rosi	-da	-dasi
(Тер.)	-jə	-oə	-p	-pə	-da	-daə
(Сор.)	-y, -ə	-oə	-p	-pə	-da	-daə
нг. (С)	-ta	-asi	-ra	-rasi	-da	-dasi
(Прок.)	-ta	-asi	-ra	-rasi	-da	-dasi
(Тер.)	-mə	-asi	-pə	-rə	-da	-dasi
(Mik.)	-mə	-asi	-pə	-rə	-da	-dasi
с.-сам.	*-mā		*-rā (< *-bā)		*-tā	

а - наст. вр., б - прош. вр.

лекта, энецкого языка) "назализованный" гортанный смычный, обуславливающий облик окончаний прош. вр. типа -wanś, -wanś (приводятся М.А. Кастреном в качестве одного из вариантов). 1-2 Sg. рефл. спр. в энецком. Современные данные по лесному диалекту, возможно, указывают на *-min (наряду с *-mān), *-nti (наряду с *-ntā). Вероятнее, однако, вторичность подчеркнутых форм (ассимилирующее влияние j- или i-образного элемента в показателе рефлексивности?). Неясно эн. Л (Тер.) -нидь в прош. вр. - должно быть, судя по данным других авторов, -бидь.

Остальные самодийские языки обладают не более чем двумя типами спряжения глагола. В современном тазовском диалекте селькупского языка представлены следующие личные окончания (в ед. ч. наст. вр. инд.): суб. спр. - 1 Sg. -k (-y), 2 Sg. -nti, 3 Sg. Ø; об. спр. - 1 Sg. -m (-p), 2 Sg. -l, 3 Sg. -ti (ОчСель., 234). В южных диалектах селькупского языка имеются, кроме того, окончания 3 Sg. суб. спр. -k (-y) (различение 1 Sg. и 3 Sg. обеспечивается за счет качества суффиксального гласного, ср. K Tschl. yruang 'я потерялся' и yrung 'он потерялся', kaudšak 'я короток' и kaudšek 'он короток', см. Castrén-Lehtisalo, 24, 29) и -n. Четких различий в употреблении между тремя показателями 3 Sg. суб. спр., очевидно, нет, на что указывают многочисленные дубликаты как в записях парадигм, так и в тексте: gmad annond omda 'das Weib setzte sich

Т а б л и ц а 7

рефлексив- ное спряже- ние	1 Sg.		2 Sg.		3 Sg.	
	а	б	а	б	а	б
н. Т (С) (Прок.)	-и'	-wanś, -waś	-n	-naś	-'	-ś
(Тер.)	-w	-waş	-n	-naş	-h	-ş
н. Л (Вербов)	-m	-maś	-n	-naś	-h	-ś
эн. Т (С)	-o', -bo'	-od'i, -bod'i	-ddo	-ddosi	-ro'	-rod'i
(МЭ)	-o', -bo'	-od'i, -bod'i	-do	-dośi	-bo', -'	-bod'i, -t'i
эн. Л (С)	-o', -bo'	-od'i, -bod'i	-ddo	-ddosi	-do	-dod'i
(Прок.)	-bi	-bi	-di	-di	-do	-dod'i
(Тер.)	-u', -bo'	-nub	-di	-di	-do	-dod'i
(Сор.)	-bo'	-nub	-di	-di	-do	-dod'i
нг. (С)	-na	-nub	-y	-y	-do	-dod'i
(Прок.)	-na	-nub	-y	-y	-do	-dod'i
(Тер.)	-na	-nub	-y	-y	-do	-dod'i
с.-сам.	*-mān (н., эн.)		*-n (нг., ?н.)		*-T ⁶ , *-tān	
	*-nā (нг.)		*-ntā (эн., ?н.)			

а - наст. вр., б - прош. вр.

in's Boot' и sūrut pāronđ omdek 'setzte sich auf den Vogel' (Castrén Wört., 344¹⁶¹ и 344¹⁶⁵); konne čanfek 'geht zurück' и taha konne čanfan 'sie ging hinauf' (Там же, 365¹⁸ и 365²⁴; различия грамматических времен - издержки немецкого перевода); šede gum āmda 'zwei Menschen sitzen' и nāl-gum āmdan 'das Weib sitzt' (Там же, 341³⁰ и 341³⁴).

В камасинском языке, где субъектный и объектный типы спряжения противопоставлены в индикативе только в 3-ем лице, представлены следующие личные окончания глагола: 1 Sg. -m, 2 Sg. -l, 3 Sg. Ø (суб. спр.), -t, -de и под. (об. спр.; *-tv, см. Künnap ESA XVIII, 234).

В словарных материалах по МТК отчетливо выделяются только глагольные окончания -m (1 Sg. непереходных и переходных глаголов) в тайг. (PM) chandijum 'сплю', dšchā-rangam 'плачу'; кар. (P3) ingürnat 'зеваю', njundŷjām 'слышу'; мат. (СП) мезм 'беру', баймнам 'богатею' и т.д. и Ø или -a (3 Sg. непереходных глаголов) в мат. (СП) логмжиста 'кипит', тешжеста 'течет', адмжа 'кажется'. Может быть, часто встречающееся в карагасских записях окончание -n (-šin) на самом деле связано не с 1 Sg. (как предполагать переоды), а со 2 Sg. и появление его обусловлено недоразумением при диалоге с информантом (ситуация "тыблока"): кар. (PM) chōndoschin 'сплю', chōschin 'вижу', (P3) amdashin 'сизу', edashin 'стрелять' и т.д.; ср. наряду с этим (P3) chorschim 'ем', urschim 'пью'.

⁶ Т - некий смычный согласный, развившийся повсеместно в гортанный смычный.

Для самодийского праязыка А. Кюннап реконструирует следующую систему личных глагольных окончаний (Кюннап АДЦ, 16-17; ср. также Künnap ESA XVIII, 234):

Т а б л и ц а 8

	Суб. спр.	Об. спр. (= окончания Nom. посесс. скл.)
1-е л.	*-mV, *-tV-mV	*-mV
2-е л.	*-δV ~ *-tV, возможно и *-nV	*-δV
3-е л.	(дв.ч. *-kVj, мн.ч. *-t(V))	*-tV

Следует отметить, что данная реконструкция воспроизводит показатели лиц, общие для всех трех чисел и в этом смысле является реконструкцией не только внешней (сравнительной), но и внутренней. Кроме того, при выделении первичных и вторичных личных окончаний А. Кюннап в значительной мере ориентируется на признаваемую исходной прауральскую систему (1 Sg. *-mъ, 2 Sg. *-tъ, 3 Sg. ∅ или *-sъ). Опираясь на данную реконструкцию, мы попытаемся модифицировать ее на основе посылок о том, что: а) в парадигме единственного числа могли быть представлены форманты, не отраженные в двух других числах (на возможность этого указывает в ряде мест своей диссертации сам А. Кюннап, хотя и не воспроизводит отдельную серию окончаний для единственного числа - см. Кюннап Д. Дисс., 221-266); б) система окончаний могла содержать и такие элементы, которые, будучи архаичными, не восходят, однако, к указанной выше прауральской системе.

1) Для 1 Sg. суб. спр. можно поставить вопрос о реконструкции наряду с *-m (вероятно, без вокалического элемента, который представлен лишь в окончаниях двух других чисел; рефлексы *-m: с.-сам. *-m, км. -m, МТК -m) и *-tzm (вероятно, вторично и содержит суффиксальный элемент *-tз-; см. специально об этом окончании Künnap JSFO LXXII) также и *-k (> ск. -k, -γ). Трудность, разумеется, состоит в отсутствии следов последнего окончания в других самодийских языках (результат экспансии *-m?). Однако реконструкция поддерживается предполагаемыми внесамодийскими параллелями (см. ниже). Альтернативное объяснение селькупского окончания было предложено Т. Лехтисало в неопубликованном курсе лекций (см. Künnap Syst. I, 167-168): предполагается первичность *-γ, которое развилось из суффикса аориста. Заметим, однако, что в формах типа tã-γa-k 'я пришел' присутствует и рассматриваемое окончание, и его предполагаемый Т. Лехтисало источник - суффикс аориста (настоящего времени).

2) Формант *-δV ~ *-tV для 2 л. суб. спр. представлен непосредственно во 2 Du. и 2 Pl. В качестве же окончаний 2 Sg. можно реконструировать только *-n (Кюннап *-nV; отражено в с.-сам. *-n и, возможно, МТК -n) и *-ntз

(> с.-сам. *ntâ, ск. -ntj). В реконструкции *-ntз мы следуем за Т. Лехтисало (*-ntu, см. ссылку на тот же неопубликованный курс лекций, Künnap Syst. II, 49-50). В камасинском суб. спр. представлено окончание 2 Sg. -l, распространившееся из форм об. спр.

3)-6) Ряд "сквозных" для всех трех чисел личных окончаний в реконструкции А. Кюннапа можно одновременно считать окончаниями единственного числа соответствующего лица. Это 3 Sg. суб. спр. *∅ (> с.-сам., ск., км., МТК ∅); 1 Sg. об. спр. *-m(з) (> с.-сам. *-mâ, ск. -m, км. -m, МТК -m); 2 Sg. об. спр. *-δ(з) (> с.-сам. *-râ, ск. -l, км. -l); 3 Sg. об. спр. *-tз (> с.-сам. *-tâ, ск. -tj, км. *-tз).

7) Принципиальная возможность реконструкции еще одного окончания возникает при сопоставлении с.-сам. *-T (неизвестный смысловый) в 3 Sg. рефл. спр. с ск. -k(-γ) (одно из окончаний 3 Sg. суб. спр.). Оба окончания могут быть возведены к сам. *-k. Т. Лехтисало объяснял ск. -k 3-го лица так же, как и -k 1-го лица (см. выше). Не вполне ясно, как могли соотноситься окончание *-k и нулевой показатель суб. спр. Наиболее радикальным решением была бы реконструкция особой парадигмы рефлексивного спряжения для прасамодийского (1 Sg. - ?; 2 Sg. *-n, *-ntз; 3 Sg. *-k). Дополнительной характеристикой этого спряжения мог являться формант *-jÿ- или сужение ауслаутного гласного основы; следы этого можно найти в северносамодийских языках (Кюннап ЯТ II, 79), а также в селькупских суффиксах рефлексивных глаголов: -ÿi-, -ÿ-, -ÿl'ÿi-, -ÿ- (ОчСельк., 215). С другой стороны, принятию предположения о прасамодийской древности рефл. спр. несколько противоречит как отсутствие непосредственных следов такового в селькупском и камасинском языках, так и явно вторичный облик некоторых северносамодийских рефлексивных окончаний (1 Sg. *-mân, 3 Sg. *-tân; А. Кюннап обратил внимание на сходство этих показателей с соответствующими личными местоимениями, например, ск. man 'я' и tgm 'он' - Кюннап ЯТ II, 82).

На основании всего вышеизложенного реконструируется следующая система прасамодийских личных окончаний глагола в единственном числе:

Т а б л и ц а 9

	Суб. спр.	Об. спр.	(?) Рефл. спр.
1 Sg.	*-(tз)m, *-k	*-m(з)	{ *-jÿ- ? или +
2 Sg.	*-ntз, *-n	*-δ(з)	*-ntз, *-n (=суб. спр.)
3 Sg.	*∅	*-tз	*-ÿ-)

3.1.3. Сопоставление венгерских и самодийских данных

Нетрудно убедиться, что вся реконструированная прасамодийская система в целом обнаруживает глубокий формально-функциональный параллелизм с системой личных окончаний в венгерском языке:

1) 1 Sg. суб. спр.: в. $-k \sim$ сам. $*-k$ (как уже отмечалось, на венгерско-селькупскую параллель указывают Б. Коллингер, Б.А. Серебренников, П. Хайду, однако вне контекста сопоставления систем в целом). "Существование" $-k$ с $-m$ в пределах суб. спр. фактически имеет место и в венгерском языке, где последнее окончание используется, например, в 1 Sg. суб. спр. прош. вр. индикатива (*megyek* 'я иду', но *mentem* 'я шел'). Соотношение в. $-k$: сам. $*-k$ может указывать на урал. $*-k(z)$ (с аномальной устойчивостью ауслаутного $*k$ в морфемах с грамматическим значением в венгерском языке, ср. 3.3.3. в связи с в. $-nak/-nek$) или на урал. $*-kkz$.

2) 1 Sg. об. спр.: в. $-m \sim$ сам. $*-m(z)$ (урал. $*-m(z)$).

3) Как указывалось выше, многими исследователями для венгерских окончаний 2 Sg. $-d$ и $-l$ предполагались реконструкции $*-ntz$ и $*-δ(z)$ соответственно (см. например, Szinnyi NyH⁷, 118 и 121). Заметим, что эти фонетически безупречные реконструкции можно принять "в чистом виде", отвлекаясь от ошибочных или спорных моментов их интерпретации (объяснение $-n-$ в $*-ntz$ как показателя множественности обладаемого, трактовка $*-δ(z)$ как слабой ступени к $*-tz$). При этом напрашивается сопоставление $*-ntz$ с сам. $*-ntz$, а в. $*-δ(z)$ с сам. $*-δ(z)$; уральские формы в этом случае аналогичны. Некоторая неточность этой параллели состоит в том, что распределение рефлексов сопоставляемых личных окончаний по типам спряжения в венгерском и самодийских языках противоположно.

4) 3 Sg. суб. спр.: в., сам. (и урал.) $*\delta$.

5) 3 Sg. об. спр.: в. $-ja, -i \sim$ сам. $*-tz$ (урал. $*-sz$).

6) С учетом отмеченной выше проблематичности реконструкции рефлексивных окончаний для прасамодийского могут возникнуть сомнения в правомерности сопоставления (фонетически точного) в. $-ik \sim$ сам. $*-k$ (с предшествующим $*-j\delta$ или узким гласным): урал. $*-j\delta k(z)$ ($*-j\delta k(z)$) или $*-z\delta k(z)$ ($*-z\delta k(z)$).

Таким образом, венгерско-прасамодийское сопоставление позволяет предположить общее происхождение подавляющего большинства личных глагольных окончаний единственного числа в этих языках. Прежде чем рассмотреть вопрос об истоках подобной общности, отметим некоторые возможности установления этимологических параллелей в пермских языках. Еще Й. Буденц связывал в. $-k$ (1 Sg.) с окончанием $-g$ в 1 Sg. пермских отрицательных глаголов - наст. вр.: к. *og, y. ug*, прош. вр.: к. *eg* (Budenz Verzweigung, 32-34; Budenz Alakt., 333-334). Поддержанная Ж. Шимони (Simonyi US, 350), эта этимология, однако, была незаслуженно забыта или отвергнута во многих исследованиях более позднего времени; мы считаем, однако, что она достойна внимания. Что касается пермских окончаний, то, согласно Б.А. Серебренникову, "форматив $-g$ восходит к k . Некоторые исследователи предполагают, что k является показателем древнего настоящего времени" (Серебренников Перм. 282). Таким образом, существующее объяснение происхождения этого окончания совпадает с одним из вариантов эти-

мологии в. $-k$. Вероятно, при иной этимологической трактовке последнего можно одновременно предположить сохранение в пермских языках реликтового окончания 1 Sg. $*-k((k)z)$ в отрицательном глаголе с нерегулярным озвончением в специфической синтаксической позиции (ср. к. *oz, ez* в 3 л. отрицательного глагола при обычном окончании 3 Sg. $-s$) или его сращение с $*-m$ (с последующим развитием $*-mk > -g$, что весьма правдоподобно фонетически: ср. ф.-у. $*gk, *mt, *nt, *mp >$ перм. g, d, d, b соответственно, см. ОФУЯ I, 138). В качестве окончаний 2 Sg. в пермских языках выступают $-n$ и $-d$ (к. *mini-n* 'ты шел', у. *mini-d*). Возведение $-d$ к урал. $*-tz$ (Серебренников Перм., 241-242; ОФУЯ III, 177) встречает трудности фонетического характера (сжидалось бы перм. $\emptyset'$). Однако еще Й. Буденц предполагал фонетически закономерное развитие $-d$ из окончания типа *nd* (Budenz Alakt., 342), которое, как показано выше, можно считать исходным также для венгерского и самодийских языков. Заметим, что другое пермское окончание 2 Sg., $-n$, можно, наряду с аналогичным окончанием в обско-угорских языках и сам. $*-n$, возводить к урал. $*-n(z)$ (Mark OESA 1929, 56-57; Серебренников Сист., 75).

Для обоснования венгерско-самодийских сопоставлений целесообразно, однако, обратить внимание и на синтактико-семантическую сторону вопроса.

3.1.4. Синтактико-семантические параллели

Глубокое сходство между спряжением глаголов в венгерском и самодийских языках затрагивает не только образование, но и употребление форм различных типов спряжения, причем проявляется оно в общности ряда весьма тонких и частных правил:

1) Непереходные глаголы в венгерском, северносамодийских, селькупском (а также обско-угорских и мордовских) языках спрягаются только по субъектному (или рефлексивному) типу, тогда как переходные глаголы принимают окончания как объектного, так и субъектного типов спряжений (Wickman SSUS; Балашья, 256-257, 260-262; Майтинская I, 211-213; MMNy, 278-283; Steinitz Ost. Gr., 74-75; Rédei EONyt, 33-34; Ganschow NyK LXXIV; Ромбандеева, 111-112; Kálmán ChrVog, 60-61; ОФУЯ II, 314, III, 293, 320; Cast-rén Gr., 378-379; Прокофьев Пер. залог.; Прокофьев Сельк., 16; Терещенко Синт., 187 ff.; ОчСельк., 234-235 - указанная литература используется и ниже). В камасинском языке субъектный и объектный типы спряжения в основном распределены дополнительно в зависимости от непереходности/переходности глагола, хотя некоторые отклонения от этого правила, состоящие преимущественно в спряжении переходных глаголов по субъектному типу (Künnap Syst. II, 25-26), указывают, по-видимому, на исходность иной

⁷ Впрочем, К. Редее предположил регулярность рефлексии урал. $*t$ в виде перм. $*d$ в суффиксальных слогах (Rédei NyK LXVI, 256-257).

ситуации, имеющей место в других самодийских языках (Там же, 67).

2) Для угорских языков употребление субъектного спряжения при переходном глаголе связывается, в наиболее общем виде, с неопределенностью прямого дополнения, а употребление объектного спряжения - с определенностью такового. Применительно к самодийским языкам используется как аналогичная формулировка (Прокофьев Пер. залог, 319; Терещенко Очерк 1948, 372; Терещенко Синт., 199; ОчСельк. 234), так и несколько иная, гласящая, что употребление объектного спряжения связано с наличием логического ударения на глаголе, а употребление субъектного - с отсутствием такового (Терещенко Очерк, 894; Терещенко Синт., 188; Ristinen JSFOu LXXII, 343-344; Ristinen Uralica I, 20). Противопоставлять эти формулировки, как это делает Э. Ристинен, нет необходимости: наличие логического ударения на глаголе имеет место при определенном объекте, являющемся частью темы предложения и логически безударным. Напротив, отсутствие у глагола логической ударности обычно связано с тем, что ремой предложения является впервые упоминаемый (неопределенный) объект.

3) В северносамодийских языках "особое положение занимают... предложения с прямым дополнением, выраженным личным местоимением. В сочетании с прямым дополнением этого типа сказуемое, переданное переходным глаголом, изменяется не по субъектно-объектному (объектному. - Е.Х.), а по субъектному спряжению" (Терещенко Синт., 192)⁸. В селькупском языке это правило распространяется на местоимения 1-го и 2-го, но не 3-го лица: (МЭ) *šim qetta* 'меня убьет', *šintj qetta* 'тебя убьет', но *tepim qettj-ñitj* 'его убьет'. В венгерском языке глагол при прямом дополнении, выраженном личным местоимением 1-го или 2-го лица, также спрягается по субъектному типу (см. примечание относительно -lak/-lek в 3.1.1.). В обско-угорских языках, напротив, обычно личное местоимение трактуется как определенный объект (Rédei EONyt, 33; Ромбандеева, примеры на с. 99-100), однако колебания в этом аспекте (возможность использования субъектного спряжения при об-

⁸ Э. Ристинен в своей статье о функциях спряжений в самодийских языках (бесспорно стимулирующей дальнейший прогресс исследований по этому вопросу, но, на наш взгляд, явно преувеличивающей число нерешенных проблем, высказывает сомнение в том, что рассматриваемое правило всегда действует в ненецком языке и в качестве критерия (единственного) цитирует н. няками си''ми ханда сит уод'' ханда (Терещенко Очерк, 915), переводя это предложение 'My older brother invites me, he also invites you' и считая, что ханда - 3 Sg. об. спр. наст. вр. от ха'- 'звать' (Ristinen Uralica I, 24). На самом деле, Э. Ристинен искажила данный Н.М. Терещенко перевод 'мой старший брат позовет и меня и тебя', из которого вполне очевидно, что ханда является формой 3 Sg. суб. спр. буд. вр. того же глагола (в 3 Sg. об. спр. буд. вр. имели бы хандада - Нен. яз., 124).

екте 1-го и 2-го лиц) указывают, видимо, на то, что некогда правило было таким же, как и в венгерском языке (Korchmáros NY XVII-XVIII, 168).

4) "В речи переходный глагол, взятый вне сочетания с другими словами, употребляется только в субъектно-объектных формах" (Терещенко Синт, 192). Обязательность объектного спряжения при опущении прямого дополнения имеет место и в селькупском (*šap* 'я (его, это) взял'), и во всех угорских языках.

5) В венгерском языке объектное спряжение используется, как правило, если прямым дополнением является: (а) существительное с поссесивным окончанием; (б) указательное местоимение или определяемое таковым существительное; (в) возвратное местоимение. В мансийском языке не действует, по крайней мере, первая из этих закономерностей, на что обращает внимание Ромбандеева, 112. Для самодийских языков Н.М. Терещенко также ссылается на наличие при объекте указательного местоимения или лично-притяжательного суффикса как на предпосылки употребления форм объектного спряжения глагола (Терещенко Синт., 188), а также отмечает употребление объектного спряжения при объекте, выраженном лично-возвратным местоимением (Там же, 192). Употребление объектного спряжения в случаях (а)-(б) характерно и для селькупского языка: (МЭ) *olimtj laqirj-ñitj* 'он головой (букв. голову-его) качает'; на *qimim ukōn mat ašša qontšap* 'этого человека раньше я не видел'. По-видимому, целесообразно было бы проверить, насколько универсальный характер имеют данные закономерности в отдельных самодийских языках (сомнения на этот счет высказывает Ristinen Uralica I, 28).

6) Налицо ряд аналогий между классом *ik*-овых глаголов в венгерском и классом глаголов, спрягаемых по рефлексивному (субъектно-безобъектному) типу в северносамодийских языках. Первостепенную роль в обоих классах играют, как уже отмечалось, глаголы возвратного значения, причем в ряде случаев тип спряжения оказывается единственным признаком, отделяющим их от переходных глаголов с той же основой: ср. в. *törik* 'ломается' - *tör* 'ломает', *nyúlik* 'тянется' - *nyúl* 'тянет', *hall* 'слышит' - *hallik* 'слышится'; нг. *koba'a* 'убил' и *koba'ida* 'убился', *sañuli'a* 'осмотрел' и *sañuli'ida* 'осмотрелся', *d'ili'a* 'поднял' и *d'ili'ida* 'поднялся' (Балашша, 258; Терещенко Нган., 194). Далее, в соответствующие классы входят, помимо возвратных, пассивные глаголы: в. *iratik* 'пишется', *épitte-tik* 'строится'; н. *ñä'märej* 'оказался пойманным', *xadarej* 'оказался убитым'. С другой стороны, эти классы не исчерпываются возвратными и пассивными глаголами; и в венгерском, и в северносамодийских языках по "рефлексивному" типу спрягается ряд глаголов непереходной семантики (обозначающих, в частности, передвижение, физиологические действия, переход в иное состояние и др.), причем нередко наблюдается соответствие значений: нг. *tamtu* = н. *tána* = в. *felmász-ik* 'залезть на что-л.', нг. *kunda* = н. *xona* = в. *elalsz-ik* 'уснуть', нг. *ñilu* = н. *mäl'e* = в. *jóllak-ik* 'наестся' (о самодийских глаголах см. Терещенко Нган., 195).

3.1.5. Проблема интерпретации

Мы предполагаем, что продемонстрированные выше структурная близость венгерской и самодийских систем глагольного спряжения, материальное совпадение конкретных окончаний, их функциональный параллелизм в отношении распределения глаголов по различным типам спряжения и, наконец, сходство синтактико-семантических закономерностей употребления этих типов спряжения не могут быть случайными.

Вряд ли можно допустить и конвергентное развитие венгерской и самодийской систем: вероятность материального совпадения целой серии формантов, выполняющих аналогичные функции, при независимом конвергентном развитии чрезвычайно мала, а постулировать наличие тесных контактов правенгерского с самодийским у нас нет оснований.

Ряд соображений препятствует, по-видимому, тому, чтобы считать рассмотренные параллели результатом угорско-самодийских языковых контактов в период после отделения праугорского от прафинно-пермского. Во-первых, к этому периоду контактирующие системы должны были обзавестись достаточно значительными различиями, препятствующими проникновению основных грамматических формантов из одного праязыка в другой. Во-вторых, эти контакты, носили, скорее всего, маргинальный характер, причем праугорский диалект, легший впоследствии в основу венгерского языка, вряд ли мог непосредственно соприкасаться с самодийской языковой областью. В-третьих, вероятные следы общих для венгерского и самодийских языков глагольных окончаний можно, как показано выше, найти и в пермских языках.

Остается наиболее вероятное предположение, согласно которому рассмотренные венгерско-самодийские параллели имеют ареально-генетический или чисто генетический характер и непосредственно отражают либо особенности морфологии восточного диалектного ареала уральского праязыка, либо даже черты общеуральской морфологии. Праязыковая система, лежащая в основе венгерской (и, вероятно, всех угорских, а также, возможно, по крайней мере восточной части финно-пермских) и самодийских языков, могла, на наш взгляд, характеризоваться следующими особенностями:

а) противопоставлением субъектного и объектного типов спряжения;

б) использованием глагольных окончаний 1 Sg. $*-k(z)$ ($*-kkz?$) (только в суб. спр.) и $*-m(z)$ (в об. спр. и, возможно, в какой-то мере и в суб. спр.);

в) использованием глагольных окончаний 2 Sg. $*-s(z)$ и $*-nts$ (вероятно, наряду с $*-n(z)$ и $*-t(z)$). Первичный способ распределения этих окончаний неясен; возможно, вначале употребление того или иного из них было связано с фонетической структурой глагольной основы, и лишь затем (после преобразования исходных структур основ) они были перераспределены по функциональному признаку;

г) использованием глагольных окончаний 3 Sg. $*\emptyset$ (суб. спр.) и $*-s$ (об. спр.);

д) наличием показателя рефлексивности для 3 Sg. типа

$*-jak(z)$ ($*-jakkz?$) или $*-z_k(z)$ ($*-zkkz?$), а возможно, и полной парадигмы рефлексивного спряжения;

е) употреблением при непереходных глаголах только субъектного (и рефлексивного) спряжения;

ж) употреблением при переходных глаголах объектного спряжения при определенности объекта (в частности, при опущенном прямом дополнении, т.е. в том случае, когда объект назван ранее);

з) употреблением при переходных глаголах субъектного спряжения при неопределенности объекта, а также в том случае, когда прямым дополнением являлось личное местоимение.

Предложенная реконструкция особенностей праязыковой системы, разумеется, в известной мере условна. Вряд ли эта система в действительности обладала всем комплексом названных признаков (какое-то из предложенных нами этимологических сближений формантов, возможно, неточно; какая-то синтаксическая черта могла появиться в языках-потомках независимо или в результате более поздних ареальных взаимодействий).

Постулируя противопоставленность субъектного и объектного спряжений в уральском праязыке или в одном из его диалектов, мы отступаем от традиционных взглядов: "мнения ученых сходятся на том, что противопоставление объектных и безобъектных формантов возникло в результате параллельного развития уже в отдельных ветвях после распада общефинно-угорского языка (хотя некоторые зачатки противопоставления объектных и безобъектных форм имели место уже в прауральскую эпоху)" (ОФУЯ I, 321). Впрочем, взгляды различных авторов в неоднократно дискутировавшемся вопросе о возрасте и путях формирования этого противопоставления далеко не идентичны. Например, Б. Коллиндер считает, что оппозицию субъектного и объектного спряжений нельзя возвести ни к ф.-у., ни к урал. праязыкам (Collinder CG, 244). П. Хайду предполагает уральскую древность противопоставления объектной и субъектной форм для 3-го лица, но не для двух других лиц (Hajdú Bev., 75-77; см. также Korchmáros NNY XVII-XVIII); Б.А. Серебренников считает, что "если формы объектного спряжения возникали в отдельных уральских языках, то возникали они еще в древнюю эпоху, когда в уральских языках еще господствовал именной строй предложения" (Серебренников Сист., 137).

При этом основным аргументом против допущения прауральской древности объектного спряжения до сих пор служило мнение, согласно которому способ употребления и образования форм этого спряжения является в отдельных языковых группах довольно различным (Klemm NyK XLVI, 194; Hajdú Bev., 76-77; Кюннап АДД, 15; ОФУЯ I, 317-318). Рассмотренные выше венгерско-самодийские параллели дают, как нам кажется, основание для пересмотра подобных представлений.

Как указывалось выше, реконструированная система глагольного спряжения была, по-видимому, общей по крайней мере для тех праязыковых диалектов, из которых развились угорские и самодийские языки. Отсутствие ряда характерных признаков этой системы в обско-угорских языках является, вероятно, результатом принципиальной перестройки, заклю-

чавшейся во введении в формы объектного спряжения показателей числа объекта, в т.ч. и единственного числа (конкретные показатели, однако, значительно разнятся по этим двум языкам и даже по диалектам хантыйского; об истории их см., в частности, Fokos NyK XL; Honti NyK LXXVIII). Инновационный характер имеет, по-видимому, и сложная система форм объектного спряжения в мордовских диалектах (см. Серебренников Морд., 179 ff; Koizumi CFU V).

Наши колебания в отношении того, действительно ли противопоставление субъектного и объектного спряжений с реконструированными выше окончаниями являлось особенностью только восточно-уральской зоны, или же его следует считать общеуральским достоянием, в основном утраченным финно-пермскими языками, усиливаются перспективой внешних (нотратических) сопоставлений. Еще в 1950 г. Б. Розенкранц сопоставил окончания 1 Sg. двух спряжений *-m* и *-k* в венгерском языке с хеттскими окончаниями 1 Sg. *-mi* и *-hi* (Rosenkranz AO XVIII, 441). В такой форме сопоставляемые хеттские формы оказывались изолированными на и.-е. фоне (Семереньи, 260-262), а венгерские — на уральском фоне. Однако в исследованиях Вяч.Вс. Иванова доказана индоевропейская древность хеттской оппозиции двух серий глагольных форм (Иванов Системы, 55-138). Этот факт, наряду с тем, что изложенные выше соображения позволяют спроецировать оппозицию в. *-k* : *-m* по крайней мере не диалектный прауральский уровень, позволяет преодолеть изолированный характер сопоставления. Сходство хеттского и уральского спряжений не исчерпывается к тому же формами 1 Sg. В 3 Sg. имеем хетт. *š* в *hi*-спряжении и хетт. *-zi*⁹ в *mi*-спряжении — ср. урал. **š* в субъектном и **-sz* в объектном спряжении. Во 2 Sg. императива часть хеттских глаголов *mi*-спряжения имеет окончание *-t* (вместо обычного нулевого окончания) — ср. сам. **-tz* и в. *-d* (из **-n-tz*?) в объектном спряжении при урал. **-k* (> сам. **-k*, в. *-j*) в субъектном. Наконец, индоевропейский прототип хеттской оппозиции *hi*- и *mi*-спряжений находит в пределах нотратической большой семьи соответствия не только в уральских, но и в картвельских языках, где противопоставлены объектная (с **-m*- в 1 Sg.!) и субъектная формы глагола (Иванов Праязыки, 185).

3.2. Аккузатив личных местоимений

3.2.1. Данные венгерского языка

Как известно, почти во всех уральских языках личные местоимения отличаются по своему склонению от прочих имен (Ravila MSFOu XCVIII, 319), причем особенным своеобразием нередко характеризуется аккузатив. В частности, венгерские местоимения 1-го и 2-го лица (*én* 'я', *te* 'ты',

⁹ Хотя обычно источником хетт. *z* является и.-е. **s*, в данном случае лувийск. и палайск. *-ti* (3 Sg.) указывают на исходность **t* (с палатализацией *t'* > *z* перед *i*), см. Иванов Хетт., 156.

mi 'мы', *ti* 'вы') имеют в формах аккузатива (*engem* или *engemet*, *téged* или *tégedet*, *minket*, *titeket* соответственно¹⁰) специфическую морфемную структуру, отличающуюся от структуры форм как прочих косвенных падежей (сформировавшихся из послеложно-личных местоимений, ср. Dat. *nekem*, *neked*, *nekünk*, *nektek*; Adess. *nálam*, *nálad*, *nálunk*, *nálatok* и т.д.), так и аккузатива существительных (ср. *kéz* 'рука', Асс. *kezet*). Формы аккузатива содержат:

- а) словарную основу местоимения или один из ее алломорфов (*en-*, *té-*, *mi-*, *ti-*);
- б) аффикс посессивности соответствующего лица и числа (*-m(-)*, *-d(-)*, *-nk-*, *-tek-*);
- в) аффикс аккузатива *t* с предшествующим соединительным гласным (в Sg. факультативен).

Кроме того, местоимения *engem(et)* и *téged(et)* включают формант *-g(e)-*, парадигме существительных неизвестный; происхождение его является предметом рассмотрения в данном разделе. Следует заметить, что даже синхронный анализ позволяет предположить, что местоимения *minket* и *titeket* исторически также могли быть четырехморфемны (но находившийся между основой и аффиксом посессивности формант выпал по фонетическим или каким-либо иным причинам), поскольку буквальная семантика морфемных сочетаний *mink-*, *titek-* представляет собой довольно странную тавтологию ('наши мы', 'ваши вы'; ср., впрочем, неархаичную диалектную форму *mink* = *mi*, находящую аналогию в марийском языке, см. Майтинская Морф., 192-193).

Древневенгерские памятники свидетельствуют о достаточной архаичности рассматриваемых местоименных форм. *Engem*, *engemet*: OMS ок. 1300 *engemet*, BécsiK. 1416/1450 *engemet*, GyaryK. 1495 *emgmet*. *Téged*, *tégedet*: KTSz 1350 *tegud*, JóKK. 1372/1448 *tegedet*, BécsiK. 1416/1450 *tégedet*. *Minket*: KTSz 1350 *mynket*, JóKK. 1372/1448 *menkett*. *Titeket*: JóKK. 1372/1448 *tjtek*, PeerK. ок. 1518 *tikteket*; для последней формы ср. *tik* = *ti* с показателем Pl. (Примеры цитированы по TESz и NySz).

Попытки этимологизации элемента *-g(e)-* в *engem*, *téged* на финно-угорском материале представляются недостаточно убедительными. Согласно одному из объяснений, здесь содержится местоименный суффикс, восходящий к ф.-у. **-ŋk-* ~ **-ŋg-* (при этом *-ŋg-* в *engem* вторично, т.к. регулярным рефлексом указанного ф.-у. сочетания является в. *g*); см. Szinnyei NyH⁷, 105; MESz, 1553¹. В исследованиях более позднего времени принимается иная, угорская этимология суффикса *-g-*, связывающая его с об.-угор. *-ŋ* в мс. So. *naŋ* 'ты', х. DN *naŋ* 'ты', *mŋŋ* 'мы' и предполагающая пра-венгерское развитие **ŋ* > **ŋk* > **ŋg* > *g* (Liimola FUF XXVIII, 24-25; Rédei NyK LXV, 168; MSzFE, 154-155; TESz

¹⁰ Существуют, кроме того, параллельные формы *bennünket* = *minket* и *benneteket* = *titeket*, употребляемые при отсутствии логического ударения.

I, 765, III, 869). Оба объяснения правдоподобны с точки зрения исторической фонетики; однако используемые в них формальные параллели не являются параллелями функциональными, и остается совершенно необъясненной исключительная связь элемента -g- именно с аккумулятивом местоимений.

3.2.2. Данные самодийских языков

Установить действительный источник венгерских форм позволяет сравнение с их точными переводными эквивалентами в самодийских языках – селькупском, ненецком и энецком. Характерной особенностью аккумулятива личных местоимений в этих языках является образование его от супплетивной основы, обычно одной и той же для всех лиц и чисел (в селькупском – только для первых двух лиц), которая оформляется аффиксом посессивности соответствующего лица и числа. Факультативно супплетивной основе может предшествовать форма номинатива соответствующего личного местоимения в полном или усеченном виде.

В записи М.А. Кастрена (Castrén-Lehtisalo, 175–187) формы аккумулятива селькупских личных местоимений 1-го и 2-го лиц выглядят следующим образом:

Т а б л и ц а 10

	(Нарым)	(Ср.Обь)	(Кеть)
1 Sg.	<i>mášem</i> , -p или <i>šep</i> , -m	<i>masem</i>	<i>masem</i>
2 Sg.	<i>tat šend</i> или <i>tašend</i> или <i>šend</i>	<i>ta set</i>	<i>tasend</i>
1 Du.	<i>miši</i> или <i>ši</i> , (<i>mi šidewi ši</i>)	<i>me siwi</i>	<i>me siwi</i>
2 Du.	<i>tišendi</i> или <i>šendi</i>	<i>te seti</i>	<i>tesendi</i>
1 Pl.	<i>mišut</i>	<i>me sut</i>	<i>mesut</i>
2 Pl.	<i>ti šendat</i> , -det или <i>šendat</i> , -det	<i>te selt</i>	<i>tesendēt</i>

Т а б л и ц а 10 (продолжение)

	(Нат -П.)	(Чулым)	(Таз)	(Карасина)	(Баиха)
1 Sg.	<i>mášim</i>	<i>ma sem</i>	<i>mášem</i> , (-p)	<i>mášep</i>	<i>mášep</i>
2 Sg.	<i>ta šend</i>	<i>tásta, tastə</i>	<i>taš šend</i>	<i>tašet</i>	<i>tašend</i>
1 Du.	<i>mesini</i>	<i>mesi</i>	<i>me ši</i>	-	-
2 Du.	-	-	<i>te šendi</i>	-	-
1 Pl.	<i>me sinat</i>	<i>mesut, mesət, (mesöt)</i>	<i>me šinen</i>	<i>mešent</i> , (-net)	<i>méšent</i>
2 Pl.	-	<i>testet</i>	-	<i>tešet</i>	<i>tešend</i>

Г.Н. Прокофьев приводит (для тазовского диалекта) следующие варианты (Прокофьев Сельк., 43–44):

- 1 Sg. *mašip, mašim, šip, šim*
- 2 Sg. *tašində, šində*
- 1 Du. *mē šinbđ, šinbđ, šinđ, mēšimbđ, šimbđ, šimđ*
- 2 Du. *tē šindbđ, šindbđ, šindđ*
- 1 Pl. *mē šinbt, šinbt*
- 2 Pl. *tē šindbt, šindbt*

Материалами Селькупской экспедиции МГУ в том же диалекте зафиксированы такие формы (ОчСельк., 289):

- 1 Sg. *šim* (-p), *mašim* (-p)
- 2 Sg. *šintī, tašintī*
- 1 Du. *šimī, mēšimī, šinī, mēšinī*
- 2 Du. *šintī, tēšintī*
- 1 Pl. *šimīt* (-n), *mēšimīt* (-n), *šinīt* (-n), *mēšinīt* (-n)
- 2 Pl. *šintīt* (-n), *tēšintīt* (-n)

При этом наблюдается тенденция (не приобретающая, однако характер универсального правила) использовать краткие формы аккумулятива в непосредственной препозиции глаголу или связанным с глаголом частицам, а более полные – в остальных случаях: *ponā šim ūtāš!* 'на улицу меня выпустить!'; *timtī mašip nī kutī ašša tenjma* 'здесь меня никто не знает' (ОчСельк., 290). Эта тенденция отчасти прослеживается и по примерам из словаря И. Эрдейи: *nī kutī šip orqilqo tašalna* 'niemand kann mich fangen', *āmāmī šip mašontī ūtāšīt* 'meine Mutter schickte mich in den Wald', но *mašim aj kuttar amnantī?* 'wie wirst du mich wieder essen?', *mašip munoqāk kutī kos orsā coqqolsīt* 'mich stoß jemand sehr an meinem Finger' (SWv, 123, 220).

В ненецком языке в склонении личных местоимений всех трех лиц используется супплетивная основа *šī*-, от которой в тундровом диалекте образуется, помимо аккумулятива, генитив (используемый при некоторых послелогох, не способных оформляться показателями посессивности):

Т а б л и ц а 11

	Тундровый диалект		Лесной диалект	
	(Нен. яз., 98)		(Вербов, 83)	(Samm., 60)
	Gen.	Асс.	Асс.	Асс.
1 Sg.	<i>си'ин</i>	<i>мань си'ми</i>	<i>(maŋ) šehej</i>	<i>/šaʔj/</i>
2 Sg.	<i>сит</i>	<i>(ныдар) сит</i>	<i>(pət) šet</i>	<i>/šāʔt/</i>
3 Sg.	<i>сита</i>	<i>(ныда) сита</i>	<i>(pəta) šita</i>	<i>/šāʔta/</i>
1 Du.	<i>си'ни</i>	<i>мани' сидни'</i>	<i>(majh) šitejh</i>	<i>/šičēj/</i>
2 Du.	<i>сидти'</i>	<i>(ныдари') сидди'</i>	<i>(pəth) šitejh</i>	<i>/šičēš/</i>
3 Du.	<i>сидти'</i>	<i>(ныди') сидди'</i>	<i>(pəth) šitejh</i>	<i>/šičēš/</i>
1 Pl.	<i>си'на</i>	<i>(маня') сидна'</i>	<i>(majh) šitinah</i>	<i>/šičēnaʔ/</i>
2 Pl.	<i>сидта'</i>	<i>(ныдара') сидда'</i>	<i>(pətah) šititah</i>	<i>/šičētaʔ/</i>
3 Pl.	<i>сидто'</i>	<i>(ныдо') сиддо'</i>	<i>(pətoŋ) šititoŋ</i>	<i>/šičētiŋ/</i>

Ср. также формы аккумулятива по М.А. Кастрену (Castrén Gr., 344–346):

- 1 Sg. *(mañ) siem* (*sim*)¹¹
- 1 Du. *(mañi) siednī* (*siedani*)
- 2 Sg. *(pudar) siet*
- 2 Du. *(pudari) sieddi*
- 3 Sg. *(puda) sit'e*
- 3 Du. *(pudi) sieddi*

¹¹ А также *simmi* и *šum* – см., например, Castrén Wört., 313⁵⁴ и 318²²⁷.

1 Pl. (maña') *siedna'* (*siedana'*)

2 Pl. (puđara') *siedda'*

3 Pl. (puđu') *siedđu'*¹²

Т. Лехтисало приводит следующие диалектные (тундровые и лесные) формы аккузатива (JSWb, 442-443):

	OP	Oks.	N	Lj.
1 Sg.	<i>śimi'</i>	<i>śu'ū, śu'uw</i>	<i>śu'ū</i>	<i>śe'ij</i>
2 Sg.	<i>śit</i>	<i>śit</i>	<i>śit</i>	<i>śiht</i>
3 Sg.	<i>śit'e</i>	<i>śita</i>	<i>śit'e</i>	-
1 Du.	<i>śidhi'</i>	<i>śīdahe'</i>	-	-
2 Du.	<i>śid'i'</i>	<i>śīdad'i'</i>	-	-
3 Du.	<i>śid'i'</i>	<i>śīdad'e'</i>	-	-
1 Pl.	<i>śidna'</i>	<i>śīdana'</i>	-	-
2 Pl.	<i>śida'</i>	<i>śīdada'</i>	-	-
3 Pl.	<i>śidu'</i>	<i>śīdado'</i>	-	-

	P	Kis.	Nj.
1 Sg.	<i>śi'ej</i>	<i>śe'īj</i>	<i>śi'ij</i>
2 Sg.	<i>śiht</i>	<i>śihtN</i>	<i>śiht</i>
3 Sg.	<i>śihde</i>	-	-
1 Du.	<i>śicēj</i>	-	-
2 Du.	<i>śicēb</i>	-	-
3 Du.	<i>śicēb</i>	-	-
1 Pl.	<i>śicēnna'</i>	-	-
2 Pl.	<i>śicētta'</i>	-	-
3 Pl.	<i>śicēttūj</i>	-	-

Формы Sg. лесного диалекта в записи П. Саммаллахти совпадают с посессивными формами аккузатива существительного /šaʔ/ 'лицо' (ср. Sammallahti MFN, 56). Однако формы двух других чисел морфологически невозводимы к /šaʔ/ (Там же, 59). Вероятно, формы Sg. в более старых записях по лесному диалекту - (L) *śe'ij*, *śiht* etc., (Вербов) *śe-hej*, *śet*, *śita*, близкие формам тундрового диалекта, архаичнее, тогда как приводимые П. Саммаллахти /šaʔj/, /šaʔt/ и под. возникли вследствие контаминации с /šaʔ/ 'лицо', которой способствовала семантика данного существительного (ср. рус. *лицо* 'face; person'). Формы тундрового диалекта, записанные Т. Лехтисало в различных говорах, характеризуются значительным фонетическим разнообразием, обусловленным процессами ассимиляции (*śu'ū* и под. - вероятно, из **śi'ū*), сингармонизации (*śit'e*, ср. *śita*), гаплогии (*śida'*, ср. *śīdada'*).

Также от основы *śi'* образуется аккузатив личных местоимений в энецком языке. Приведем данные по диалектам тундровому (Castrén Gr., 351-353 и МЭ) и лесному (Прокофьев Энецк., 86 и Терещенко Энецк., 447-448) (см. табл. 12).

Имеются и формы припослеложного генетива от той же супплетивной основы: (МЭ) 1 Sg. *mod'i śihi nene* 'со мной', 2 Sg. *tod'i śito nene* 'с тобой', 3 Sg. *ñitoda śita nene* 'с ним', 1 Pl. *mod'i śi'a nene* 'с нами' и т.д.

¹² Правильнее: *siedđu'* (ср. Castrén Gr., 354).

Т а б л и ц а 12

	(C)	(Прок.)	(Тер.)	(МЭ)
1 Sg.	(<i>mod'i</i>) <i>sī'</i>	<i>mođi śih</i>	<i>модь су''</i>	<i>mod'i śī'</i>
2 Sg.	(<i>tod'i</i>) <i>sito</i>	<i>ū śīto</i>	<i>ū сит</i>	<i>tod'i śito</i>
3 Sg.	(<i>ñitoda</i>) <i>sita</i>	<i>bū śita</i>	<i>бу сита</i>	<i>ñitoda śita</i>
1 Du.	(<i>mod'i</i>) <i>sirini'</i>	<i>mođi (ñih)</i>	<i>модинь'</i>	<i>mod'ihī'</i>
		<i>śidenih</i>	<i>сиђинь'</i>	<i>śibihī'</i>
2 Du.	(<i>tod'i</i>) <i>siriri'</i>	<i>ū (đih)</i>	<i>ўду' сиђју'</i>	<i>tod'idi'</i>
		<i>śideđih</i>		<i>śisibi'</i>
3 Du.	(<i>ñitodi'</i>) <i>siriri'</i>	<i>bū (đih) śitih</i>	<i>буду' сиђју'</i>	<i>ñitodi'</i>
				<i>śisibi'</i>
1 Pl.	(<i>mod'i'</i>) <i>sirina'</i>	<i>mođi (nađ)</i>	<i>мѡдина''</i>	<i>mod'ina'</i>
		<i>śidenah</i>	<i>сиђна''</i>	<i>śibina'</i>
2 Pl.	(<i>tod'i'</i>) <i>sirira'</i>	<i>ū (dah)</i>	<i>ўда''</i>	<i>tod'ida'</i>
		<i>śidedah</i>	<i>сиђђа''¹³</i>	<i>śibida'</i>
3 Pl.	(<i>ñitodu'</i>) <i>siriru'</i>	<i>bū (duđ)</i>	<i>буду' сиђју'</i>	<i>ñitodu'</i>
		<i>śituh</i>		<i>śisibu'</i>

Ненецкие и энецкие формы аккузатива личных местоимений (за исключением, возможно, форм 1 Sg. в лесном ненецком) восходят к примерно следующей прасеверносамодийский си теме¹⁴:

	1	2	3
Sg.	<i>*sit-mi ~ *si-mi-t</i>	<i>*sit-tā</i>	<i>*sit-tā</i>
Du.	<i>*sit-ñij</i>	<i>*sit-ñtij</i>	<i>*sit-ñtij</i>
Pl.	<i>*sit-ñāt</i>	<i>*sit-ñtāt</i>	<i>*sit-ñton</i>

В нганасанском и камасинском языках аккузатив личных местоимений образуется от той же основы, что и номинатив. Вероятно, такую ситуацию можно рассматривать как менее архаичную, обусловленную действием естественной тенденции к вытеснению супплетивных форм.

Три рассмотренных самодийских языка позволяют реконструировать прасамодийский облик основы аккузатива личных местоимений - **ki* или **kit* (соответствие ск. (Таз) *к* : н., эн. *к* может быть рефлексом только сам. **k* в положении перед гласным переднего ряда; см. Collinder CG, 48, 55-56). Конкретные формы отдельных лиц и чисел имели в прасамодийском вид: **(Pron. Pers. +) ki(t) + Px*, т.е. **(mān) ki(t)m(ə)* в 1 Sg., **(tān) ki(t)ntz* во 2 Sg. и т.д.

3.2.3. История развития венгерских форм

Рассмотренные самодийские формы, семантически тождественные венгерским *engem*, *téged*, и, подобно им, стоящие особняком во всей системе падежного склонения, обнаруживают, кроме того, структурный параллелизм и известную фонетическую близость с ними. Если, опираясь на это, попы-

¹³ Опечатка вместо *сиђђа''*.

¹⁴ К реконструкции вокализма см. Хелимский Реконстр. лаб.; Хелимский КД, 231-240.

таться экстраполировать реконструкцию *ki как основы аккузатива личных местоимений на правенгерский уровень, то окажется, что происхождение и развитие венгерских форм предстают совершенно ясными и последовательными:

а) Исходная структура могла быть вполне аналогична той, которая наблюдается в самодийском, т.е. 1 Sg. *(*ämñ*) *ki-m(3)*, 2 Sg. *(*tñn*) *ki-nt3*, 1 Pl. *(*mi*) *ki-m3k*, 2 Pl. *(*ti*) *ki-t3k15*.

б) Путем закрепления первого компонента вышеуказанных форм (личного местоимения) и слияния его с остальной их частью возникли формы **ämñkim(3)*, *tñnkint3, *mikim3k, *tikit3k (ср. реконструкции *engem* < *e-me-n-ke-m, *téged* < *te-n-ke-d у Ю. фон Фаркаша, усматривающего в *-*ke*- местоименный суффикс - Farkas UALb XXVIII, 254).

в) Дальнейшее развитие подчинялось регулярным, достаточно хорошо известным процессам правенгерской и древневенгерской исторической фонетики (переходы *-*yk*- > -*g*-, *-*nt*- > -*d*-, *-*k*- > -*γ*- > Ø, падение ауслаутовых гласных, а также гласных второго слога в последовательности из двух открытых слогов, стяжение гласных, сужение гласных закрытого слога, развитие окончаний 1 Pl. и 2 Pl. в -*nk* и -*tek* соответственно - см. MNYT, 103, 102, 130, 146-147, 167-168, 168-169, 153-154, 417). В силу этого **ämñkim(3)* > **ämñgim(3)* > *ämñgim > *emgēm (возможно, эту стадию отражают архаичные написания типа *emgomet*, см. выше) > *engem*; *tñnkint3 > *tñgid3 > *tñgil > *téged*; *mikim3k > *miyi-m3k > *miim3k > *mim3k > *mink*; *tikit3k > *tiyit3k > *tiit3k > *tit3k > *titek*. Сложные квантитативные соотношения вокализма в Nom. и Acc. личных местоимений (*én* - *engem*, *te* - *téged*) могли сложиться под разнонаправленным воздействием ряда факторов: продления ударного гласного (см. Хелимский Черед., 129), вторичного сокращения в позиции конца слова (*te* < *té, см. MNYT, 166) или перед сочетанием согласных (*mink* < *mink, *engem* < **engem(?)*).

г) По аналогии с аккузативом существительных на указанные формы начал распространяться показатель -*t*, который остался факультативным в 1 и 2 Sg., но закрепился в Pl.

¹⁵ О реконструкции праформы для венг. *én* 'я', мс. TJ *em*, KU KO *am*, So. *am* см., например, Rédei NyK LXV, 166; MSzFE, 154 (предполагается праформа *emññ). О принципиальной допустимости консонантного ауслаута в правенгерском (праугорском и т.д.) см. Хелимский Черед. В данном случае основанием для реконструкции *-*n* (а не *-*nz*) служит, в частности, предполагаемая идентичность этого элемента аффиксу генетива *-*n* (Иллич-Свитыч II, 64, 79; иначе Майтинская ВФУЯ, 79; Серебренников Морд. 82-83). Об исходности элемента *-*n* в личном местоимении 2 Sg. см. Серебренников Перм., 184-185; ОФУЯ I, 399 (напротив, MNYT, 207 и TESz III, 869 допускают урал. *tñ). Реконструкция аффиксов посессивности в целом традиционна (см. Szinnyei FUS 98; MNYT, 401; ОФУЯ I, 273-278); по поводу *-*nt3* во 2 Sg. см. выше (3.1.1, 3.1.3).

3.2.4. Проблема интерпретации

Таким образом, имеет место самодийско-правенгерская параллель (отчасти отраженная и в обско-угорских языках, см. далее), состоящая в использовании специфических по своей структуре форм аккузатива личных местоимений, содержащих супплетивную основу *ki. Материальное совпадение целесообразно объяснять из урал. (общеурал.? восточноурал.?) *ki, поскольку гипотеза о заимствовании повышает в воздухе за отсутствием данных о непосредственных правенгерско-самодийских контактах. Было бы, однако, неосторожным решительно утверждать, что элемент *ki использовался в уральском праязыке (или в части его диалектов) именно в качестве супплетивной основы личных местоимений. Рассматриваемая ниже возможность этимологизации *ki на уральском уровне (3.2.4.2) указывает скорее на исходность иной семантики и иных функций (в этом случае параллель может быть объяснена конвергентным процессом, обусловленным ареальными угорско-самодийскими связями). Напротив, принятие ностратической этимологии *ki (достаточно спорной - см. 3.2.4.3) заставило бы усматривать в данной параллели архаизм, случайно сохранившийся именно в этих языках и утраченный во всех прочих языках - потомках прауральского под действием тенденции к унификации парадигм.

Имеются следующие возможности для дальнейшего поиска этимологических связей *ki как супплетивной основы аккузатива личных местоимений:

3.2.4.1. Т. Лехтисало уверенно объединяет в рамках одной словарной статьи (JSWb, 442-443) указанные выше местоименные формы и существительное *śī* (Pl. *śīδ*) O Sj. 'Form, Bild' (ср. также эн. Т (МЭ) *śi* (δ) 'подобие, предвестник (чего-л.), сходное (с чем-л.) по форме'; ненецкое и энецкое слова восходят к с.-сам. *sit), Р *śīśeś* (с суффиксом каритивного глагола) 'geistesgestört (ohne Schattensee) sein'. Для *śimi* и под. (а также для соответствующих селькупских местоимений, см. Lehtisalo NyK L, 227-228) он предполагает семантическое развитие 'mein Bild, mein Gestalt, meine Schattensee' → 'mich'. В пользу отождествления местоименной основы и существительного особенно убедительно свидетельствует такой приводимый там же пример, как Nj. *śiśu^hkōjjēj hīññ kāta!* 'töte mich armen nicht', где местоименная основа снабжена именным суффиксом уменьшительно-пренебрежительного значения. Если Т. Лехтисало прав - что представляется весьма вероятным - то первичность лексического значения по отношению к грамматическому следует принять и для уральской (восточноуральской) праформы, реконструируя ее исходное значение типа 'образ, подобие, душа-тень'. Этимологические параллели с.-сам. *sit как существительного в других уральских языках нам неизвестны. Заслуживает внимания совмещение сходной лексической семантики и местоименного употребления в рефлексах ф.-у. *iśe (FUV, 16): х. *is* 'душа, дух, жизнь', мс. *jis* 'блуждающая душа, приведение; тень', ф. *itse* 'сам', см. *iśe*, мд. *eś*, мр. *iś-ke*, *ś-ke*, у. *abi-*, к. *abi-* (см. Майтинская Мест., 54-56; ОФУЯ I, 296).

3.2.4.2. Достаточно вероятной представляется связь основы *ki с известной ряду финно-угорских языков местоименной усилительной частицей: ф. *-kin* (*kenkin* 'кто же', *minnekin* 'куда же'), эс. диал. *-gid* (*minagid* 'и я, также я') < приб.-фин. **-kik*, **-yik* (Хакулинен I, 215), **-kit*, **-yit* (Аристэ Примеч., 303); мр. Л *ḡ-ke*, Г *aḡ-ke* 'сам, свой' (о *-ke* как усилительной частице см. Галкин I, 94); мс. (сев.) *-ki* как суффикс лично-усилительных местоимений *amki* 'я сам', *paŋki* 'ты сам', *takwi* 'он сам', *mēnki* 'мы-двое сами', *nēnki* 'вы-двое сами', *tēnki* 'они-двое сами', *mānki* 'мы сами', *nānki* 'вы сами', *tānki* 'они сами' (Ромбандеева, 101). Особенно обращает на себя внимание формальное сходство в. *engem*, *tēged* (и их самодийских соответствий) с аккузативом мансийских лично-усилительных местоимений: TJ *emkə-m*, *emkə-ŋkə-m*, ТС *emkə-ŋkə-m*, KU *amxtəm*, *amktəm*, KM KO *amkəm*, P *amxəŋdənəmna*, VNK *amŋkə-ŋkə-mna*, VS *amamkə-mna*, LU *aməŋdəmna*, LO *amkim*, So. *amGim*, *amGinəm* 'меня самого'; TJ *nūŋkū-n*, KU *nāŋktən*, KM *nāŋkə-ŋkə-m*, KO *nāŋkə-ŋkə-m*, P *nəŋkə-ŋkə-mna*, *nəŋkə-ŋkə-mna*, VS *nəŋkə-ŋkə-mna*, LO *nāŋkin*, So. *nəŋGinən* 'тебя самого' (Lii-mola FUF XXVIII, 42-45). Если отождествить **ki*₁ (основа аккузатива) и **ki*₂ ('же, сам'), то для в. *engem* и мс. *em(ā-ŋ)kəm* реконструируется общая праформа *amŋn-ki-m(з). Учитывая сказанное выше о лексическом значении основы *ki(t), следует предположить семантическое развитие '(моя, твоя) душа-тень' → '(я, ты) сам' → 'сам' → 'же'; таким образом, первые две стадии развития те же, что и для ф.-у. **ibe* (см. выше), а последняя стадия находит аналогии в франц. *même* 'сам, же, даже' из лат. *-met ipsimus* 'сам' или в укр. *туди саме* 'туда же, именно туда'.

Сложность составляет разграничение рефлексов усилительной частицы *ki и соединительно-усилительной частицы **-ka/*-kä*: ф. *-ka/*-kä* (*eikā* 'и не'); см. N *-ge* - усилительная частица с предшествующим отрицанием; мд. *-k*, *-ko*, *-ke*, *-kə*, *-ka*, *-ge*, *-ge* (скуда же относится и менее близкие фонетически частицы со сходным значением - *-ŋga*, *-ja*, *-va*, *-gak*, *-jak*, *-jok*, *-vək*, *-kige*, *-kije*, см. Майтинская Мест., 15; Серебренников Мord., 99); мр. *-ke*... *-ke* 'так же... как и', перм. *kə > *ke или *kə (КЭСК, 137; Лыткин Вок., 155) 'если; -то, -нибудь' (к. *ke*, Я *ke*, у. *ke*); км. *-gə* 'и, еще, также'. См. Wagner CSIFU Rés., 145; Collinder IUS, 60-61; Иллич-Свитыч I, 325-326 (ностр. **k/o* - постпозитивная соединительная и усилительная частица). Возможно, обилие и фонетическое разнообразие выше приведенных мордовских форм отчасти обусловлено смещением рефлексов двух различных частиц; в частности, к усилительной частице *ki могут восходить мд. *-ka*, *-ke* (М *šakā*, *šekē*, Э *šekē* 'derselbe, ein und derselbe; eben der; einzig'; М *takā*, Э *teke* 'eben dieser', см. Paasonen Mord., 122 и 140). С другой стороны, Иллич-Свитыч I, 325 допускает возможность связи **-ka/*-kä* и *ki 'же' (если последняя частица из *kä-j); разумеется, при принятии такого допущения этимологические построения этого пункта должны быть отвергнуты.

3.2.4.3. В.А. Терентьев указал автору интересную воз-

можность проекции *ki как основы (а позднее формата) аккузатива личных местоимений на ностратический уровень путем сближения с окончанием архаичных форм аккузатива личных местоимений 1-2 Sg. в индоевропейских языках: хетт. *ammuk(ka)* 'меня', гот. *mik*, др.-исл. *mik*, др.-в.-нем. *mih*, венет. *teho*; хетт. *tuk* 'тебя', гот. *þuk*, др.-исл. *þik*, др.-в.-нем. *dih*. В своей неопубликованной заметке по этому поводу он отмечает: "Обычно указывают на связь элемента *-k* с греч. *ἐνέ γε* в *ἐνέ γε, οὐ γε*¹⁶. Однако наряду с *ἐνέ γε* есть номинатив *ἐγώ γε, ἔγω γε*". Нельзя считать доказанной предполагаемую иногда (Семеренья, 228) связь с элементом *ǵ в Nom. 1 Sg. (хетт. *uk*, *uga*, *ukka*, гот. *ik*, лат. *ego*, слав. *azj и т.д., см. Pokorny, 291): следует иметь в виду, что последний - в отличие от окончания аккузатива - ограничен в своем употреблении местоимением 'я' (хетт. *zik*, *ziga*, *zikka* 'ты' неархаично, на что указывает палайск. *ti* - устное сообщение Вятч. Рс. Иванова).

Обнаружить сколь-нибудь достоверные рефлексy *kl как предполагаемого форманта аккузатива личных местоимений в других ностратических языках нам не удалось. Некоторый интерес представляет, впрочем, эфиоп. *kiyā-* - основа объектного самостоятельного местоимения (*kiyā-ya* 'меня', *kiyā-ka* 'тебя (м.р.)', *kiyā-ki* 'тебя (ж.р.)', *kiyā-hū* 'его', *kiyā-hā* 'ее' и т.д., см. Старинин Эфиоп., 48); ср., однако, аналогично функционирующую арабскую основу *'iā-*: *'iā-ā*, *'iā-ka* и т.д. Проблематична связь эфиоп. *kiyā-* с семитской частицей *kl 'так' (Гранде Введ., 155; Иллич Свитыч I, 325).

Совершенно очевидна та трудность, с которой сталкивается гипотеза о ностр. происхождении урал. *ki как основы аккузатива личных местоимений. По крайней мере в одном из уральских языков - ненецком - остается достаточно прозрачной связь рефлекса *ki с тем существительным, которое, согласно Т. Лехтисало, явилось источником семантического развития в местоименную основу. Следовательно, приходится предполагать, что данное существительное ('душа-тень, подобие') также существовало еще на ностратическом уровне и "законсервировано" с исходным значением в течение многих тысячелетий ненецким и энецким языками, хотя в индоевропейских языках (а также в венгерском) оно давно "выродилось" в местоименный аффикс. Столь значительная архаизация самодийского материала создает естественные сомнения - тем более, что свидетельства за пределами уральской семьи недостаточно убедительны.

3.3. n-овые показатели местных падежей

3.3.1. Данные угорских языков

Как Д. Дечи (Décsy Einf., 169), так и Я. Гуя и К. Реджи (ОФУЯ I, 154) и Л. Хонти (Honti NyK LXXXI, 231-232) выделяют в качестве одной из общеугорских черт наличие показателей местных падежей, общим элементом которых яв-

¹⁶ Мейе Введ., 340; СГЯ III, 345; Pokorny, 418.

ляется начальный *n*. Сюда относятся венгерские падежные окончания существительных, обозначающих лицо или семью (ныне сохранены в палочках и восточносекейских говорах): *-nott/-nött/-nett*, *-nitt* (эссивное), *-ni*, *-nyi* (лативное), *-nöl/-nöl* (аблативное); мс. TJ *-nà/-nā*, *-n* (Lat.), TJ *-nāl/-nāl*, KO KM KU LO So. *-nāl*, *-nāl* (Abl., El.), а также, возможно, TJ *-nāt/-nāt* (Comit.); х. O *-na* (Lat.), Surg. *-nat*, V Vj. *-na/-nā* (Instr.), а также, возможно, Surg. *-nam* (All.) и V *-niyet* (Comp.). См. MNYT, 406; Балаша, 290; Liimola Wog., 60-63, 78-91, 118-120; Терешкин СПСЯ; ОФУЯ I, 249-250, III, 280-282, 306. Не исключена связь с этой группой окончаний Dat. *-nak/-nek* и Adess. *-nāl/-nāl* в венгерском (Liimola Wog. 71; Hajdú Bev., 121-124, 126); однако последнее предположение встречается трудными, связанные с возможностью употребления форм типа *nekem* 'мне', *nálam* 'у меня' и т.д. (ср. TESz II, 996 и 1008, где изложены другие возможности этимологизации).

Как по поводу возможности возведения всех указанных падежных окончаний к единому источнику, так и по вопросу о характере этого источника существует ряд мнений. Лативные окончания обско-угорских языков возводят непосредственно к урал. (ф.-у.) Лос. **-na* (Kövesi NyK LXVIII, 231-234) или даже к лативу на **-ñ* (Серебренников Сист., 26; ср. возражения К.Е. Майтинской - ОФУЯ I, 249-250). Прочие, имеющие более сложную фонетическую структуру, окончания объясняются как сложения Лос. **-na* с урал., ф.-у. или угор. показателями других местных падежей (Szinyei NyH, 131-137; Szinyei FUS, 64-65; Kálmán FUF XXXV, 137-138; MNYT, 404; Майтинская Морф., 108-109, 118) как образования от послеложных основ **nā-* 'близость, стона и под.' (Liimola Wog., 66, 123; Hajdú Bev., 126; ОФУЯ III, 307) и **nū-*, **nō-* 'близость' (Liimola Wog., 71, 73), как образования от основы указательного местоимения **nā* (Sebestyén ALH VII, 333-336; ОФУЯ III, 282; Mikola Postp., 164-169), а также сопоставляются с послеложной основой **nā-* (> н. *nā-*, эн. *ne-*, нг. *na-*) в северносамодийских языках (Fokos Nyr XXXVI, 22-23, XXXIX, 158-162; Sebestyén ALH VII, 333-336; Mikola Postp., 164-169). Кроме того, в орбиту сопоставлений попали и ф. *-nne* (лативный суффикс наречий), э. *-ni* (Term.), см. Fokos Nyr XXXVI, 22-23 - форманты, происхождение которых недостаточно ясно (см. Хакулинен I, 206-207; Майтинская Морф. 115).

В принципе все предложенные объяснения представляются допустимыми. Можно, однако, предложить еще одно - не менее вероятное, хотя и вряд ли строго доказуемое при нынешнем уровне наших знаний, - объяснение, основывающееся на рассмотрении *n*-овых показателей местных падежей не как специфически угорской черты, а как еще одной угорско-самодийской изоглоссы.

3.3.2. Данные самодийских языков

Во всех самодийских языках представлен показатель латива **-ntz* (с вариантом **-tz*, который, по-видимому, еще на прасамодийском уровне выступал после основ на согласный), закономерно давший: н. Т *-n'*, *-d'*, *-t'*, Л *-n*, *-t*; эн. (МЭ) *-do* (< *-ddo* < **-ntā*), *-to*; нг. (С) *-ndaŋ*, *-ntaŋ*, *-taŋ*, (Mik.) *-ntā*, *-tā*; ск. (МЭ) *-nti*, *-ti*; км. *-ne* (< **-nte*), *-de* (см. Collinder CG, 293-294; Künnap Syst. I, 109-117). Возможно, сам. **-ntz* представлен и в мат. (PM) *irnénde* 'вперед', *hundénde* 'назад', кар. (P3) *dzscharganāndi* 'около' (ср. *dzscharganān* 'подле'), *nñntaanda* 'в середине' (если предполагать в двух последних случаях неточный перевод с заменой лативного значения на локативное). А.И. Йоки допускает с учетом нганасанских данных реконструкцию **-nta(ŋ)/*-ta(ŋ)* (Joki FUF XXXIX, 14).

Селькупскому языку известен, помимо того, следующий показатель датива-аллатива: (С) N *-n*, MO *-ne*, K *-ni*, NP *-nni*, Tschl. *-ni*, *-nni*, Jel. *-nne*, Kar. *-nā*, *-n'ā*, *-n*, B *-nā*, *-neng*, *-ne*, *-n* (Castrén-Lehtisalo, 117-151); (Прок.) *-nōk* ~ *-nōŋ*; (МЭ) *-nīk* ~ *-nīŋ* ~ *-nī*¹⁷.

В самодийских языках имеется и ряд других именных и наречных окончаний с местным значением, начинающихся с *n*. Они, однако, в большинстве своем или являются непосредственными рефlekсами уральского Лос. **-na*, или восходят к послелогам, или (особенно в селькупском) представляют собой сравнительно поздние сращения из окончания генитива *-n* и послелога. Подробный этимологический разбор окончаний такого рода содержится в монографии А. Кюннапа (Künnap Syst. I, 91-94, 97-99, 105, 118-119; см. также Joki FUF XXXIX).

¹⁷ Как мы уже показали в другом месте (ОчСельк., 178-180), представление о наличии в селькупском языке одного "дательно-направительного" падежа с двумя окончаниями, из которых одно (*-nti* и под.) оформляет названия неодушевленных предметов, а другое (*-nīk* и под.) - названия одушевленных предметов (см. Castrén Gr., 111-113; Прокофьев Сельк., 31, Беккер, 52-90) вряд ли можно признать правильным. Целесообразнее выделять (для тазовского диалекта) два лативных падежа, противопоставленные и формально, и содержательно: Ill. (*-nti*) и Dat. *-All.* (*-nīk*). Так же, по-видимому, обстоит дело и в южноселькупских диалектах - во всяком случае, ряд примеров в работе Э.Г. Беккер противоречит тезису о распределении формантов типа *-nti* и типа *-nīk* в зависимости от категории одушевленности, ср. (Марк.) *колхоз пелтэмба школанни* 'колхоз помогает школе'; (Пар.) *начало квачи медэмба* 'до города он доехал'; (УО) *удьнни һодатт авергу* 'к вечеру уходят есть'; (Марк.) *инкалджетик ман гчкинни* 'прислушайся к моим словам'; (Ласк.) *а:ждьндь по чаджьндак* 'в оленя палку бросил я' (Беккер СПСЯ, 244-247; см. также Беккер, 57-58). А. Кюннап указал на наличие некоторых несоответствий между значением категории одушевленности и выбором лативного окончания и в материалах М.А. Кастрена (Künnap Syst. I, 96-97).

3.3.3. Сопоставление угорских и самодийских данных

Формальное сходство (начальный *n*) и семантическая общность (передача значений местных падежей, в особенности лативных значений) делают возможным сопоставление рассмотренных выше угорских и самодийских окончаний. Для других уральских языков начинающиеся на *n* древние показатели местных падежей нехарактерны (за исключением тех случаев, где представлены рефлексы урал. *Loc. *-na*). Напрашивается, кроме того, непосредственное сравнение двух весьма близких фонетически лативных окончаний - в. *-nak/-nek* и ск. *-nĭk/-nĭj/-nĭ*. Последним компонентом обоих окончаний может являться урал. *Lat. *-k* (Collinder CG, 295; Серебренников Сист., 48-49; ОФУЯ I, 255-257), как это предполагается и для венгерского языка (правда, в рамках другой этимологии, возводящей *-ne-* в *-nek* к **nā* 'этот'; см. TESz II, 1008), и для селькупского (Tauli FUF XXXII, 205). При этом сохранение *-k* в венгерском (при обычном развитии **-k(-) > *γ > Ø*) может быть объяснено или геминацией (ф.-у. **kk*) в интервокальном положении (TESz), или - скорее - аномальной устойчивостью конечного **k* в морфемах с грамматическим значением (ср. *-k* как показатель 1 Sg. субъектного спряжения, *-lak/-lek* как показатель 1 Sg. субъекта при объекте 2-го лица; см. также 3.1.3). Исходность *-k* (а не *-γ*) в ск. *-nĭk* постулирует П. Хайду (Hajdú SteinitzFestschr., 130-131); напротив, А.И. Йоки видит во втором консонантном компоненте этого показателя лативный **γ* (Joki FUF XXXIX, 14). Разумеется, данное венгерско-селькупское сопоставление является спорным - как ввиду наличия ряда других, исключаяющих его (и взаимоисключающих) этимологических гипотез¹⁸, так и из-за отсутствия точных параллелей в других языках.

Угорско-самодийское сопоставление в целом позволяет поставить вопрос о применимости к угорским языкам предложенной для самодийских падежных показателей интерпретации элемента *n* как окончания генитива (Künnap Syst. I, 95; 115; Кюннап АДД, 14; Иллич-Свитыч II, 81 - редакционное дополнение). Как известно, уральский генитив на **-n* в угорских языках утрачен (ОФУЯ I, 238), что, однако, не препятствует предположению о сохранении его в составе сложных падежных показателей, образованных по архаичной модели ("по-видимому, уже к ностр. периоду относится тенденция к постпозитивному употреблению с косв. формой имени на *-n* частиц локативного значения" - Иллич-Свитыч II, 81). Поскольку во многих уральских языках сохранилась синтаксическая закономерность, согласно которой имя в послеложной конструкции оформляется аффиксом генитива, данная архаичная модель использовалась для создания новых падежных окончаний и в самостоятельной жизни отдель-

ных языков. В этой связи, наряду с уже упоминавшимися сравнительно поздними сращениями генитивного *-n* с послелогами в самодийских языках, может быть отмечен и мордовский датив на *M -ndi*, *Э -neñ*, *-neñ*, диал. *-ne*, объясняемый этимологически как сращение показателя *-ñ* (Gen.) с послелогом *teñ* (Бубрих Эрз., 65, 207; Серебренников Морд., 18-19; Цыганкин, 60-61). Непосредственное сопоставление этого позднего и довольно прозрачного образования (послелог легко вычленился в формах датива личных местоимений: *Э t'eñ* 'мне', *t'et* 'тебе', *t'enze* 'ему', *M t'ejne*, *t'ejt*, *t'ejnza*) с рассмотренными выше угорскими и самодийскими данными было бы, однако, ошибочным с точки зрения относительной хронологии форм. Сходные процессы образования квазипадежных форм (так называемых "агглютинатов") имели место и в поздней истории прибалтийско-финских языков (см. Майтинская Морф., 126-131).

3.3.4. Проблема интерпретации

При интерпретации рассмотренной угорско-самодийской параллели существенно отметить то, что здесь мы фактически имели дело с изоглоссой, делящей уральскую семью языков на две части - восточную (угорско-самодийскую), где широко представлены показатели местных (особенно лативных) падежей с начальным *n*, и западную (финно-пермскую), где аналогичную роль коаффикса местных падежей играет элемент *l*, сочетающийся с первичными падежными окончаниями: *Adess. ф. -lla/-llä* (< **-lna/*-lnä*) ~ к. *-len* ~ у. *-len*; *Abl. ф. -lta/-ltä* ~ мр. *-leš* (< **-let*); *All. ф. -len/-llen/-lle* ~ мр. *-lan/-län* ~ к., у. *-lañ*; *Abl. к. -liš* ~ у. *-leš*; *Dat. к., у. -li*; *Fin. к. -la* (ОФУЯ I, 51, 261-262). Элемент *l* восходит к локативной частице **-ta/*-tä* ностратического происхождения (Collinder CG, 291-292, Иллич-Свитыч II, 25-26)¹⁹. Хотя рефлекс данной частицы известен угорским языкам (мр. *juw-l'e* 'назад, в помещение', *ēla-l* 'вперед'; х. *Kaz. jox-ti* 'домой') и, возможно, одному из самодийских языков - камасинскому (км. *d'ü-lla* 'на землю', *bulan-la* 'к лосю', см. Künnap Syst. I, 77)²⁰, в качестве падежного коаффик-

¹⁸ Например, Б. Коллиндер сравнивал в. *nek-*, *-nek* с см. *N nĭxi'gā*, *nĭxi'gā* 'прямо на, в лицо' (FUF, 101) хотя впоследствии снял эту этимологию (Collinder CG, 394). Г. Месей объяснял *-nak/-nek* как сращение лативного *-né* с эмфатической частицей *-k* (Mészöly HB, 21-22).

¹⁹ К этой же частице, по-видимому, восходит и именной словообразовательный суффикс (ср. ф. *ete-lä* 'переднее место, юг'), иногда рассматриваемый в качестве источника *l*-ового коаффикса (Майтинская Морф., 118, 121).

²⁰ П. Хайду, предполагая уральское происхождение камасинского *l*-ового лативного форманта, связывает его с показателем транслатива *-yla*, *-wla* в некоторых селькупских диалектах (Hajdú FUF XL, 26). "Конгломерат" трех древних лативных суффиксов - **γ*, **lā* и **jā* - усматривает в селькупском показателе Х. Катц (Katz NyK LXXXI, 378). Не имея возможности детально аргументировать свою точку зрения по этому второстепенному для содержания данного раздела вопросу, укажем, что мы рассматриваем формы на *-yla*, *-wla* как деепричастия хорошо

са она в них не представлена (угор. *-l аблативного значения сюда, видимо, не относится, см. ОФУЯ I, 260-261; Hajdú Bev., 122-123), подобно тому, как финно-пермским языкам неизвестны *п*-овые падежные показатели угорско-самодийского типа (если исключить инновационный показатель датива в мордовском).

В связи с этим заманчиво допустить, что еще в период существования уральского праязыка начавшийся в нем процесс формирования вторичных показателей местных падежей шел различными путями в западной (дофинно-пермской) и в восточной (доугорской и досамодийской) частях праязыковых диалектов. В обоих случаях были использованы уже имевшиеся в праязыке (и восходящие к ностратической эпохе) конструктивные элементы, однако в первом случае это была локативная *т*-овая частица в сочетании с первичными падежными показателями, а во втором - генитив на *-п* в сочетании с послелогом. Такое допущение предполагает ареально-генетический характер рассматриваемой угорско-самодийской параллели.

Мы, однако, не склонны отвергать и другие возможные интерпретации. Из многих альтернативных объяснений укажем хотя бы следующие: а) все диалекты уральского праязыка располагали как "*т*-овой", так и "*п*-овой" сериями падежных (или квазипадежных) показателей, которые, возможно, разграничивались функционально (например, использовались для передачи внешнеместных и внутреннеместных значений); впоследствии финно-пермскими языками были утрачены *п*-овые образования, тогда как в угорской и самодийской группах сохранились лишь реликты *т*-овых образований в адвербиализовавшихся формах; б) *п*-овых падежных показателей в прауральских диалектах еще не было, а имелись лишь послеложные конструкции с именем в генитиве; впоследствии в угорском праязыке (до исчезновения в нем уральского генитива) и в самодийском праязыке независимо друг от друга произошла парадигматизация некоторых послеложных конструкций такого рода, приведшая к появлению новых падежных форм.

известных селькупскому языку отыменных глаголов со значением 'сделать кем-л.' и 'стать кем-л.', вторичным образом включенные в парадигму имени (схема деривации: *qim* 'человек' + *qimij* 'сделать человеком', *qimim* 'стать человеком' + *qimijlä/qimijylä* 'сделав человеком', *qimimlä/qimijwlä* 'став человеком'; значения подобных деепричастий фактически идентичны значению существительного в транслативе). Отметим, что А. Кюннап также выделяет в составе ск. *-ylä*, *-wlä* суффикс деепричастия *-lä* (предполагая, однако, сращение с вспомогательным глаголом) и считает, что тем же способом (а не из уральской локативной частицы) возник и формант *-(l)lз* в камасинском (Künnap Syst. I, 117, 146-147).

3.4. Образование каузативных глаголов²¹

3.4.1. Данные венгерского языка

В венгерском языке продуктивным средством образования каузативных и транзитивизированных глаголов являются суффиксы *-tat/-tet*, *-at/-et*; высокая степень грамматической обобщенности образований с этими суффиксами позволяет считать, что они находятся на грани между словообразованием и формообразованием (Майтинская II, 99). При этом производные от основ переходных глаголов систематически имеют каузативные значения, а при присоединении указанных суффиксов к непереходным глаголам возникают как собственно каузативные (*köhögtet* 'вызывать кашель' от *köhög* 'кашлять'), так и транзитивизированные (*ültet* 'сажать' от *ül* 'сидеть') образования; предполагается, что и в последних первично каузативное значение (Abaffy MNy LXXIII, 186-188).

Суффиксы *-at* и *-et* присоединяются только к части (большей) односложных слов на согласный, а также к некоторым многосложным основам с суффиксами *-g*, *-sz* и *-jt* (*várat* 'заставить ждать' от *vár* 'ждать', *értet* 'дать понять' от *ért* 'понимать', *csikorgat* 'скрипеть чем-л.' от *csikorog* 'скрипеть'). Все прочие типы основ, а также ряд односложных основ на согласный, оформляются суффиксами *-tat* и *-tet* (*nevettet* 'смешить' от *nevet* 'смеяться', *nyitatt* 'велеть открывать' от *nyit* 'открывать', *itat* 'поить' от *i-szik* 'пить', *ültet* 'сажать' от *ül* 'сидеть'). См. Szilasi NyK XXIV, 193-202; MNy, 126.

Наряду с суффиксом *-tat/-tet* венгерскому языку известны имеющие то же значение суффиксы со сходной фонетической структурой, содержащие *l* на месте одного или обоих *t*: *-lal/-lel*, *-lat/-let*, *-tal* (примеры сингармонистической пары к нему - **-tel* - нам неизвестны). Эти суффик-

²¹ Отсутствие терминологического единства в литературе по уральским языкам делает необходимым некоторые пояснения. Каузативными мы называем те глаголы, субъект которых (каузатор) не совпадает с реальным производителем действия (агентом). Напротив, переходные глаголы, которые образованы от непереходных основ, но не содержат указания на опосредованность действия (их субъект совмещает функции инициатора и исполнителя действия), мы обозначаем как транзитивизированные. Хотя принимаемая нами терминология достаточно распространена, в литературе можно, наряду с этим, встретить употребление термина "каузативные глаголы" в отношении обеих групп (ЯНС III, passim) и даже в отношении переходных отыменных (фактивных) глаголов (Lehtisalo Abl., passim); в работах некоторых финских и эстонских языковедов "каузативными" считаются как раз только транзитивизированные глаголы, а для глаголов, обозначенных нами как каузативные, используется наименование "куративные" (см. например, Хакулинен I, 249-250).

сы представлены лишь отчасти в словах литературного языка, по большей же части — в устаревших и диалектных формах. Примеры: *hízal* (или *hízal* — ВРСл, 306) 'откармливать' к *hízik* 'жиреть', *érlel* 'давать созреть, выдерживать (вино, табак)' к *érik* 'зреть'; ст.-венг. (DebrK.) *elázlal* 'промочить, nass werden lassen' (= *eláztat*) к *ázik* 'промокать'; уст. *késlel* 'задерживать, замедлять' (= *késleltet*) к *késik* 'опаздывать'; диал. *szoplat* 'кормить грудью' (= *szoptat*) к *szopik* 'сосать'; ст.-венг. *imlet* 'кормить грудью' (= уст. *emtet*) к уст. *emik* 'сосать'; ст.-венг. *mutal* 'показывать' (= *mutat*) при вероятной исходной основе **mu-* (TESz II, 983). Другие случаи см. Budenz Alakt., 88-89; Szilasi NyK XXIV, 181-182. В большинстве случаев суффиксы *-lal/-lel*, *-lat/-let* присоединены к основе *ik*-овых глаголов (впрочем, есть несколько исключений: *fagylal* 'замораживать' от *fagy* 'замерзать', *fájlal* 'жаловаться на боль в чем-л.' при *fáj* 'болеть — о части тела'). Поэтому можно предполагать, что ранее эти суффиксы характеризовались дополнительной дистрибуцией с суффиксом *-tat/-tet*, а затем произошла значительная экспансия последнего (ср. замену ст.-венг. *elázlal* на современную форму *eláztat*).

Заметим, что в нескольких словах встречается и непродуктивный суффикс *-al/-el*: *aszal* 'сушить' к *aszik* 'сохнуть', *növel* 'увеличивать' к *nő* 'расти' (Майтинская II, 102). Этот суффикс соотносится с *-lal/-lel* так же, как *-at/-et* с *-tat/-tet*.

Если рассмотренные выше суффиксы достаточно часто выступают в качестве каузативных (хотя и имеют тенденцию "низводиться" до роли простых транзитивизаторов), то несколько других непродуктивных суффиксов, иногда также именуемых каузативными, или побудительными (*műveltető* — см. например, Bátha, 41-44, 46-47) образуют исключительно транзитивизированные глаголы. Это суффиксы *-t*, *-ít*, *-aszt/-eszt* (*veszt* 'терять' к *vesz*, *vész* 'теряться', *tanít* 'учить' при *tanul* 'учиться', *fogyaszt* 'потреблять' к *fogy* 'уменьшаться'). Л. Дажё и др. обозначают образования этого типа как "лексический каузатив", в противопоставление "морфологическому каузативу" с суффиксами *-at/-et*, *-tat/-tet* (Дажё — Мокань — Храковский, 117-119).

Практически всеми исследователями признается уральское происхождение содержащегося в венгерских каузативных и транзитивизирующих суффиксах элемента *t*, возводящегося к **-tt* (Beke Nyr LIV, 133; Lehtisalo Abl., 322-325; Györke, 14-15; Bátha, 43; Майтинская II, 97; Hajdú Bev., 147-148; ОФУЯ I, 376, III, 402). Впрочем, допустима и возможность того, что этот *t* в каких-то случаях продолжает более редкий, однако известный обско-угорским языкам, уральский суффикс **-pt*²² (ср. аналогичное

предположение для ненецкого языка: Lehtisalo Abl., 325).

В суффиксе *-at/-et* К.Д.-Барта, К.Е. Майтинская и другие авторы усматривают сращение элемента *t* со старым ауслаутным гласным основы. Основной же каузативный суффикс *-tat/-tet* рассматривается как полученный повторением элемента *t*. Й. Буденц предполагал, что первым этапом в его распространении было употребление в нескольких основных глаголах с очень коротким корнем (*ítat*, *vitet*, *etet* к *i-* 'пить', *vi-* 'нести', *e-* 'есть') (Budenz Alakt., 87). Он, однако, допускал финно-угорскую древность данного сложения, сопоставляя в. *-tat/-tet* с суффиксальным оформлением таких слов, как ф. *kirjoittutta* 'заставлять писать' или см. S *viesotatte* 'мочь жить' (Там же, 79, 83-84). М. Силаши указал на неубедительный характер этих сопоставлений (в финском имеет место двойная деривация, а не сложный суффикс; в саамском значение суффикса модальное, а не каузативное), сделав вывод, что рассматриваемый суффикс развился уже на собственно венгерской почве (Szilasi NyK XXIV, 169).

Недостаточно аргументированной представляется предположенная Я. Балажем этимологизация каузативных показателей из суффиксов имен действия (подробнее см. 3.4.5).

Элемент *l* в суффиксах *-al*, *-lal* и под. принято возводить к каузативному **-l-*, для которого предлагается угорская (Szinyei FUS, 112; Майтинская II, 102) или даже уральская (Györke, 38-39; Lehtisalo Abl., 165) этимология. Суффикс *-lal/-lel* трактуется как сложение двух *l*-овых суффиксов (Bátha, 45). Нам представляется целесообразным подчеркнуть существование в венгерском языке четырех абсолютно однотипных по своему построению суффиксов, содержащих различные комбинации элементов *t* и *l* и характеризующихся, в первую очередь, каузативной семантикой, хотя и различающихся по продуктивности: *-tat/-tet*, *-lal/-lel*, *-lat/-let*, *-tal*. Прототипы этих суффиксов должны были иметь вид **-ttatt-*, **-ptatt-*, **-ptzpt-*, **-ttzpt-*, **-lzl-*, **-lzt-*, **-lzt-*, **-ttzl-*, **-ptzl-* (разумеется, не все эти комбинации могли существовать реально).

Ниже мы постараемся показать, что использование для образования каузативных глаголов сложных суффиксов, образованных путем повторения или сложения транзитивизирующих формантов, объединяет венгерский язык с обско-угорскими и с самодийскими (но не с финно-пермскими) языками

гаемые соответствия этого слова содержат урал., ф.-у. *ps, ср. ОФУЯ I, 152 и 408. Однако известен венгерский рефлекс угор. *pt, выводимый из следующей этимологии: угор. *ǵǵpts 'семь, неделя' > х. *lāwat*, *jāwat*, мс. *sāt*, *sāt*, в. *hét* (*hetet*) (ОФУЯ I, 437). Ввиду этого естественно предполагать, что и урал., ф.-у. *pt > в. *t* (это подтверждается и системными соображениями: ср. урал. *kt > в. *t*, см. Collinder CG, 83) и что, таким образом, предложенная нами альтернативная этимология суффиксального элемента *t* мотивирована фонетически.

²² Ввиду отсутствия в венгерском языке слов с урал., ф.-у. сочетанием *pt Б. Коллиндер не сообщает венгерских рефлексов этого сочетания (Collinder CG, 88). ОФУЯ I, 151 под вопросом дает в. *z* на основании в. *iz* 'вкус', что является случайной ошибкой: предпола-

и что указанные прототипы могли возникнуть не на венгерской почве, а значительно раньше. При этом в свете внешних параллелей особую архаичность можно предполагать для сложных суффиксов (суффиксальных комбинаций) *-ttɕpt-, *-ptɕpt- (> в. -tat/-tet), *-lɕpt- (> в. -lat/-let).

3.4.2. Данные обско-угорских языков

В мансийском языке (северный диалект) исключительно продуктивным является образование каузативных глаголов с помощью сложного суффикса -ltapt-: *jüntaltapt(u)*- 'попросить кого-л. шить что-л.' от *jünt(u)*- 'шить что-л.'; *silaltapt(u)*- 'попросить кого-л. потрошить (рыбу)' от *sil(u)*- 'потрошить (рыбу)' и т.д. Имеется и сложный каузативный суффикс -ptuɕpt-: *rūpitaptuɕpt(a)*- 'просить работать' от *rūpit(a)*- 'работать' (Ромбандеева, 159). Судя по последнему примеру, где производящая основа представляет собой сравнительно позднее заимствование (рус. диал. *робить* 'работать'), суф. -ptuɕpt- мог быть еще недавно продуктивным. В мансийском языке широко представлены и компоненты указанных сложных суффиксов - суффиксы -lt- и -pt-. Первый из них образует транзитивизированные глаголы от непереходных основ (*sussəlt(a)*- 'показать' от *suns(u)*- 'смотреть') и каузативные глаголы от переходных основ (*pəntəlt(a)*- 'просить обменять что-л.' от *pənt(u)*- 'обменять что-л.')²³. Суффикс -pt- также выступает как транзитивизирующий (*xūtɕwɕapt(u)*- 'быстро наклонить' от *xūtɕwɕj(a)*- 'быстро наклониться') и, кроме того, образует каузативные глаголы от суффиксированных основ, обычно оканчивающихся (судя по примерам) на -l, -t (*šəpɕitapt(u)*- 'просить кого-л. исправить что-л.' от *šəpɕit(a)*- 'исправлять')²⁴ (Ромбандеева, 154-157; см. также Szabó NyK XXXIV, 62). Суффикс -t- в мансийском языке - рефлекс урал. *-tt- - является, как показал Д. Сабо (Szabó NyK XXXIV, 60-61), транзитивизирующим, а не собственно каузативным.

В хантыйском языке "самым частым каузативным суффиксом является - как и в мансийском - -t-; в отношении его

²³ Судя по переводам, данным в монографии Е.И. Ромбандеевой, каузативные глаголы с суффиксом -lt- отличаются от каузативных глаголов с суффиксом -ltapt- особой моделью управления, уменьшенной на один актант за счет отсутствия дополнения, которое бы обозначало агента. Ср. особенно пары типа *xassəlt(a)*- 'попросить написать что-л.' и *xassəltapt(u)*- 'попросить кого-л. писать что-л.' (Ромбандеева, 156 и 159). Это, видимо, указывает на то, что перед нами особый тип каузативных глаголов, не укладывающийся в известное определение каузативности как залогового преобразования, увеличивающего число актантов (валентностей) на единицу (см. например, Tesnière, 260).

²⁴ Сходное явление частичной фонетической мотивированности выбора укороченных каузативных суффиксов имеет место в селькупском языке (см. 3.4.3).

употребления также следует констатировать тот удивительный²⁵ факт, что едва ли можно найти хотя бы один пример собственно каузативного его использования (т.е. случаев, когда производящее слово является переходным глаголом, а производный глагол обозначает опосредствованное осуществление действия)" (Schütz NyK XL, 22). Широко распространены и два других суффикса отглагольного глаголообразования -pt- (диал. -wt-) и -lt-, которые чаще всего также выступают в роли транзитивизаторов, хотя изредка образуют и каузативные (в используемом нами понимании) глаголы (Там же, 23-24; Ganschow VO, 76-79, 85-87; Терешкин, 77-78). Однако наиболее типичным средством выражения каузативности являются, судя по обширному подобранному Г. Ганшовым материалу, сложные суффиксы типа -tɕt- (-t- + -lt-), -təpt- (-t- + -pt-), -təpt- (-lt- + -pt-) и даже -ttəpt- (вероятно, -t- + -t- + -pt-): Vj. *kāñtɕtɕt(a)*- 'schreiben lassen', ср. *kāñtɕi*- 'schreiben' (KT, 313); J *wārtɕta*- 'machen lassen', ср. *wār*- 'machen' (P., 2981); DN *pottəptə*-, Kaz. *pəttəptə*- 'abkühlen, gefrieren lassen', ср. DN *pot*-, Kaz. *pətt*- 'kalt werden, frieren, gefrieren' (KT, 769, 771); DN *təttəptə*-, Ni. *təttəptə*-, Kaz. *əltəptə*- 'schmelzen, tauen lassen', ср. DN *təttə*-, Ni. *təttə*-, Kaz. *əltə*- 'schmelzen, auftauen (trans.)' и DN *tətt*-, Ni. *təttə*-, Kaz. *əltə*- 'schmelzen, tauen (intr.)' (KT, 1107); DN Kr. *jəməttəptə*- 'heilen (trans.), zuwachsen lassen, gesund machen', ср. *jəm*- 'zuwachsen, vernarben (Wunde)' (KT, 169) и т.д. (примеры цитированы по Ganschow VO, 114 ff.). Ср. также приводимые Н.И. Терешкиным ваховские примеры со сложным суффиксом -təəm(a)-, -təəm(ə)- (=DN -təpt-): *əltəəmə* 'уложить спать' (от *əлта* 'спать'), *ləūtəəmə* 'вынести, вывести' (от *ləūtə* 'выйти'), *qəltəəmə* 'оставить ночевать, заставить ночевать' (от *qəлта* 'ночевать, переночевать'), *kirəəmə* 'обуть, заставить обуть' (от *kirə* 'обуть, надеть'), *məūtəəmə* 'наполнить, заполнить' (от *məūtə* 'наполниться') (Терешкин, 77-78).

3.4.3. Данные самодийских языков

Каузативные глаголы в самодийских языках до сих пор, насколько нам известно, не составляли предмета специального исследования; некоторые общие сведения о них и ряд примеров приводит Н.М. Терешенко в "Синтаксисе самодийских языков" (Терешенко Синт., 30-31).

Как показывают примеры в этой монографии и материал различных словарей, наиболее характерным средством выражения каузативности в ненецком языке являются суффиксы -rabta- и -labta-. Их необычная для глагольных суффиксов длина, а также наличие в ненецком языке глагольных суффиксов типа -r-, -l-, -bt- заставляют думать о неоднородности каузативных показателей. Н.М. Терешенко предлагает следующий анализ морфемного состава: "глагол *xa-*

²⁵ Этот "удивительный", по мнению автора цитаты, факт выглядит вполне естественным в свете рассматриваемых нами внешних параллелей. - Е.Х.

да(св) 'убить' со значением прямой переходности образован от непереходного глагола *хась* 'умереть' и служит основой для производного глагола *хадара(св)* 'оказаться убитым' (*ты хадарэй*) 'оленя оказался убитым'; от последнего в свою очередь произведен глагол *хадарабта(св)* 'допустить, чтобы кто-либо был убит', 'скормить (например, оленя волку)' (Терещенко Синт., 30). Думается, однако, что даже постулируя сложный морфемный состав суффиксов *-rabta-*, *-labta-*, ненецкие каузативные глаголы имеют смысл рассматривать как образованные с помощью данного сложного суффикса непосредственно от основы глагола, являющегося производящим с точки зрения семантики, а не как образованные с помощью суффикса *-bta-* от пассивного трансформации данного глагола. Об этом свидетельствуют каузативные глаголы, соотносящиеся с непереходными (и поэтому не имеющими пассивных трансформов) базами деривации: *γamdārābta-* 'нечаянно допустить, чтобы сел(и); приманить, чтобы сел(и)' от *γamdā-* 'сесть' (НРСл, 378); *jīd'ilābta-* 'напоить водой' (НРСл, 136) от (L) *jīd'injāt* 'я пью воду' (непереходный глагол); *t'axāmlabta-* 'каузировать скрыться'²⁶ от *t'axāmz* 'скрыться, спрятаться за чем-л.' Отметим, далее, небезынтересное соотношение глаголов *sānālabta-* 'побудить, заставить кого-л. прыгнуть, вскочить' и *sānārabta-* 'вынудить кого-л. перепрыгнуть через что-л.', из которых первый, очевидно, образован от непереходного глагола *sāna-* 'прыгнуть, вскочить', а второй - от переходного глагола *sāna-* 'перепрыгнуть, перескочить что-л., через что-л.' (НРСл, 528-529). Тенденция к разграничению *-labta-* и *-rabta-* в зависимости от непереходности/переходности базы деривации прослеживается и в других примерах, хотя и не вполне последовательно (ср. выше *γamdārābta-*). В нескольких случаях глаголы каузативно-безобъектной семантики образованы с помощью простых суффиксов (*-bta-*, *-lta-*): *tārābta-* 'заставить скакать, прыгать' от *tāra-* 'скакать, прыгать'; *mān-zārābta-* 'заставить шевелиться кого-л.; заставить работать на кого-л.' от *mānzāra-* 'шевелиться; работать'; *šārnābta-* 'заставить шипеть, трещать (огонь или что-л., попавшее в огонь); вылить с шумом (жидкость)' от *šārnā-* 'шипеть, трещать (об огне или о чем-л., попавшем в огонь)'; *lītābta-* 'заставить шуметь (о жидкости)' (примеры из НРСл).

Ряд примеров на образование каузативных глаголов в энецком языке (лесной диалект) приводит И.П. Сорокина: *седатарау* 'я сделал что-то одно через кого-то (заставил, попросил кого-то сделать)', *коттарагунаюс* 'если бы я через кого-то стирала что-то многое', *порзатаранийзуч* 'если бы кем-то через кого-то я был сожжен' (Сорокина АКД, 10-11). В этих примерах выделяется сложный показатель каузативности *-tara-*, который И.П. Сорокина разлагает на аффикс транзитивности *-ta-* и собственно каузативный аффикс *-ra-* (тождественный аффиксу пассивного залога).

²⁶ Ту. нгано 'ям яво' синё' тяха' тяхамлабтав 'спровадил я пароходиме за морские туманы' - Н.Выллка. Нгохона [На острове]. Л., 1938, с. 38 и 67.

Исключительно высокой продуктивностью и употребительностью обладают каузативные глаголы в нганасанском языке. Образуются они обычно с помощью суффикса *-riptu-* / *-luptu-* (с вариантами, определяемыми вокализмом корня: *-ripti-*, *-ripti-* и др.): *хотарипту-* 'заставить кого-либо написать' от *хотә-* 'написать', *γамлупту-* 'допустить, чтобы что-либо было съедено, заставить кого-либо съесть что-либо' от *γам-* 'съесть', *хиририпти-* 'заставить кого-либо сварить' от *хири-* 'сварить', *нилпиптирипти-* 'заставить кого-либо ожить; допустить, позволить, чтобы кто-либо ожил' от *нилпипти-* 'ожить' (Терещенко Нган., 227).

На основании ненецкого, энецкого и нганасанского материала можно реконструировать прасеверносамодийский показатель каузативных глаголов **-Rā-ptā-* (> н., нг.) **-ptā-Rā-* (> эн.), где R = r или l. Оба компонента этого показателя способны в отдельности оформлять транзитивизированные глаголы: н. Т *tārpra-* 'вынести, вывести' от *tārprā-* 'выйти, выбраться', *jesumla-* 'воспламенить' от *jesumz* 'воспламениться', нг. *huanḡriptu-* 'напоить' от *huanḡku-* 'быть пьяным'; эти суффиксы восходят к урал. **-r-*, **-l-*, **-pt-* (Lehtisalo Abl., 164-165, 189, 300, 325; Györke, 20, 38-39, 42-43; Collinder CG, 280). Т. Лехтисало и Б. Коллиндер считают суффикс **-pt-* самодийским, однако он, очевидно, сопоставим с мс. *-pt-*, х. *-pt-*, *-wt-* и, возможно, в. *-t-* (см. 3.4.1 и 3.4.2).

В селькупском языке (тазовский диалект) основным средством образования каузативных глаголов являются сложные суффиксы *-raltj-*, *-l'l'altj-*, *-(a)l(l)altj-*, *-taltj-*, имеющие тенденцию к дополнительному распределению в зависимости от фонетической структуры производящей основы (обычно *-raltj-* и *-(a)l(l)altj-* оформляют двусложные основы на гласный, *-taltj-* прочие типы основ, *-l'l'altj-* присоединяется к содержащим интервокальный r основам): *šattjiraltjīqo* 'заставить выстрелить, застрелить; застрелить из самострела' от *šattjīqo* 'выстрелить, застрелить'; *sōtjiraltjīqo* или *sōtal(l)altjīqo* 'натравить, заставить укунуть' от *sōtjīqo* 'укунуть'; *qōšjil(l)altjīqo* 'погнать рысью' от *qōšjīqo* 'рысить'; *šērtaltjīqo* 'заставить одеться' от *šērqo* 'одеться'; *taqittaltjīqo* 'заставить, велеть закрыть' от *taqittjīqo* 'закрыть'; *kūrjil'l'altjīqo* 'сплавить по течению' от *kūrjīqo* 'плыть по течению'. Часто каузативы к семантически простым, но морфологически производным глаголам образуются от исходной для последних (но не употребляемой самостоятельно) основы: *sūrjil'l'altjīqo* 'заставить охотиться (ср. *sūrj-šqo* 'охотиться')', *nīkal(l)altjīqo* 'заставить трястись' (ср. *nīki-mpjīqo* 'трястись'). Каузативные глаголы могут образовываться и с помощью простого (на синхронном уровне) суффикса *-altj-*, но лишь в том случае, если производящая их основа уже снабжена одним из суффиксов, оканчивающихся на r, l, t или сочетание rj, lj, tj: *tōtjiraltjīqo* 'заставить ходить на лыжах' от *tōtjīqo* 'ходить на лыжах', *ūdāaltjīqo* 'допустить, чтобы кто-л. баловался' (ср. *ūdālj-mpjīqo* 'баловаться'), *ūdittaltjīqo* 'заставить учиться' от *ūdittjīqo* 'учиться' - таким образом, даже в этих случаях внешне

представлен один из сложных суффиксов. Формант *-altj-*, входящий в состав каузативных показателей, может заменяться на *-äptj-* — при этом каузативный глагол переходит в аттенуативную (смягчительную) совершаемость (Aktions-art): *qšäjl(l)äptiqo* 'погнать легкой рысью; поскакать (на лошади) легкой рысью', *nikal(l)äptiqo* 'заставить слегка трястись'. См. также ОчСельк., 212-214.

Отметим, что компонентами сложных суффиксов каузативных глаголов являются транзитивизирующие глагольные суффиксы *-rj-*, *-tj-*, *-altj-*, *-äptj-*, ср. *sööririqo* 'вырастить' от *söörigo* 'расти', *ürtiqo* 'потерять' от *ürigo* 'потеряться', *kol'altiqo* 'закружить' и *kol'äptiqo* 'слегка кружиться' от *kol'j-mpiqo* 'кружиться'; *-(al)l(l)altj-*, вероятно, из **(al)ltaltj-* (*-altj-* + *-altj-*) с ассимиляцией; удвоенный *l'* в *-l'l'altj-* мог возникнуть вследствие диссимиляции предшествующему этому суффиксу *r*.

3.4.4. Проблема интерпретации

Таким образом, рассмотренный материал трех угорских и четырех самодийских языков обнаруживает параллелизм в следующих отношениях: а) имеют широкое распространение каузативные глаголы, способные образовываться от практически всех (так обстоит дело в венгерском, нганасанском, селькупском языках) или по крайней мере от значительно числа корневых, а также от многих отыменных глаголов; б) показателем каузативных глаголов является, как правило, сложный суффикс; в) компонентами данного сложного суффикса являются глагольные суффиксы транзитивизирующего значения в самых разнообразных сочетаниях; г) материально эти компоненты являются рефлексам **-tt-*, **-pt-*, **-lt-*, **-l-* (в самодийских языках также **-r-*). Наконец, вслед за Ю. фон Фаркашем (Farkas UAJb XXVIII, 258) можно отметить, что во всех трех угорских языках (а равно, добавим, и в самодийских) рефлекс урал. **-tt-* (в виде *-t-*) оформляют простые переходные, но не каузативные глаголы.

Иную картину дает материал финно-пермских языков.

В прибалтийско-финских языках представлены главным образом суффиксы, чередующие каузативное значение с транзитивизирующим и восходящие к ф.-у. **-tt-*, а также, возможно, **-kt-* и **-pt-* (Хакулинен I, 260-261; Hajdú Bev., 148; ОФУЯ II, 102): ф. *-tta/-ttä-* (*laulattaa* 'заставлять петь' от *laulaa* 'петь'; *kasvattaa* 'выращивать' от *kasvaa* 'расти'); эс. *-ta-*, *-t-* (*söötma* 'кормить' от *sööma* 'есть'); кр. *-tt(ua)*, *-t't'(iä)* (*upottua* 'потопить' от *upota* 'тонуть'); вп. *-ta-* (*tegetada* 'отдать сделать' от *tehta* 'делать') и т.д. Использование других суффиксов, а также редупликация указанного суффикса для этих языков, судя по известным нам описаниям, нехарактерны. В саамском языке (кильдинский диалект) представлены каузативно-транзитивизирующие суффиксы *-t-* (после звонких *-d-*), *-x-*, *-xt-*, *-xaxt-*: *poŋte* 'кормить' от *porre* 'есть', *suŋhe* 'заставлять грести' от *sugge* 'грести', *komaxte* 'уложить' от *komle* 'ложиться', *ragxaxte* 'заставлять реветь'

от *ragge* 'реветь' (ОФУЯ II, 241). Каузативные образования мордовского и марийского языков содержат рефлекс **-kt-* (ОФУЯ I, 364): мд. Э *-vt-* (*mapaavomc* 'заставить тянуть' от *mapaamc* 'тянуть'), М *-ft-* (*савѣтомс* 'заставить взять' от *савомс* 'взять'), мр. *-əkt-* (*сасликташ* 'заставить орать' от *саслаш* 'орать'). В пермских языках представлены два суффикса; один из них выступает в коми языке преимущественно как каузативный (*-ed-*, П *-et-*), а в удмуртском (*-et-*) — как транзитивизирующий; напротив, суффикс *-t-* является транзитивизирующим в коми языке и преимущественно каузативным в удмуртском. Примеры: к. *gižedni* 'заставить писать' от *gižni* 'писать', *voštini* 'потерять' от *vošni* 'потеряться'; у. *dišetini* 'учить' от *dišini* 'учиться', *goštini* 'заставить писать' от *gošini* 'писать'. В удмуртском имеется и суффикс транзитивизированных глаголов *-ekt-*, *-ikt-*: *beriktini*, диал. *berektini* 'перевернуть' при *bergani* 'крутиться, вертеться' (Серебренников Перм., 336-339). Эти суффиксы возводятся в основном к **-tt-* и **-kt-*²⁷.

Таким образом, в финно-пермских языках суффиксы каузативных глаголов образуются преимущественно посредством неразложимых (на синхронном уровне) суффиксов — непосредственных рефлексов ф.-у. **-tt-*, **-kt-*, **-pt-*. Исключением является см. *-xaxt-* (однако его компоненты этимологически не соответствуют компонентам угорских и самодийских показателей каузативности).

Ввиду этого отмеченные выше черты параллелизма в образовании каузативных глаголов в венгерском, обско-угорских и самодийских языках можно признать общей угорско-самодийской инновацией. В ее появлении можно, вероятно, усматривать тенденцию к изоморфности плана выражения плану содержания: для обозначения сложного (опосредствованного) действия начали использоваться сложные суффиксы. Поскольку отдельные компоненты этих сложных суффиксов в основном сохранили свою продуктивность (за исключением венгерского языка) и каузативные глаголы продолжали восприниматься носителями языка как своего рода "двойные переходные" (см. Ромбандеева, 158), оказались возможными различные вариации конкретного состава компонентов каузативных суффиксов. Вероятно, возникновение сложных каузативных суффиксов можно отнести ко времени

²⁷ Несколько проблематично происхождение к. *-ed-*, П *-et-*, у. *-et-*: этот суффикс возводят к ф.-у. **-t-* (Lehtisalo Abl., 298; ОФУЯ I, 375), однако с фонетической точки зрения более оправдана реконструкция его в виде **-nt-* (Серебренников Перм., 338), поскольку, как установил К. Редей, соотношение к. *d* (П *t*) ~ у. *t* является регулярным отражением **nt* в суффиксальных словах (Rédei NyK LXVI, 257). С другой стороны, предполагаемое Б.А. Серебренниковым в связи с этим развитие побудительного значения из значения многократного действия (ф.-у. фреквентативный **-nt-*) маловероятно. Отметим, что сам К. Редей в данном конкретном случае **-nt-* не реконструирует (Rédei ALH XVIII, 248).

не позднее периода вторичных ареальных контактов между праугорским и прасамодийским (а возможно, и к более ранней эпохе: реконструкция соответствующего явления для прауральских диалектов восточной зоны представляется нам допустимой, хотя и не необходимой). Альтернативной интерпретацией данной угорско-самодийской параллели могло бы быть предположение о сравнительно поздних влияниях обско-угорских языков на каждый из самодийских языков в отдельности; это, однако, плохо согласуется с тем, что из трех северосамодийских языков каузативные суффиксы наиболее продуктивны в нганасанском - языке, тесные связи которого с обско-угорскими языками вряд ли были когда-либо возможны.

3.4.5. Пассивные глаголы венгерского языка

С формальной точки зрения с каузативными глаголами в венгерском языке тесно связаны пассивные глаголы. Основу каждого каузативного глагола, образованного с помощью суффиксов *-tat/-tet*, *-at/-et* от основы переходного глагола, в принципе может одновременно служить и основой глагола, спрягающегося по *ik*-овому типу и являющегося по значению пассивом к производящему переходному глаголу; впрочем, в современном языке пассивные глаголы используются крайне редко, преимущественно в канцелярском стиле (см. Майтинская II, 102-103; MNy, 127). Ср. *épít* 'строит': *építtet* 'ведит строить, строит (через нанятых строителей и т.п.)': *építtetik* 'строится'.

Согласно распространенному мнению - вполне естественному и, заметим, вполне обоснованному - суффиксы пассивных глаголов *-tat/-tet*, *-at/-et* идентичны аналогичным суффиксам каузативных глаголов (MNyT, 330; ОФУЯ I, 376), иначе говоря, пассивные глаголы представляют собой *ik*-овую (рефлексивную) форму каузативных глаголов как в синхронном плане, так и по происхождению.

Иную точку зрения касательно генезиса этого разряда глаголов высказал в 1979 г. Я. Балаж (Balázs MNy LXXV). Основным моментом в его концепции является отрыв пассивных глаголов от прочих глаголов, спрягающихся по *ik*-овому типу. Я. Балаж, ссылаясь на аналогию с финским языком, считает, что формант *-at/-et* тождественен суффиксу имен действия *-at/-et* (который лишь впоследствии приобрел современное значение суффикса имен, обозначающих преимущественно результат действия: *ir-at* 'документ', *kez-d-et* 'начало'), тогда как окончание *-ik* восходит к архаичной форме притяжательного окончания 3 Pl. *-uk/-ük*. Поскольку для не-пассивных глаголов на *-ik* подобная интерпретация этого окончания явно невозможна, Я. Балаж, используя предположение Д. Паиша (Pais MNy XXVII, 142), связывает *-ik* № 2 с суффиксом отглагольных имен *-ék* и считает, что "это окончание *-ik*, по всей вероятности, лишь позднее уподобилось формально окончанию *-ik* пассивных конструкций" (Balázs MNy LXXV, 50). Для каузативных глаголов исходным предполагается все то же имя действия на *-at/-et*, употреблявшееся в данном случае не с Rx3Pl., а в конструк-

циях, где наряду с субъектом (каузатором) действия мог фигурировать и его непосредственный исполнитель.

Концепция Я. Балажа оказывается легко уязвимой для критики в целом ряде моментов, с которыми частично, с большим или меньшим успехом, попытался справиться и сам ее автор. Это касается пассивных и каузативных суффиксов типа *-tat/-tet* (которые нельзя прямо вывести из суффикса отглагольного имени), отсутствия фонетического совпадения между *-ik* и современными Rx3Pl., способа "достройки" парадигм пассивных глаголов для всех других лиц и чисел (данная концепция объясняет только генезис Vx3Sg.); наконец, далекой от ясности остается у Я. Балажа причина функционирования одних и тех же отглагольных имен в качестве предшественников как каузативных, так и пассивных производных глаголов.

Однако особенно существенным нам представляется показать неправомочность предположения о том, что категория пассива формировалась в венгерском языке вне прямой связи с категориями рефлексива и каузатива.

Уже самый поверхностный анализ в свете типологии пассивных конструкций свидетельствует о том, что в целом ряде языков страдательность и возвратность выражаются одним и тем же морфологическим средством (ср. хотя бы рус. *называются* и *одеваются*, франц. *s'appeler* и *s'habiller*, нем. *sich nennen* и *sich anziehen*, евр. *nifrad* 'отделился' и *nišma* 'был услышан'). Это делает предполагаемый Я. Балажем вторичный характер совпадения двух *-ik* якобы различного происхождения, обусловленный случайным фонетическим сходством, абсолютно неправдоподобным. Кроме того, материал многих языков (турские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, моха, китайский и др.) позволяет констатировать типичность пассивного значения как дополнительного значения каузативных глаголов, реализующегося в том случае, когда при глаголе отсутствует прямое дополнение, в результате чего действие переходит на субъект (Недялков-Сильницкий, 38-39). По мнению В.П. Недялкова, "логическая возможность совмещения каузативного и пассивного значений объясняется тем, что как при пассивном значении, так и при каузативном, субъект предложения не является непосредственным производителем действия" (Недялков УЗ Башк. ГУ XXI, 304). В алтайских языках, где нет морфологических средств выражения количества и соотношения актантов внутри глагольной словоформы, каузативный и пассивный глаголы идентичны по форме и различаются лишь контекстуально. Ср. тув. *Ol algini mäjä ättätkän* 'Ту шкуру мне дали выделать' и *Mäjä ättätkän algä bo-dur* 'Вот это мной выделанная шкура' (Исхаков-Пальмбах, 276), маньчж. *a'a-tyu* 'заставить сказать' и 'быть сказанным' (Суник, 126)²³. Напротив, в венгерском языке, располагающем системой трех

²³ В маньчжурском языке противопоставление каузатива и пассива формализовано на синтаксическом уровне: "одна и та же глагольная форма имеет значение побудительно-го залога тогда, когда реальный исполнитель действия первичной основы глагола выражается винительным паде-

спряжений, отсутствие прямого дополнения (которое отличает пассивную конструкцию от каузативной) находит неопосредственное отражение внутри глагольной словоформы в виде использования *ik*-ового (рефлексивного, субъектно-безобъектного) спряжения.

Анализ венгерского пассива как категории, сформировавшейся на основе дополнительного значения у каузатива, подтверждается и материалом уральских языков. Изложенная Л. Хакулинем теория происхождения прибалтийско-финского пассива (имперсонала) предполагает, что он сложился на базе каузативных производных на **-t-*, оформленных окончанием **-hen* (известным и как диалектное окончание 3 Sg. возвратных глаголов); см. Хакулинен I, 221-222, 218. Ср. также более очевидный случай образования имперсонала: ф. (Enontekio) *puretteli* '(ego) укусили', где к каузативному производному *purettaa* 'дать укусить' (от *purra* 'укусить') присоединен продуктивный возвратный суффикс *-ele-* (Там же, 221). Пассив, базирующийся на каузативных производных, имеется и в саамском языке (Там же). В селькупском языке нами зарегистрирован немногочисленный и, по-видимому, малопродуктивный разряд глаголов, которые соотносятся с каузативными в точности так же, как рефлексивные глаголы - с обычными переходными и при этом имеют значение, близкое пассивному (точнее это значение можно обозначить как "каузируемость"): ск. (МЭ) *näqqállali-* 'натянуться под посторонним воздействием, стать натянутым' при *näqqállalti-* 'заставить натянуться', *lošqirali-* 'хлюпать под посторонним воздействием' при *lošqiralti-* 'хлюпать чем-либо, заставлять хлюпать' (ср. соотношение *ašali-* 'зажечься' и *ašalti-* 'зажечь').

3.5. Атрибутивная и неатрибутивная формы числительного 'два'

3.5.1. Данные угорских языков

Д. Дечи (Décsy Einf., 169) и Л. Хонти (Honti NyK LXXXI, 232) отмечают такую особенность угорских языков, как наличие у числительного 'два' особой формы, используемой в тех случаях, когда это числительное выступает не в функции количественного определения при имени - неатрибутивной формы²⁹. В обско-угорских языках неатрибутивная форма содержит показатель двойственного числа (в некоторых диалектах фонетически модифицированный): мс. So. *kitjy* (аттр. *kit*, показатель Du. *-jy*), TJ *ki-tü* (аттр. *kit*), KU *kitäy* (аттр. *kit*), P *kitgy* (аттр. *kit*), LU *ki-tē* (аттр. *kit*); х. V Vj. *kätkän* (аттр. *kät*, показатель

Du. *-kän*), DN *kādan* (аттр. *kät*), Trj. *kätḡan* (аттр. *kät*), Ni. O *kätyn* (аттр. Ni. *kät*, O *kät*), Kaz. *kätyn* (аттр. *kät*). Реликт того же показателя Du. содержится и в в. *kettō* 'два' (неаттр.) при *két* 'два' (аттр.), где *-ō* < **-ōk* (ср. также ст.-венг. *monnó* 'оба'). См. MSzFE, 361; Майтинская Морф., 171. Такое противопоставление атрибутивной и неатрибутивной форм присуще только числительному 'два' и включающим его сложным или составным числительным (в. *tizenkettő* и *tizenkét* '12', мс. So. *wat nopal kitjy* и *wat nopal kit* '22', х. V *jōyarki kätken* и *jōyarki kät* '12')³⁰.

3.5.2. Данные самодийских языков

Данная общеугорская особенность находит себе полную аналогию в самодийских языках.

В селькупском языке "дв. число от *šittō* 'два' - *šitt-täŋi* - используется только в самостоятельном положении (т.е. не будучи поставлено в положение определения имени предмета, число которого указывается)" (Прокофьев Сельк., 94). Наши данные вполне согласуются с этим высказыванием Г.Н. Прокофьева, ср. ск. (МЭ) *mat šitti štäp qessap* 'Я двух оленей убил', но *mat šittäqip qessap* 'Я двоих убил'; *šitti qumōqi mōtti šērñōqi* 'Два человека в чум вошли', но *šittäqi mōtti šērñōqi* 'Двое в чум вошли', см. также ОчСельк., 286. По две формы числительного 'два', одна из которых характеризуется показателем Du., зафиксированы М.А. Кастреном в ряде селькупских диалектов: N *šede* и *šedeag*, *šedeag*; K *sitte* и *sitteari*, *sitteara*, *sitteakke*; Tsch. *sēdä*, *sētä* и *sedeāyai* (Castrén-Lehtisalo, 92). Различие в их употреблении хорошо иллюстрирует отрывок из текста: *šede gum āmda, nāgur šemka neya, tiegannag šedeag kuedambage, tiegannak šedeag kontage* 'Zwei Menschen sitzen, drei Brüder stehen, jene zwei sind böse, jene zwei legten sich schlafen' (Castrén Wört., 341).

В других самодийских языках столь четкая формальная дифференциация атрибутивного и самостоятельного употребления числительного 'два' отсутствует. Характерно, однако, что в ненецком языке *šid'a* 'два' может оформляться показателем Du.: *šid'axa*. Употребление последней формы характеризуют следующие примеры: U *lūce mātawa "tēbāmīn Dā" opōi šid'axa* "der Russe sagt "Gib mir ein Renntier, eins oder zwei"" (JSWb, 448); *сидяха' помуа хэсь* 'быть глуповатым, полоумным, помешанным (букв. находиться между двумя)'; *сидяха' помуа хэсь* 'стать глуповатым, полоумным, помешанным (букв. пойти между двумя)'; *вэсэйманоа сер' сидяха' помуа хая* 'к старости он стал глуповатым' (НРСл, 558). Ср., однако, возможность неатрибутивного

³⁰ В сосвинском диалекте мансийского языка различаются также по две формы у числительных 'один' и 'три': *akwa*, *xūrit* (неаттр.) и *aku*, *xūrt* (аттр.), см. Ромбан-деева, 91. Характер противопоставления двух форм здесь, однако, совершенно иной, и обусловлено оно редукцией атрибутивной формы.

жом, и страдательного залога в тех случаях, когда реальный исполнитель выражен дательным падежом" (Санжеев, 42).

²⁹ Термин "неатрибутивная форма", используемый В. Штейнцем (DEWOS, 696), представляется нам более точным, чем обозначение этой формы как "предикативной" (Д. Дечи) или "субстантивной" (MSzFE, 360).

употребления формы *šid'a*: *Сидя хэрнэруаха'*, *няби уади, няби ни уади'* 'Двое шумят, один виден, другой не виден' (Терещенко Синт., 126). Из примеров можно заключить, что *šid'axa* является маркированной формой и может употребляться только неаттрибутивно, тогда как немаркированная форма *šid'a* выступает в обеих функциях.

Н.М. Терещенко упоминает о существовании в нганасанском языке формы двойственного числа от числительного *šimi* 'два', однако не приводит правил или хотя бы примеров употребления этой формы (Терещенко Нган., 152).

Следы неаттрибутивной формы числительного 'два', осложненной показателем Du., имеются, по-видимому, и в камасинском языке. На основании ряда падежных форм местоимения *dašade* 'они (Du.)' А. Күннар реконструирует форму Du. числительного 'два' в виде **šidē|ga*, сопоставляя ее с ск. *šittēy* (= *šittāq*) (Künnap Syst. I, 28). Уже сам факт вхождения этой формы вторым компонентом в состав личного местоимения (Lat. *dašidēgade*, Loc. *dašidēgagan*, Abl. *dašidēga:ge*) говорит в пользу предположения о ее исходном неаттрибутивном употреблении. Кроме того, вероятно идентичность этой реконструированной формы и собирательного числительного 'оба, двое, вдвоем': (C) *šidēgō*, (D) *šidōgō*, *šidēgu*, (Künnap) *šēDō·gu*, *šidō·gū*. Отождествлению препятствует наличие форманта *-gō ~ -go ~ -yo* у других собирательных числительных: (C) *nāgurgō*, *thēdegō*, *sumnaŋo*, *muktugo*, *bie'dgō*, (D) *nāyuryo*, *sumnaŋgo* (Castrén Gr., 202; KWB, 137). Можно, однако, думать, что первоначально этот формант – этимологически показатель Du. – содержался только в слове 'оба, двое', но затем распространился по аналогии на весь ряд собирательных числительных (альтернативная – на наш взгляд, довольно спорная – этимология предложена П. Хайду: *-go*, *-gō* < урал. Lat. **-k*, см. Hajdú MészölyEmlékk. 128). Аналогическому обобщению могло способствовать затемнение значения двойственности у *-gō ~ -go ~ -yo* ввиду исчезновения этого показателя из именной парадигмы: Du. существительных отражается в камасинском материале единственным примером *kaŋāzəgəj* 'два брата' (Künnap Syst. I, 18), где мы имеем, по-видимому, дело с лексикализовавшейся формой прежней парадигмы, сохраненной благодаря семантической специфичности образований с так называемым взаимно-соединительным суффиксом³¹. Впрочем, в новейших камасинских материалах мы находим рассматриваемый формант во фразах *a mi šēDō·gu mā:tu·p'ciBā* 'А мы двое остались', *a mi šidō·gū mā'nan amnō:ka·p'ci·bar* 'А мы двое дома сидели (ведь)' (Künnap KT I, 117, 125), но не обнаруживаем в *a dēze·ŋ bar sumnā·šō:bi·t* 'А они (ведь) пятеро пришли' (Künnap KT II, 133). Эти примеры можно расценивать или как реликт состояния, предшествовавшего обобщению форманта *-gō ~ -go ~ -yo* на все собирательные числительные, или – скорее – как свидетельство распада данного разряда числительных, идущего в направлении, противопо-

ложном пути его формирования (дольше всего формант сохраняется в слове 'двое').

Совокупность рассмотренных фактов самодийских языков дает основание для реконструкции сам. **kitekəj* (неаттр.) в отличие от **kite* (аттр.). Ср. принципиально сходную (с отличиями в деталях фонетики и семантики) реконструкцию Ю. Янхунена: **kitä 'zwei' – *kitäkə(-) id. (koll.)*, 'beide' (Janhunen, 71).

Возможно, сохранению этой оппозиции в селькупском языке в более полном объеме сравнительно с другими самодийскими языками способствовали стабильно поддерживаемые селькупско-хантыйские языковые контакты.

3.5.3. Проблема интерпретации

Рассматриваемая угорско-самодийская параллель сводится к двум основным моментам: а) наличие неаттрибутивной формы у числительного 'два', но не у остальных числительных; б) образование ее посредством оформления атрибутивной формы показателем двойственного числа (выделяемого на синхронном уровне или путем этимологического анализа).

Данные других, уральских и неуральских, языков указывают на весьма специфический характер этого явления.

В финно-пермских языках различие форм у числительного 'два' отсутствует. Исключение составляет марийский язык, где, однако, краткая (аттрибутивная) и полная (неаттрибутивная) формы противопоставлены у всех числительных: мр. *Г ik* и *iktə* 'один', *kok* и *koktə* 'два', *kām* и *kāmt* 'три' и т.д., и суффикс полных форм предположительно возводится к суффиксу порядковых числительных (Галкин I, 100-101, 108-109; ОФУЯ II, 56)³². В саамском языке, где – как и в угорских и самодийских языках – сохранено прауральское категориальное значение Du., сочетание числительного 'два' с показателем Du. не встречается (Ravila FUF XXVII, 4).

Заслуживает упоминания наличие особых неаттрибутивных форм числительных в диалекте западносибирских татар (в Тюменской и Омской областях, т.е. на территории, смежной с обско-угорским и самодийским языковыми ареалами): *икке* 'два', *алтти* 'шесть', *унни* 'десять' при аттр. *ик*, *алти*, *ун* (Ахатов, 77-78). Однако варианты числительных с геминацией согласного представлены, хотя и не столь систематически, во многих тюркских языковых и возводятся к тюркскому праязыку (Щербак Морф., 139-140); в чувашском же языке, как и в диалекте западносибирских татар, "субстантивные" формы систематически противопоставляются атрибу-

³¹ См. о подобных образованиях Tauli Tend., 151-154; Hajdú Нук LXXI.

³² Таким образом, аналогия с марийским языком, которую приводит О. Соважо в опровержение мнения о специфичности угорских неаттрибутивных форм числительного 'два' (Sauvageot EFOu XIII, 129), оказывается неприемлемой. Трудно согласиться и со многими другими положениями, выдвигаемыми в указанной статье в противовес общепринятому тезису о близости венгерского языка обско-угорским.

бутивным за счет геминации (Левитская, 45-47). Б.А. Серебренников предполагает возникновение чувашских неаттрибутивных форм под влиянием марийского языка (Serebrennikov AON XVII, 135-138), однако более вероятным выглядит противоположное направление влияния.

Из других языков интересующего нас ареала оппозиция "предикативных" и атрибутивных форм свойственна кетско-му; в нем числительные от 1 до 5 образуют свои предикативные формы при помощи лично-родовых аффиксов, а числительные начиная с шести присоединяют аффикс *-š*, связанный, по А.П. Дульзону, с глаголом бытия (Дульзон Кет. яз., 124). В юкагирском языке синтаксические формы всех числительных различаются за счет морфологических средств трансформации одной части речи в другую (Крейнович, 182 и сл.) В тунгусо-маньчжурских языках атрибутивная и неаттрибутивная формы, насколько нам известно, не различаются.

Что же касается оформления числительного 'два' показателем *Du.*, то ни в уральских языках (помимо угорских и самодийских), ни в других языках региона такое явление на синхронном уровне не наблюдается, хотя исторически формант *Du.* присутствует, по-видимому, в праформах этого числительного для ряда языковых семей (Эрнйтс СФУ XI, 161-162).

Таким образом, рассмотренный в этом кратком экскурсе языковой материал свидетельствует о весьма специфическом характере угорско-самодийской изоглоссы: в тех сравнительно немногих из генетически или территориально близких языков, где атрибутивная и неаттрибутивная формы противопоставлены, они имеются не только у числительного 'два', и различаются не за счет числовых показателей. В связи с этим можно исключить возможность того, что исследуемое явление возникло в угорских и самодийских языках независимо или отражает общую черту какого-то более широкого языкового ареала.

Отнесение генезиса неаттрибутивной формы числительного 'два' к тому или иному периоду древнейших угорско-самодийских языковых связей отчасти затрудняется тем, что в данном случае мы имеем дело с параллелью прежде всего структурной (материальное сходство в. *kettō* < *kettōk, мс. *kitjy*, х. *kätkan*, сам. *kitekāj объясняется построением всех этих неаттрибутивных форм из этимологически тождественных элементов, восходящих к урал. *käktä 'два' и показателю *Du.* *-*ka/-kä*). Поэтому следует считаться как с возможностью реконструкции праязыкового источника неаттрибутивных форм типа *käktä-kä, так и с возможностью появления этих форм конвергентным путем или вследствие заимствования. В последнем случае следует исключить предположение о появлении неаттрибутивных форм под обско-угорским влиянием уже в отдельных самодийских языках, поскольку имеется км. *šidēga*, которое было бы опрометчиво считать результатом весьма гипотетических обско-угорско-камасинских контактов. Наличие в *kettō* позволяет датировать появление рассматриваемой структурной модели в угорских языках по крайней мере общеугорским периодом. Изложенные выше данные естественнее всего объяснять тем, что

неаттрибутивные формы угорских и самодийских языков восходят к урал. неаттр. *käktä-kä, имевшейся, вероятно, лишь в восточном ареале праязыковых диалектов. Однако нельзя заведомо исключать и альтернативные допущения: а) эти формы параллельно развились в уже обособившихся, но контактировавших друг с другом угорском и самодийском праязыках; б) структурная модель этих форм была заимствована из праугорского или праобско-угорского в прасамодийский; в) эта модель была заимствована из прасамодийского в праугорский.

3.6. Развитие сибилантов

3.6.0. В развитии прауральских сибилантов, которому посвящен этот раздел, параллелизм между венгерским и самодийскими языками оказывается, как видно из дальнейшего, заметно меньшим, чем между самодийскими и обско-угорскими языками (и особенно некоторыми диалектами последних). Тем не менее, анализ этого явления представляется достаточно важным с точки зрения хронологизации (по крайней мере относительной) тех вторичных контактов, с которыми связано формирование некоторых из рассмотренных ранее венгерско-самодийских параллелей. В частности, здесь мы обнаруживаем контраргументы против "соблазна" объяснить такие параллели существованием какой-то специфической венгерско-самодийской общности, не включавшей в себя обско-угорские языки. На самом деле, наблюдаемые сходства следует, на наш взгляд, признать реликтами связей общеугорского (и общесамодийского) периода, оборвавшихся — как позволяет заключить материал данного раздела — не позднее, чем произошел отрыв правенгерского языка от его ближайших обско-угорских языковых родственников.

3.6.1. Данные угорских языков

"Самой характерной чертой консонантизма угорского периода является совпадение финно-угорского *š и *s и, по-видимому, в связи с этим депалатализация прафинно-угорского *š (ср. угор. *s)" (ОФУЯ I, 53; ср. также Decsy Einf., 169; Honti NyK LXXXI, 229-230). Рефлексы основных уральских (финно-угорских) сибилантов в угорских языках можно представить в следующем виде:

Т а б л и ц а 13

	венгерский	мансийский	хантыйский
* <i>s</i> , * <i>š</i> (начало слова и положение после согласного)	∅	<i>t</i>	<i>š</i> (> <i>ʌ, t, ʌ, j, ʃ</i>)
* <i>s</i> , * <i>š</i> (интервокальное положение)	<i>sz</i> , <i>z</i> (?)	<i>t</i>	<i>š</i> (> <i>ʌ, t, ʌ</i>)
* <i>š</i>	<i>sz</i>	<i>s</i>	<i>s</i>

Различные способы историко-фонетической интерпретации данных соответствий и построения цепочек правил перехода подробно рассмотрены Х. Катцем (Katz ALN XXII; Katz СФУ IX) и Л. Хонти (Honti NyK LXXIV). Вслед за этими авторами следует считать общеугорскими переходы (1) $\xi > s$, (2) $s > \theta$, (3) $\xi > s$; общим для мансийского языка и южнохантыйских диалектов является дальнейшее развитие (4) $\theta > t$. Напротив, в венгерском языке в начале слова и после согласного $\theta > (h >)$ θ (рефлексы в интервокальной позиции не вполне ясны), а в большинстве восточно- и северохантыйских диалектов θ латерализовался.

3.6.2. Данные самодийских языков

Отмеченная в вышеприведенной цитате из ОФУЯ черта угорского консонантизма в равной мере является особенностью самодийских языков. Во всех самодийских языках (и в прасамодийском) уральские сибиланты $*s$, $*\xi$, $*\theta$ имеют в точности те же рефлексы, что и в мансийском языке, а именно, сам. $*t$, $*t$, $*s$ соответственно (см. Collinder CG, 55-61, 96-105; Sammallahti FUF XLIII, 42)³³.

Согласно Б. Коллиндеру, камасинский язык различает рефлексы $*t$ и $*s$ в положении (исторического) ауслаута: $*t > \theta$, $*s > -'t \sim -'n$ (Collinder CG, 98). Фактически, однако, полное исчезновение $*t$ представлено лишь в единственном слове 'вода': км. (PM) *bu*, (PT) *бу*, (койб. Паллас) *bü*, (Сп) *бү*, (С) *bü*, (D) *bü*, *bü*, (Künnap) *bü*, *bü* (ср. сам. $*wit$, урал. $*wete$). Аналогичное развитие произошло в этом же слове и в МТК: тайг. (PM) *bu*, кар. (PM, P3) *bu*, мат. (Паллас) *bu*, (Сп) *бү*. Причины утраты ауслаутного согласного в камасинском и МТК неясны, но, как бы то ни было, здесь налицо уникальное, а не регулярное соответствие. В остальных случаях как $*t$, так и $*s$ (а также $*\xi$ и $*\theta$) отражаются в конце камасинских слов в виде чередования $*t \sim n$ (в записях: $-'$, $-d$, $-n$, $-tn$, $-t$, $-tt$, $-dt$ и лишь в наименее точных транскрипциях θ). См. Janhunen s.v. сам. $*wüt$ 'zehn' (< урал. $*wit(t)e$, см. FUV, 67), $*ket^1$ 'binden, nähen' (< урал. $*kütke$, см. Хелимский СФУ XII, 121), $*tüt$ 'Scheisse' (< урал. $*sittä$, см. FUV, 57), $*kät$ 'Fichte' (< урал. $*kouse$, см. FUV, 30), $*kot$ 'Husten' (< урал. $*kuse$, см. FUV, 13), $*ñäc$ 'Gras' (< урал. $*ñäcä$, см. FUV, 40), $*kät$ 'Gesicht', $*mätät$ 'sechs', $*mät$ 'Zelt, Heim', $*pät$ 'tauchen', $*pät$ 'in den Topf legen' и др. Таким образом, вся совокупность примеров не дает оснований предполагать неполное совпадение рефлексов $*t$, $*s$ и $*\xi$ в камасинском и, соответственно, в прасамодийском.

3.6.3. Сопоставление угорских и самодийских данных

Параллелизм в отражении уральских сибилантов в угорских и самодийских языках - в отличие от ряда параллелей морфологического характера, рассмотренных в предшествующих разделах этой главы, - неоднократно обращал на себя внимание исследователей. Эту архаичную общую особенность отметил, в частности, Б. Коллиндер (Collinder Proto-Lapp., 93-94). В свете этого он считает возможной переинтерпретацию урал. $*s$, $*\xi$, $*\theta$, $*\xi$ как урал. $*\theta$, $*s$, $*\xi$ и $*\xi$ соответственно с предположением финно-пермского развития $*\theta > s$, $*s > \xi$ (Там же, 94). Впрочем, в своей "Сравнительной грамматике" он не пользуется такой возможностью. Реконструкция $*\theta$ и $*s$ на месте $*s$ и $*\xi$ не находит убедительной поддержки и со стороны данных ностратики: хотя в "Опыте сравнения ностратических языков" В.М. Иллич-Свитыч постулирует ностр. $*s > урал. \xi$ и ностр. $\xi > урал. s$ (что могло бы служить аргументом в пользу предположения Б. Коллиндера; см. Иллич-Свитыч I, 148), однако более вероятной следует, видимо, признать тавтологическую реконструкцию ностр. $*s$, $*\xi$ на месте соответствующих уральских сибилантов, которой придерживался сам В.М. Иллич-Свитыч в более ранней работе (Иллич-Свитыч Этим. 1965, 323) и которую обосновал с точки зрения анализа дифференциальных признаков А.Б. Долгопольский (Долгопольский Этим. 1972, 163-164).

Не вполне точной представляется интерпретация развития $s > \theta > t$ как конвергентного процесса в обско-угорских и самодийских языках (Серебренников СФУ I): первый этап этого развития ($s > \theta$) имел место уже в угорском праязыке. Предложенного Б.А. Серебренниковым внутрисистемного объяснения данного фонетического перехода мы коснемся ниже. Малую вероятность независимого параллельного развития сибилантов в угорских и самодийских языках признает Х. Катц (Katz СФУ IX, 287-288).

Какие бы то ни было попытки связать развитие сибилантов в угорских и самодийских языках были бы заведомо неприемлемы, если бы было справедливо мнение Ю. Тойвонена о том, что общесамодийский переход $s > t$ произошел не ранее V-VIII вв. н.э. (Toivonen FUF XXI, 102): этот переход является органической составной частью всего развития системы сибилантов. Поэтому целесообразно подробнее остановиться на выдвинутой Ю. Тойвоненом мотивировке. Она основана на предположении о заимствовании н. (L) θ $xüpt$, Nj. $kübtat$, P. $küpt$ 'свинец, олово', ск. (MЭ) $qomtä$ 'деньги', (D) $ča. kōpde$ 'id.', $kōpde$ 'серебряный', км. (D) $kōptūj$ 'медный' из тюркских форм типа др.-тюрк. $kümüš$ 'серебро', в других тюркских форм типа др.-ги' (Там же, а также Joki Lehnw., 209-210). Это заимствование должно было произойти после перехода $*l' > \xi$ в тюркских языках (ср. чув. $kamal$ 'серебро'), относимого к 400-600 гг. н.э.; далее, согласно Ю. Тойвонену, $*\xi > t$ уже на самодийской почве. В связи с этим заметим следующее. Во-первых, столь поздняя датировка заимствования - при том, что оно признается общесамодийским - решительно противоречит принятым в самодистике и подтверждаемым

³³ Ошибочно о якобы имевшем место сохранении качества урал. $*s$ в самодийском Lehtisalo FUF XX, см. опровержение этого вывода - Toivonen FUF XXI.

глотохронологически (см. 1.2.6) представлениям о распаде самодийского праязыка на рубеже н.э. Во-вторых, гипотеза о тюркском источнике встречает трудности историко-фонетического характера (помимо проблемы *š): заднерядность самодийских слов при переднем вокализме тюркских; неясное исчезновение второго гласного, который, судя по чувашскому рефлексу, должен был иметься уже в прототюркском (если даже *küml' < *kümlī, как предполагает Ramstedt SKE, 116). Ввиду этого более вероятно, что вышеприведенные самодийские формы связаны с древним восточно-и центральноазиатским миграционным термином (название металла), к которому восходит и тюрк. *küml' > *kümlš, но не отражают непосредственно это слово. Ср. приводимые Г. Рамстедтом и А.И. Йоки синокор. *kīm* 'металл, золото; деньги', япон. *kin*, *kon* 'золото', айну *kongani*, кит. (Пекин) *tšín*, (Кантон) *kōm*, тай *gām*, *kām*, восходящие, по-видимому, к др.-кит. *kīm 'металл'. Суффиксальное оформление данной основы могло появиться уже на самодийской почве, причем точного соответствия между н. -t', -tat (*-tāt или *-tul) и ск. -tä нет.

Если датировка Ю. Тойвонена, недостаточную обоснованность которой мы попытались показать, прямо противоречит концепции, согласно которой развитие сибилантов является собой одну из древнейших угорско-самодийских параллелей, то выдвинутое Б.А. Серебренниковым объяснение причин такого развития вступает с этой концепцией в косвенное противоречие. Согласно Б.А. Серебренникову, переход *s > t* в обско-угорских и самодийских языках обусловлен внутрисистемными тенденциями, а именно, увеличением удельного веса спирантов типа *š*, *h*, *χ* (Серебренников СФУ I, 283). Однако в самодийских языках вторичные спиранты этого типа возникли в результате переходов *k (+š) > *š*, *š* (не общесамодийский: МТК, а в ряде позиций и нганасанский сохраняют *k*), *k > *χ* (в анлауте только в тундровом диалекте ненецкого языка, в инлауте в ненецком и энецком), *t (+š) > *š* (только в камасинском). Поэтому причинные связи такого рода были бы оправданы лишь в том случае, если бы развитие *s > t* имело место уже в отдельных самодийских языках; на самом же деле, это развитие, как уже отмечалось, должно быть признано общесамодийским.

Сходство результатов развития систем сибилантов позволяет полагать, что и сам ход этого развития в угорских и в самодийских языках был одинаков. Ввиду этого для прасамодийского можно постулировать ту же цепочку переходов - (1) *š > s*, (2) *s > š*, (3) *š > s*, (4) *š > t*. При этом реконструкция *š как промежуточной фазы развития и принятие последовательности (3)-(4) (а не наоборот) опираются исключительно на аналогию с угорским материалом, поскольку процесс развития сибилантов прошел целиком в прасамодийскую эпоху и, видимо, не поддается непосредственному анализу в деталях.

3.6.4. Типологические параллели

Наблюдаемый и в угорских, и в самодийских языках переход *s*, *š* в *t*, несмотря на свою необычность, не является уникальным типологически. Так, регулярный переход *s > t* имел место в истории вьетнамского языка, о чем свидетельствуют как вьетнамские сопоставления, так и филологический анализ передачи вьетнамских слов средствами китайской иероглифики (Соколовская АКД, 7-8).

Еще один случай аналогичного развития представляет собой, по-видимому, не только и не столько типологическую, сколько ареальную параллель. Как установил В.Н. Топоров, звуку *s* (часто также *š*, *š*) в большинстве енисейских языков регулярно соответствует *t* в пумпокольском. Данное соответствие В.Н. Топоров рассматривает как результат палатализации (*t > tš > š*, *š > s*) во всех енисейских языках, кроме пумпокольского, не исключая, впрочем, возможность обратного направления развития - *s* (*š*, *š*) > *t*. (Топоров Этим. 1965). Нами было высказано мнение о целесообразности именно последнего решения, поскольку рассматриваемое соответствие наблюдается и в тех случаях, когда фонетические условия для палатализации отсутствуют и, наоборот, в ряде примеров в палатализующем окружении бывает представлен *t* во всех енисейских языках (Хелимский КД, 116). Это позволило трактовать историко-фонетическое развитие в пумпокольском как аналогичное тому, которое имело место в угорско-самодийском ареале. Данный вывод нашел подтверждение (и углубление) в праенисейской реконструкции, выполненной С.А. Старостиным и изложенной в 1979 г. на заседаниях Ностратического семинара им. В.М. Илич-Свитыча при Институте славяноведения и балканистики. Согласно С.А. Старостину, *s (единственный праенисейский сибилант) отражен в пумпокольском в виде *t* (в соседстве с гласными заднего ряда), а также *c*-, *-š*-, *-š* (в соседстве с гласными переднего ряда), ср. пумп. *tak* 'белка' (енис. **sa'qa*), пумп. *lat* 'cunnus' (енис. *šos), пумп. *cikc* 'год' (енис. **s[š]Ga*), пумп. *eš* 'Бог' (енис. *šes). Можно заметить, что, поскольку переходу **s > c*, *š*, вероятно, предшествовало приобретение согласным *s палатализованного качества в соседстве с гласными переднего ряда, этот переход в значительной мере аналогичен (во всяком случае, на фонетическом уровне) переходу *š > s* в угорском и самодийском, особенно если учесть, что в исконной лексике пумпокольского языка звук *s* внутри корня вообще не представлен и согласные *c*, *š* выступают как наиболее близкие ему звуки. Таким образом, в пумпокольском языке обнаруживаются аналогии всем фонетическим процессам, обозначенным индексами с (2) по (4) в цепочках развития сибилантов угорских и самодийских языков.

3.6.5. Проблема интерпретации

При анализе рассматриваемой параллели следует прежде всего иметь в виду, что указанные в 3.6.1 процессы развития сибилантов не были единовременными и состояли по меньшей мере из двух фаз: (а) *š > s*, *s > š*, *š > s* (обще-

угорское развитие); (б) $\vartheta > t$ (мансийское и южнохантыйское развитие). И если самодийский материал содержит в себе аналогии обеим этим фазам развития, то естественно предположить, что соответствующие параллельные процессы имели место на различных этапах угорско-самодийских языковых взаимосвязей.

По-видимому, можно исключить возможность трактовки рассматриваемой параллели как ареально-генетической. Даже в условиях относительно слабых связей между диалектами уральского праязыка столь радикальные сдвиги в системе консонантизма, как переходы s и ξ в ϑ , а ξ - в s вряд ли были возможны только в одном (восточном) диалектном ареале; кроме того, эти сдвиги, вероятно, практически прервали бы связь между доугорскими и дофинно-пермскими диалектами, которая на самом деле, как известно, сохранялась еще в течение определенного времени в рамках финно-угорского праязыка после отделения досамодийских диалектов. С другой стороны, можно допустить, что уже в прауральскую эпоху фонетическая реализация сибилантов в восточном диалектном ареале отличалась какими-то фонологически иррелевантными особенностями, создавшими предпосылку для последующего развития.

Скорее всего, процессы, обозначенные выше как фаза (а), должны быть отнесены к числу ареальных угорско-самодийских параллелей (что предоставляет, впрочем, "свободу" для датировки их любым временем между IV и началом I тыс. до н.э.). Завершающая фаза развития (б) могла, соответственно, иметь место уже без участия правенгерского, в эпоху ареальных взаимодействий между праобско-угорскими диалектами и самодийским праязыком; не исключено, что полное совпадение конечных результатов развития свидетельствует о каких-то специфических взаимосвязях самодийцев с теми группами обских угров, которые явились предками манси и южных ханты.

Как было отмечено, процессы развития $s > (\vartheta >) t$ и $\xi > s$ имеют параллель в пумпокольском языке. Есть основания предполагать неслучайный характер этой "западносибирской" параллели (хотя конкретная форма ареального взаимодействия в данном случае неясна), т.е. смежность рассматриваемых фонетических процессов в указанных языках во времени и в пространстве. Сопоставление пумпокольского материала с кетским (см. Дульзон УЗ ТГПИ XIX) создает впечатление, что степень лексических и фонетических расхождений между этими двумя языками достаточно велика, превосходя уровень различий между отдельными самодийскими и будучи, возможно, сопоставимой с уровнем различий между угорскими языками (следует учитывать, что некоторая часть "пумпокольских" слов из собранных А.П. Дульзоном архивных словарей XVIII в. на самом деле принадлежит сымскому диалекту кетского языка; см. Вернер АДД, 6) ³⁴.

Таким образом, предположение о вхождении пумпокольского, в отличие от прочих енисейских языков и диалектов, в особый ареал, характеризовавшийся в языковом отношении специфической судьбой сибилантов, согласуется с фактом обособленной позиции этого языка внутри енисейской семьи. Данные топонимики позволяют локализовать пумпоколов в западной части области распространения енисейских языков - в бассейне Чулыма ниже г. Асина и на притоках этой реки, а также в верховьях Кети; "пумпоколы проживали здесь долго, составляя сплошную массу населения в этом районе" (Дульзон Расс. кетов, 75). Указываемые А.П. Дульзоном районы примыкают к тем территориям Западной Сибири, на которых можно предположить расселение угров, а затем обских угров, и самодийцев в интересующие нас эпохи (или даже, возможно, пересекаются с этими территориями).

Поскольку в пумпокольском языке представлены различные звенья цепочки развития сибилантов, естественно предполагать, что уже по крайней мере второй этап этого развития ($s > \vartheta$) имел место после установления ареальных взаимосвязей между праугорским, прасамодийским и прапумпокольским. В связи с этим очень важным для датировки и для других аспектов интерпретации угорско-самодийской параллели оказывается уточнение результатов исследований по истории енисейских языков и народов. Интересна, в частности, гипотеза о проникновении кетов (и, по-видимому, других енисейцев) в таежные районы Западной Сибири из Северного Казахстана по Иртышу (Дульзон Расс. кетов). Подтверждение предположительной датировки этого переселения по археологическим данным (между XIV-XI и VIII-VI вв. до н.э.; см. Членова ПАС 1969, 144-145) позволило бы установить вероятную нижнюю границу рассмотренного фонетического процесса. Во всяком случае, признание неслучайного характера угорско-самодийско-пумпокольской параллели существенно ограничивает упомянутую выше "свободу" датировки фазы (а) в развитии сибилантов и делает весьма вероятным отнесение ее к рубежу II и I тыс. до н.э. или к началу I тыс. до н.э. Вероятно, этот хронологический период и завершил собой многотысячелетнюю эпоху формирования древнейших венгерско-самодийских языковых параллелей.

³⁴ По произведенной нами глоттохронологической оценке (сугубо ориентировочной из-за неполноты имеющегося лексического материала), распад праенисейской языковой общности мог произойти в середине I тыс. до н.э. или даже еще раньше.

ŐSI MAGYAR-SZAMOJÉD NYELVI PÁRHUZAMOK (nyelvészeti és etnogenetikai interpretáció)

Összefoglalás

A magyar és a szamojéd nyelvek messze állnak egymástól nemcsak területileg - a Kárpát-medencét sokezer kilométer választja el Nyugat-Szibériától - hanem osztályozásuk alapján is, minthogy az uráli nyelvcsalád két különböző ágába tartoznak. Ennek ellenére a magyar és szamojéd nyelvi anyag összehasonlító tanulmányozása, amely e könyv alapját adja, lehetővé teszi, hogy feltárjuk az említett nyelveket egyesítő párhuzamok összességét - a specifikus és pontos párhuzamokat, bár esetenként azokat is, amelyek a sokévszázados nyelvi fejlődés lerakódásai mögött rejtőzködnek; a meglepő párhuzamokat, mert ezeknek nincs magyarázata az uráli alapnyelv hagyományos rekonstrukciójában és nem is keletkezhettek a régi (mégkevésebb mai) magyarok és szamojédok közti valamiféle másodlagos kapcsolatok révén.

Hogy feltárjuk ezen párhuzamok keletkezésének történetét, az uráli nyelvcsaládba tartozó egyes csoportok előzményei közti viszonyt kell megvizsgálnunk szétválásuk korai szakaszában. Ílymódon kapnak magyarázatot a magyar és szamojéd nyelvek közös jelenségei, amelyek az ősuráli rekonstrukcióból nem vezethetők le, mint közvetlen tükröződései az ősrégi ugor-szamojéd kapcsolatoknak - annak a periódusnak, amely megelőzte a magyar nyelv obi-ugortól való leválását és az ősmagyarok vándorlásainak kezdetét, valamint ezzel együtt az ősszamojéd nyelvi egység felbomlását és a szamojédok letelepedését a szubarktikus területeken.

Az ősi eredetű magyar-szamojéd párhuzamok konkrét áttekintését a könyvben azok a fejezetek vezetik be, amelyek az uráli nyelvcsalád mindkét ágán belüli nyelviszony általános problémájával foglalkoznak, illetve ezen két ág nyelvei közti viszonyt és az ősrégi ugor-szamojéd nyelvi kapcsolatokat kialakulását vizsgálják.

A finnugor csoportok egymás közötti, valamint az ugor csoport és szamojéd ág közötti mai viszonyt elemezve célszerűnek tűnik, hogy kiegészítsük az uráli nyelvcsalád hagyományos családfáját az alapnyelvi dialektusok kölcsönös kapcsolatait ábrázoló sémával (ezek a dialektusok a mai nyelvcsoporthoz alapját képezik). Ez a séma (25. old.) tükrözi az ősi eredetű izoglossza összességek meglétét, és - ami nagyon jellemző - a nyelvi csoportok földrajzi elhelyezkedését is a történelmi időben. Feltehető, hogy a legnyugatibb ősuráli dialektusok szolgálták a finnsé-

gi-lapp nyelvek alapjául, továbbá nyugatról kelet felé haladva (vagy ha más irányba is, de főleg szélességi irányba) helyezkedtek el egymás után az előmordvin, előcseremis, előpermi, előugor (majd később - előmagyar, elővogul, előosztják), előszamojéd dialektusok. Ez a séma ad magyarázatot arra, hogy pl. a szamojéd nyelvek miért állnak különösen közel az ugor nyelvekhez (bár leválásuk megelőzte a finnugor nyelvek ugor és finn-permi ágra való szétválását), hogy a magyar nyelv miért inkább a vogulhoz áll közelebb, mint az osztjákhhoz (bár e két utóbbi egységes obi-ugor alcsoportot képez) stb. A vázolt séma kereteibe jól beleillik az "uráli nyelvek keleti övezetének" koncepciója (B.A. Szerebrennyikov) és a cseremis-permi hipotézis (Erdélyi István); gyakorlatilag nélkülözhetőknek tűnik a külön volgai (mordvin-cseremis) alapnyelvről szóló tétel. Másrészt el kell ismerni, hogy nincs elegendő meggyőző nyelvészeti érv a szamojéd és finn-volgai nyelvek közeli kapcsolatának feltételezésére (D.V. Buhrih), valamint annak bizonyítására, hogy a protolapp nyelv, mint összekötő láncszem szerepel az ugor és szamojéd nyelvek között (Moór Elemér), s hogy az uráli nyelveket egy északi (lapp, cseremis, ugor, szamojéd) és egy déli csoportra lehet osztani (Gulya János).

A szamojéd nyelvek lexikostatisztikai és más nyelvészeti adatainak vizsgálata alaptalanná teszi azt a törekvést, hogy a szamojéd ősnyelvben egymásba lassan átmenő dialektusokat válasszunk ki, melyek a későbbi nyelvi alcsoportok előzményeit képeznék. Inkább azt kell feltételezni, hogy a szamojéd ősnyelv gyorsan (külső okokból következően) bomlott fel négy megközelítően azonos mértékben eltávolodott alcsoportra (északi szamojéd, szőlőkup, kamasz és mator-tajgi-karagasz), és nem két alcsoportra (északi és déli szamojéd), ahogy azt gyakran feltételezik. Másrészt az északi szamojéd nyelvek viszonya a dialektusok lassú differenciálódásának képét tükrözi, melynek következtében az enyec közbülső helyet foglalt el a nyenyec és nganaszan között, a tundrai területeken pedig a Taz és a Jenyiszej között sokáig fennmaradt a nyenyec nyelv "jurák" (ókeleti) dialektusa, amely magán viseli az enyec nyelvhez való közeledés jegyeit.

Egészében véve a könyvben felhasznált nyelvi anyag teljesen és meggyőzően beleillik az uráli őstörténet újabb koncepciójának (V.N. Csernyecov, Hajdú Péter stb.) keretén belüli nyelvtörténeti és etnogenetikai interpretációkba. Ezek a koncepciók az uráli őshazát az uráli-nyugatszibériai területre helyezik, az ugorok őshazáját az Urál és Ob közötti vidékre, a szamojédok őshazáját pedig az uráli őshaza legkeletibb területeire. (Emellett a szamojédok őshazája tajgai, esetleg sztepp vidéken volt, de nem a tundrán.) Legalább egy az általunk megvizsgált tények közül (a szibilánsok fejlődésében mutatkozó párhuzamok a szamojéd, ugor és a jenyiszeji nyelvcsaládba tartozó pumpokoli nyelvben) elfogadható kiegészítő argumentuma annak a nézetnek, amely szemben áll az ugor és szamojéd őshazák európai elhelyezésével.

A könyv harmadik, legnagyobb fejezetét néhány ősi magyar-szamojéd nyelvi párhuzam elemzésének és interpretációjának szenteltük, ezek a következők:

- Az ige alanyi, tárgyas és visszaható ragozásának paradigmaticus szembeállítás (itt a magyar-szamojéd formánsok közti hasonlóság lehetővé teszi, hogy rekonstruáljuk a különböző ragozástípusokra jellemző eredeti személyragokat); a tranzitív igék ragozási típusa kiválasztásának függése a tárgy határozottságától, a mondat szintaktikai szerkezetétől, a tárgy személyétől.

- A személynévmások akkuzativusának képzése a *ki szuppletív töből a következő szerkezeti modell alapján: Pron. Pers. + *ki + Px (ebből a ma. *engem*, *téged*; szölk. *mašim*, *tašinti* stb.).

- Műveltető igék képzése összetett formánsok segítségével, melyek két tranzitív jelentést hordozó képzőből állnak (ma. -*tat*, -*lal*, -*lat*, -*tal*; nyeny. -*rabta*-, -*lab-ta*- stb.).

- Az *n* koaffixum (amely feltehetőleg az uráli genitivusragból származik) használata a helyhatározó ragokban (ma. -*ni*, -*nott*, -*nól*, -*nek*; szam. **-ntə*, szölk. -*nők*).

- A '2' számnév attributív ill. nem attributív alakjának megkülönböztetése, melyek közül az egyik az uráli *kiktä egyenes folytatása (ma. *két*, szam. *kite), a másik pedig a kettes szám jelével ellátott számnév (ma. *kettő*, szam. *kitekəj).

- Az ősuráli szibilánsok rendszerében történt újítási folyamatok (*š > s*, *s > ʃ*, *ś > s*); ezek befejező fázisa (*ʃ > t* átmenet) a szamojéd nyelveket már csak a vogullal és a déli osztjakkal egyesíti, de nem a magyar nyelvvel.

Íly módon a szamojéd adatokkal való összehasonlítás bizonyítja, hogy a magyar nyelv rendszere jónéhány archaikus vonást hordoz, melyekről eddig azt gondolták, hogy később - már saját magyar nyelvi talajon - keletkeztek. A magyar-szamojéd párhuzamok keletkezését legkésőbb az ugor ősnyelv felbomlását közvetlenül megelőző időszakra (tehát nem későbbre, mint az i.e. I. évezred elejére) kell datálnunk, mivel - amint azt a könyvben megjegyeztük - az ősmagyar-szamojéd egyenes nyelvi érintkezések bizonyítékai egyáltalán nem meggyőzőek.

A könyv szerzője igyekezett pontosabban meghatározni a fent vázolt nyelvi párhuzamok forrásait, s kapcsolatba hozni azokat az uráli nyelvek őstörténetének bizonyos periódusaival és az ugor-szamojéd nyelvi kapcsolatok bizonyos típusaival (megkülönböztetve a közuráli archaizmusokat, az ősuráli nyelvjárási izoglosszákat, a másodlagos kapcsolatok révén keletkezett összetartozó jelenségeket, a különféle irányú jövevényeket).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диагностические списки слов шести самодийских языков для лексикостатистического анализа

В прилагаемой таблице лексика взята, как правило, из следующих источников:

ненецкий Т - РНСЛ
энецкий Т - МЭ
нганасанский - РСимч.
селькупский - МЭ (тазовский диалект)
камасинский - С
МТК - Сп (маторский диалект)

Другие источники использованы только при отсутствии требуемых значений в указанных основных источниках и помечены при соответствующих словах.

В последних шести колонках таблицы слова различных языков с этимологически тождественными корнями заменены одинаковыми буквами. Лексикостатистический анализ см. в 1.2.6.

С п и с о к з н а ч е н и й:

1 белый, 2 большой, 3 вода, 4 видеть, 5 волосы, 6 вошь, 7 все, 8 глаз, 9 голова, 10 гора, 11 гореть, 12 давать, 13 два, 14 дерево, 15 длинный, 16 дождь, 17 дорога, 18 дым, 19 есть, 20 желтый, 21 женщина, 22 живот, 23 жир, 24 звезда, 25 зеленый, 26 земля, 27 знать, 28 зола, 29 зуб, 30 имя, 31 камень, 32 кора, 33 корень, 34 кость, 35 красный, 36 кровь, 37 кто, 38 кусать, 39 лежать, 40 летать, 41 лист, 42 маленький, 43 много, 44 мужчина, 45 мы, 46 мясо, 47 не, 48 новый, 49 нога, 50 нос, 51 ночь, 52 об-лако, 53 огонь, 54 один, 55 перо, 56 песок, 57 печень, 58 пить, 59 прийти, 60 птица, 61 рот, 62 рука, 63 рыба, 64 сердце, 65 сидеть, 66 слышать, 67 собака, 68 солнце, 69 спать, 70 стоять, 71 сухой, 72 теплый, 73 ты, 74 уби-вать, 75 умирать, 76 ухо, 77 хвост, 78 холодный, 79 хо-роший, 80 человек, 81 черный, 82 что, 83 шея, 84 шкура, 85 я, 86 язык, 87 яйцо.

№	Ненецкий Т	Энецкий Т	Нганасанский	Селькупский
1	сэр'	siroi	сыра́йкуо	seri
2	нгарка	aga	аника́	werqi
3	и'	bi'	бы	üt
4	мание	söd'e	нгодо́ся	qontirgo
5	нгэбт	ito	нгамта	öpti
6	панзе'э	adu	нгомту	untj
7	тюку' ¹	t'uku'	бонса	muntik
8	сэв	sei	сэйме	saji
9	нгэва	aburi	нгойбу'	oli
10	хой	kuö	(C) koaja ²	qe
11	парана	leided'e	лонгуди	čöpiqo
12	мипа	mit'e	миси	miqo
13	сидя	šide	ситты	šitti
14	пя	pe	мунку'	pö
15	ямб	d'abu	найбага́	čumpi
16	сарё	sare	сора́	sorimtä
17	сехеры ³	sexa ³	саде́	wetti
18	якэ	šudo	кинто	purqi
19	нгаворць	öd'e	нгомсу	amirgo
20	тасей	takudade	тодяку́	patil'
21	не	ne	ны	ima
22	нянко	munoöi	мина́да	perqi
23	юр'	d'u'	дир	ür
24	нумгы	poöeseo	фотадие	qisqä
25	нгамдэ'лаха ⁶	poöeraxa		patil'
26	я	d'a	моу	tetti
27	тенева	tenese	чены́фся	tenimiqo
28	тунэбия	tüšio	дбо	šimi
29	тибя	t'i	чими	timi
30	нюм'	ni'	ним	nim
31	пэ	pu	фа́ла	pü
32	сябт	sesa	ка́су	qösi
33	вано	badu	то́хи	konti
34	лы	l'idi	лата́	le
35	няръяна	nagoöade	дяба́куо	härqi
36	хэм'	ki'	кам	kem
37	хибя	šio	сылы́	kuti
38	сяторпа	sekut'e	сакю́таса	sattirgo
39	юседа	baöotie	нгу́ндейсы	ippiqo
40	тирць	t'id'e	та́ирси	tirgo
41	вэба	odi'	хора́дйя	čöpi
42	нюдяко ⁸	ül'aigu	(C) siel'aku	kipa
43	нгока	oka	нгу́кога́	koöci
44	хасава	kāsa	кодю́му	ira ⁹
45	мани'	mod'ina'	(C) meñ	mē
46	нгамза	ud'a	нгомсу	weöi
47	нись ¹⁰	ñise	нинту́	ašša
48	едэй	nabe	миньд́ядя	šenti
49	нгэ	ña	нгу́ой	topi
50	пыя	puja	нгын́гка	intäl'
51	пи	pi	хиньд́ядя	pi
52	тир	t'iori	(C) t'irü	tinoli

	Камасинский	Маторский	Н.	Эн.	Нг.	Ск.	Км.	Мат.
	siri	кыр	A	A	A	A	A	A
	urgo	орга	A	A	B	A	A	A
	bü	бү:	A	A	A	A	A	A
	mandöl'am	кондоргом	A	B	Г	B	A	B
	äbde	ипти	A	A	A	A	A	A
	ünü	инджи	B	A	A	A	A	A
	bar	тупуй	A	A	B	B	Г	Д
	sima	симе	A	A	A	A	A	A
	ulu	намбам	A	A	A	B	B	B
	mija	бия	A	A	A	A	B	B
	neñil'am	коромнам	B	A	A	B	Г	Д
	mil'am	миям	A	A	A	A	A	A
	šide	кыды	A	A	A	A	A	A
	pha	ха	A	A	B	A	A	A
	numu	нанбу	A	A	B	A	A	A
	surnu	шюрюл	A	A	A	A	A	A
	äd'e	иде	A	A	B	B	B	B
	ber	кюнду	B	A	A	B	Г	A
	amorl'am	оршотам	A	A	A	A	A	B
	(D) segi	сарых	A	B	A	B	Г	Д
	ne	мизем ⁴	A	A	A	B	A	B
	nāna	андъет	A	B	B	B	A	Г ⁵
	sil	тун	A	A	A	A	B	B
	khinzigäi	кинджикей	B	A	A	B	B	B
	segi	кок	B	A	A	A	B	Г
	t'u	тчя	A	A	B	B	A	A
	thümnäm	тенымгам	A	A	A	A	B ⁷	A
	šünö	та́	A	A	B	A	B ⁷	Г
	thimä	тыме	A	A	A	A	A	A
	nim	нуммеде	A	A	A	A	A	A
	phi	дагя́	A	A	A	A	A	B
	kaza	тебэна	B	A	A	A	A	B
	muna	тчелегаде	A	A	B	A	A	B
	le	ле	A	A	A	A	A	A
	khümü	нармынды	A	A	B	A	B	A
	khem	кем	A	A	A	A	A	A
	šimdi	кым	A	A	B	B	A	A
	thalbel'im	балиям	A	A	A	A	B	B
	i'büm	кыштам	B	B	Г	A	A	E
	nergül'am	диям	A	A	A	A	B	A
	t'awa	намбэда	A	B	B	A	A	Г
	üd'ügä	уджюмбуй	A	B	B	Г	A	A
	igö	уйко	A	A	A	B	A	A
	(D) büže	тчягадым ⁹	A	A	A	B	B	Г
	mi'	мэндэ	B	B	A	A	A	A
	uja	апса	A	A	A	B	B	A
	em	игам-	A	A	A	B	A	A
	the'bde	нара	A	B	B	Г	Д	E
	üjü	(PM) áschta	A	A	A	B	B	A
	phijä	эем	A	A	B ¹¹	B ¹¹	A	A
	phi	инде	A	A	A	A	A	A
	(D) čl	кар. (PM) di	A	A	A	A	A	A

№	Ненецкий Т	Энецкий Т	Нганасанский	Селькупский
53	ту	tu	туй	tū
54	нгоб'	nu'	нгуо́й	ukkir
55	то	tabu' ¹³	(PM) túe	tū
56	таб	d'āra	дбо́	kōra
57	мыд	muḁo	мита́	mīti
58	нгэрпа	biḁid'e	быты́ди	ūtīrḁo
59	турць	tōse	ту́нантуса	tūqo
60	тиртя сармик	sāma	дымадыты́рийе	sūrim
61	ня'	e'	нганг	ōṇ
62	нгуда	uḁa	дютю́	uti
63	халя	kare	ко́лы	qēli
64	сей	seo	со'	sīci
65	нгамдэ	adue	нго́мтүся	ōmtīqo
66	инзелесь ¹⁵	udie	діндиси	ūntīqo
67	вз'	bu'	банг	ḁanaṇ
68	хаер'	kaja	ко́у	čēli
69	хонё	kōdue	(C) kunduatū...	qontīqo
70	нусь	nōse	нансы́ди	nīṇkīqo
71	хасуй	kasuo	(C) košūa	tēkipil'
72	иба	d'uba	хе́кутаку	pōtpil'
73	пыдар	tod'i	(C) tannaṇ	tan
74	хадаба	kaḁae	ко́тадя	qetqo
75	хангга	kāe	кю́дя	quqo
76	ха	kō	ко́у	ūṇkīlsa ¹⁷
77	тэва	bātu'o	тойбу́э	tal'ci
78	тецьда	tet'iḁe	(C) t'asagā	časiqil'
79	сава	sueḁa	ня́га	soma
80	ненэць'	enet'e'	нганáса	qum
81	париденя	logedede	хенко́	sāqj
82	нгамгэ	mī'	ма'	qaj
83	ик	bekoḁi	бакада́	sōl'
84	хоба	kōba	куху́	qorj
85	мань	mod'i	ма́на	ṁan
86	нямю	si'oro	сйе́дя	šē
87	сар'ню	mona	ма́ну	ēṇ

Примечания к таблице:

- Другие возможные переводы: *сяман, мал'*.
- 'Горный хребет'.
- Основным современным значением н. *неу'* и эн. *иḁi* (этимологические соответствия ск. *wetti*, км. *ād'e*, мат. *иде*) является 'след', а не 'дорога'.
- 'Жена'.
- Этимологическая связь со словами группы А не исключена, но проблематична.
- Другие возможные переводы: *илебэй, тэ'эмыяна*.
- Этимологическая связь со словами группы А не исключена, но проблематична.
- Другой возможный перевод: *нэ'лёко*.
- 'Муж'.

Камасинский	Маторский	Н.	Эн.	нг.	ск.	км.	мат.
šü	туэк	А	А	А	А	А	А
o'b	ом	А	А	А	А ¹²	А	А
(D) ter	ту	А	Б	А	А	В	А
phürä	хура	В	А	А	Г	Б	Б
mit	ондар	А	А	А	А	А	Б
bitl'äm	урням	А	Б	Б	Б	Б	А
šolam	кар. (РЗ) doi ¹⁴	А	А	А	А	А	А
kuš	тчинджяха	А	А	Б	А	В	Г
aṇ	агма	А	А	А	А	А	А
uḁa	удам	А	А	А	А	А	А
kola	келе	А	А	А	А	А	А
sī	кеем	А	А	А	А	А	А
amnam	магандам	А	А	А	А	А	Б
nūnūl'äm	нюндам	А	А	А	А	А	А
men	бўнь	А	А	А	А	А	А
kuja	кае	А	А	А	Б	А	А
kunoll'am	хондаштам	А	А	А	А	А	А
nugam	немындам	А	А	А	А	А	А
kumaṇ	калех	А	А	А	Б	В	Г
ejū	чёбука	А	А	Б	В	Г	А
than	тән	Б	А	А	А	А	А
kutl'im	кадьям	А	А	А	А	А	А
khülām	(PM) kchaima ¹⁶	А	А	А	А	А	А
ku	кума	А	А	А	Б	А	А
thīma	дайба	А	Б	А	А	А	А
šišṭi	(PM) tüuchtä	А	А	А	А ¹⁸	А	А
t'axše	кар. (PM) inī	А	А	Б	А	В	Г
kuza	казы	А	А	А	В	Б	Б
sāgar	кюнда	А	Б	В	Г	Д	Е
ūmbi		Б	А	А	В	Г	
(D) soi	бюйхуде	А	А	А	Б	Б	А
kuba	кō	А	А	А	А	А	А
ṁan	ман	А	А	А	А	А	А
šikā	каште	Б	А	А	А	А	А
münü'	шлэй	Б	А	А	В	А	Г

- Для всех языков указаны формы приглагольного отрицания.
- Возможно, ск. и нг. слова не связаны этимологически.
- Если *ukkir* из *up-kir.
- Основное значение - 'шерсть'.
- В *dē[l]ymdoi* 'приди', ср. *delan* 'сюда'.
- Другой возможный перевод: *намдогър*.
- 'Мертвый'.
- Другой возможный перевод: *qō* (употребляется реже).
- Этимологическое отождествление ск. слова со словами других языков встречает трудности фонетического характера.

ТРАНСКРИПЦИОННАЯ ПЕРЕДАЧА ЦИТИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА

При цитировании материала по венгерскому и другим финно-угорским языкам мы сохраняем официальную орфографию или обозначения использованных нами (и чаще всего указанных в соответствующем месте) источников.

Этот принцип распространяется и на большинство источников самодийского языкового материала. Исключение составляют данные из нескольких привлекаемых особенно часто источников, оригинальная запись которых упрощается в направлении большей (хотя и не полной) фонологичности или модифицируется в направлении сближения с финно-угорской транскрипцией - ФУТ (см. Лыткин ФУТ; FUTyks).

1. При цитировании записей М.А. Кастрена (С) используются: знак палатализации ' вместо перечеркивания буквы; знак долготы ~ вместо циркумфлекса ^; символ ϵ вместо ϑ ; символ ξ вместо ζ ; символ η в начале слова вместо $\tilde{\eta}$. Прочие особенности обозначений М.А. Кастрена сохраняются.

2. Лексика ненецкого литературного языка (н. Т) приводится по словарю Н.М. Терещенко (НРСл) без ссылки на источник в транскрипции, в целом соответствующей предложению П. Хайду (Hajdu FUYtyks), но: с сохранением диакритики оригинала (знаки ˘, ˙, ˚ над гласными); с сохранением нефонологического различия *s* и *z*, *k* и *g*; с использованием символа ˙ вместо рекомендуемого П. Хайду ˚. При непосредственном цитировании других изданных в СССР работ по ненецкому языку сохраняется кириллическая графика первоисточника.

3. При цитировании ненецких данных Т. Лехтисало (L) мы опираемся на рекомендации П. Хайду по упрощению ненецкой транскрипции (Hajdú FUTyks). В некоторых случаях, однако, для уменьшения разрыва между транскрипционной передачей и реальным звучанием мы применяем обозначения не фонемного уровня (первый столбец таблицы в Hajdú FUTyks), а аллофонического уровня (там же, второй столбец) – а именно, различаем *b* и *d*, *δ'* и *d'*, *k* и *g*, *c* и *ʃ*, *č* и *ʒ*, *v* и *z*, *ś* и *ẓ*, *e* и *e*, *ĩ* и *ĩ*, *ũ* и *ũ*; кроме того, сохраняются обозначения долготы у *ō*, *ē* и *ē* (а не только у *ā*, *ī*, *ū*, как рекомендует П. Хайду) и обозначения полной геминации (CC) в отличие от обозначений частичной геминации (*č*, *cc* упрощаются до *C*); не опускаются надстрочные символы вокалических и консонантных звуков (о которых П. Хайду специально не упоминает); гортанный смычный обозначается

ся ' , а не ? . Как легко видеть, используемую нами запись при желании нетрудно вполне механически преобразовать в фонематическую транскрипцию П. Хайду.

4. Предложения И. Эрдеи по упрощению камасинской транскрипции М.А. Кастрена и К. Доннера (Erdélyi FUTyks) представляются нам неприемлемыми, т.к. использование их повлекло бы за собой, с одной стороны, неразличение некоторых фонем (например, долгих $\hat{a}$, $\hat{o}$, $\hat{e}$, $\hat{i}$, $\hat{u}$ и кратких a , o , e , i , u у Кастрена), а с другой стороны, "фонологизацию" части аллофонических чередований (например, $b \sim \beta$, $i \sim \acute{e}$, $\acute{i} \sim \acute{e}$, $\acute{o} \sim \acute{e}$ у Доннера). Недопустимо и автоматическое снятие палатализации у согласных: ср. (D) $p^c \acute{a}$ 'дереву' и $\acute{p}a$ ($\sim p^c ia$) 'сипнус', которые - если руководствоваться указанными предложениями - окажутся записанными одинаково как pa . В целом необходимо заметить, что сведение камасинской транскрипции К. Доннера к фонологической (или близкой к таковой) записи неосуществимо с тем полным или почти полным автоматизмом, какой допускает ненецкая транскрипция Т. Лехтисало. Думается, что было бы целесообразным создание сводного словаря камасинских глубинно-фонологических форм (наподобие тех, которые введены П. Саммаллахти для лесного диалекта ненецкого языка, см. Sammallahhti MFN), основанного на всем корпусе камасинских (в том числе койбальских) материалов от XVIII в. до современности и, разумеется, отчасти использующего внутреннюю фонологическую реконструкцию. За отсутствием такой работы мы пользуемся при цитировании записей К. Доннера системой весьма нерадикальных упрощений, отраженной в следующей ниже таблице (где перед знаком равенства стоит используемый нами символ, а после - соответствующие ему символы оригинальной записи):

[illegible]

Сохраняются надстрочные обозначения призвуков, а также знаки долготы и полудолготы гласных (̄, ̂); напротив, у согласных знак полудолготы ̆ снимается.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аристэ ВЭИЭН - *Аристэ П.А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. - В кн.: ВЭИЭН.
- Аристэ Примеч. - *Аристэ П.А.* Примечания. - В кн.: *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. ч. I. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Ахатов - *Ахатов Г.Х.* Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.
- Бадер ПАДИУ - *Бадер О.Н.* О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой. - В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Балашша - *Балашша Й.* Венгерский язык. М., 1951.
- Баскаков - *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
- Беккер - *Беккер Э.Г.* Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978.
- Беккер СПСЯ - *Беккер Э.Г.* К употреблению падежей в селькупском языке. - В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Беневоленская ВФУ II - *Беневоленская Ю.Д.* Сравнительная характеристика саамов по особенностям затылочного отдела черепа (к проблеме происхождения). - ВФУ II.
- Берецки АЛН XXIV - *Берецки Г.* Существовала ли праволжская общность финно-угров? - АЛН XXIV, 1974.
- Берецки CIFU - *Берецки Г.* Взаимоотношения марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков. - CIFU.
- Блумфилд - *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бубрих ИАН - *Бубрих Д.В.* К вопросу об отношениях между самодийскими и финноугорскими языками. - Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка, VII, 1948, № 6.
- Бубрих Эрз. - *Бубрих Д.В.* Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.
- Васильев Проблемы - *Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.
- Васильев ЭИНС - *Васильев В.И.* Проблема формирования енисейских ненцев. - В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
- Вдовин - *Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. М.-Л., 1954.
- Вербов - *Вербов Г.Д.* Диалект лесных ненцев. - В кн.: Самодийский сборник. Новосибирск, 1973.
- Вереш АКД - *Вереш П.* Этногенез и этническая история венгерского народа до 896 года. АКД. М., 1979.

- Вернер АДД - *Вернер Г.К.* Кетская акцентология. АДД. Л., 1974.
- ВРСл - Венгерско-русский словарь. Под ред. Л. Гальди. М.-Будапешт, 1974.
- ВФУ I-II - Вопросы финно-угроведения (тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). I. Языкознание. II. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. Сыктывкар, 1979.
- ВЭИЭН - Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
- ВЯ - Вопросы языкознания, Москва.
- Галкин I-II - *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I, II. Йошкар-Ола, 1964, 1966.
- Гранде Введ. - *Гранде Б.М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
- Гринберг НВЛ V - *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970.
- Грузов - *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Грузов Происх. мар. - *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в связи с проблемой происхождения марийцев. - Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским НИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1967.
- Долгопольский Этим. 1972 - *Долгопольский А.Б.* О ностратической системе аффрикат и сибилантов: корни с фонемой *ʃ. - В кн.: Этимология 1972. М., 1974.
- ДТС - Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дульзон Кет. яз. - *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, 1968.
- Дульзон Расс. кетов - *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов по данным топонимики. - В кн.: Географические названия (Вопросы географии, № 58). М., 1962.
- Дульзон УЗ ТГПИ XIX - *Дульзон А.П.* Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. - Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та, 1961, XIX, вып. 2.
- Дэжэ-Мокань-Храковский - *Дэжэ Л., Мокань А.А., Храковский В.С.* Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке. - В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Жилина ИФС III - *Жилина Т.И.* О говоре села Слудка. - Историко-филологический сборник, III. Сыктывкар, 1956.
- Звегинцев ОИЯ - *Звегинцев В.А.* Предисловие. - В кн.: Общее и индоевропейское языкознание. Обзор литературы. М., 1956.
- Иванов Праязыки - *Иванов Вяч.Вс.* Праязыки как объекты описания в издании "Языки мира". - В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Иванов Системы - *Иванов Вяч.Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
- Иванов Хетт. - *Иванов Вяч.Вс.* Хеттский язык. М., 1963.

Иванов SURI - Иванов Вяч. Вс. Связи фольклора и языков обско-угорских народов с кетским фольклором и языком. - В кн.: Soome-ugri rahvad ja Idamaad. Orientalistikabineti teaduslik konverents 12-14. XI. 1975. Ettekanpete teesid. Tartu, 1975.

Иллич-Свитыч I-II - Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков, т. I. Введение. Сравнительный словарь (b - ʔ). М., 1971; т. II. Сравнительный словарь (1 - ʃ). Указатели. М., 1976.

Иллич-Свитыч Этим. 1965 - Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. - В кн.: Этимология 1965. М., 1967.

Ист. Сиб. I - История Сибири, т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968.

Исхаков-Пальмбах - Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

ИФУЯЛ - Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР (тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов). Ужгород, 1977.

Катанов - Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Керт - Керт Г.М. Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971.

Кирюшин ПАС 1973 - Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье. - ПАС 1973.

Кормушин Кауз. - Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках. - В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Косарев ПАС 1969 - Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам. - ПАС 1969.

Косарев СА 1972 - Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. - Советская археология, 1972, № 2.

Косвен СЭС III - Косвен М.О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. * В кн.: Сибирский этнографический сборник, вып. III. М., 1961.

Крейнович - Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958.

КЭСК - Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Кюннап АДЦ - Кюннап А.Ю. Склонение и спряжение в самодийских языках. (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). АДЦ. Тарту, 1974.

Кюннап Дисс - Кюннап А.Ю. Склонение и спряжение в самодийских языках. (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Дисс. на соискание ученой степени доктора филол. наук (рукопись). Тарту, 1974.

Кюннап СФУ I - Кюннап А. О непоследовательностях в произношении современного камасинского языка. - СФУ I, 1965.

Кюннап ЯТ II - Кюннап А. К истории личных глагольных суффиксов в северносамодийских языках. - ЯТ II, 1976.

Ласло ПАДИУ - Ласло Д. К вопросу о формировании финно-угров. - В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Левитская - Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

Лыткин Вок. - Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Лыткин ФУТ - Лыткин В.И. О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков. М.-Л., 1960.

Майтинская I-III - Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. I. Введение, фонетика, морфология. М., 1955; ч. II. Грамматическое словообразование, 1959; ч. III. Синтаксис, 1960.

Майтинская ВФУЯ - Майтинская К.Е. Функция местоименного суффикса -и в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962.

Майтинская Мест. - Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Майтинская Морф. - Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.

Мартьянов ЯТ III - Мартьянов А.И. О роли тагарской культуры в истории народов Сибири. - ЯТ III, 1976.

Матющенко ПАС 1973 - Матющенко В.И. Итоги и задачи исследования бронзового века Западной Сибири. - ПАС 1973.

Мейе Введ. - Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.

Мейнандер ЭФУН - Мейнандер К.Ф. Проблема происхождения финно-угров по данным археологии. - В кн.: Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

Могильников ПАС 1969 - Могильников В.А. К вопросу о самодской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья. - ПАС 1969.

Могильников ПХКП - Могильников В.А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. - В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.

Моора ВЭИЭН - Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. - В кн.: ВЭИЭН.

Морев FU III - Морев Ю.А. Увулярные согласные в селькупском языке. - FU III, 1976.

МЭ (при данных по тазовскому диалекту селькупского языка и тундровому диалекту энецкого языка) - Материалы лингвистических экспедиций Отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, 1969-1979 (рукописные).

Недялков УЗ БашГУ XXI - Недялков В.П. О связи каузативности и пассивности. - Учен. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. XXI, 1964.

Недялков-Сильницкий - Недялков В.П. Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов. - В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.

Нен. яз. - Куприянова Э.Н., Хомич Л.В., Шербакова А.М. Ненецкий язык. Учебное пособие для педагогических училищ. Л., 1957.

НРСл - Ненецко-русский словарь. Составила Н.М. Терещенко. М., 1965.

ОФУЯ I-III - Основы финно-угорского языкознания. Ч. I. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974; Ч. II. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975; Ч. III. Марийский, пермские и угорские языки, М., 1976.

ОчСельк. - Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, т. 1. М., 1980.

Паллас (при данных по камасинскому и МТК языкам) = Ср. Сл. Pallas Reise, Pallas Zoogr.

Паллас Путеш. - Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. III. СПб., 1788.

ПАС 1969, 1973, 1976 - Происхождение аборигенов Сибири и их языков (Материалы Всесоюзных конференций). Томск, 1969, 1973, 1976.

Пауль - Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Плетнева ПАС 1973 - Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце I тыс. до н.э. - в начале н.э. - ПАС 1973.

Поляков ВФУ I - Поляков И.Е. К вопросу о марийско-мордовской общности (по данным фонетики). - ВФУ I.

Попов - Попов А.А. Нганасаны. М.-Л., 1948.

Попова ИЯС - Попова Я.Н. О характере и степени иноязычного влияния на формирование ненецкого языка. - В кн.: Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976.

Попова ПЭНС - Попова Я.Н. О роли экстралингвистического влияния в процессе формирования языка. - В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.

Порциг - Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

Потапов Происх. хак. - Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

Прок. (при данных по самодийским языкам) = Прокофьев Нган., Прокофьев Нен., Прокофьев Сельк., Прокофьев Энецк.

Прокофьев Нган. - Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. - В кн.: ЯПНС.

Прокофьев Нен. - Прокофьев Г.Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык. - В кн.: ЯПНС.

Прокофьев Пер. залог - Прокофьев Г.Н. К вопросу о переходном залоге в самоедских языках. - В кн.: Памяти В.Г. Богораза. М.-Л., 1937.

Прокофьев Сельк. - Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.

Прокофьев СЭ 1940 - Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. - Советская этнография, 1940, III.

Прокофьев Энецк. - Прокофьев Г.Н. Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. - В кн.: ЯПНС.

РЗ (при данных по карагасскому диалекту МТК) - Рукопись С.В. Зуева (авторство предположительное) "Список русских слов с переводом на тунгусский, самоедский, карагасский и остяцкий" (Архив АН СССР, Ленинград, ф. 94, оп. 2, № 91).

РМ (при данных по камасинскому языку и диалектам МТК) - Рукопись Г.Ф. Миллера "Собрание слов из языка Чулимских татар, Кангатов, Тайгинцев и Камасинцев" (ЦГАДА, № 199, оп. 2, портф. 513, д. 22).

РМ (при данных по прочим самодийским языкам) - Рукописи Г.Ф. Миллера - списки слов из селькупских, ненецких, энецких диалектов, нганасанского языка (ЦГАДА, № 199, оп. 2, портф. 513, д.д. 2 и 7).

РМьльн. (при данных по селькупскому и северносамодийским языкам) - Рукопись "Наречие по Туруханской округе" за подписью "Советник Ильи Мильников", существующая в двух списках (Архив АН СССР, Ленинград, ф. 94, оп. 1, № 190, л. 1-12 и Гос. Публ. биб-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 7 - Ф.П. Аделунг, № 129 - Самоедский язык, л. 13-26).

РНСл - Русско-ненецкий словарь. Сост. А.П. Пирерка и Н.М. Терещенко. М., 1948.

Ромбандеева - Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

Ромбандеева ИФУЯЛ - Ромбандеева Е.И. К вопросу о миграционных направлениях манси (по данным топонимики и фольклора). - ИФУЯЛ.

Ромбандеева КДисс - Ромбандеева Е.И. Каузативные глаголы в современном мансийском языке. Дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук (рукопись). Л., 1963.

РСимч. - Симченко Ю.Б. Материалы по нганасанской лексике (рукопись); он же. Тематические списки нганасанской лексики (АН СССР, Институт этнографии, Научный архив, фонд Северной экспедиции, папка 24, ед. хр. 24).

РТ (при данных по камасинскому языку) - Рукопись "Известие о Красноярске и о живущих тамо народах на вопросы г. Татищева 1735 и 1738 годов" (ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 516, № 2, л. 43-55).

Санжеев - Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

Свадеш - Свадеш М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании. - В кн.: Новое в лингвистике, вып. I. М., 1960.

СГГЯ III - Сравнительная грамматика германских языков, т. III. М., 1963.

Семереньи - Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Сергиевский - Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. М., 1952.

Серебрянников ВЯ 1955 - Серебрянников Б.А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. - ВЯ, 1955, № 6.

Серебренников ВЯ 1957 - *Серебренников Б.А.* Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции. - ВЯ, 1957, № 4.

Серебренников ВЯ 1968 - *Серебренников Б.А.* К проблеме происхождения форм объектного спряжения в уральских языках. - ВЯ, 1968, № 5.

Серебренников Катег. - *Серебренников Б.А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников Лингв. сб. - *Серебренников Б.А.* О былой близости пермских и обско-угорских языков. - В кн.: Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979.

Серебренников Морд. - *Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. М., 1967.

Серебренников Перм. - *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Серебренников Происх. мар. - *Серебренников Б.А.* Происхождение марийского народа по данным языка. - Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским НИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1967.

Серебренников Сист. - *Серебренников Б.А.* Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1969.

Серебренников СФУ I - *Серебренников Б.А.* О двух конвергентных фонетических явлениях в самодийских и обско-угорских языках. - СФУ I, 1965.

Серебренников СФУ IV - *Серебренников Б.А.* Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? - СФУ IV, 1968.

Серебренников Этим. 1966 - *Серебренников Б.А.* Об уральской лексике восточного ареала. - В кн.: Этимология 1966. М., 1968.

Серебренников Этно. морд. - *Серебренников Б.А.* История мордовского народа по данным языка. - Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск, 1965.

Симченко КОО - *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.

Смирнов Этно. морд. - *Смирнов А.М.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I-XV вв. н.э. - Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск, 1965.

Соколовская АКД - *Соколовская Н.К.* Опыт реконструкции фонологической системы вьетнамского языка. АКД. М., 1978.

Сор. (при данных по энецкому языку) = Сорокина АКД, Сорокина КДисс.

Сорокина АКД - *Сорокина И.П.* Морфология глагола энецкого языка. АКД. Л., 1975.

Сорокина КДисс - *Сорокина И.П.* Морфология глагола энецкого языка. Дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук (рукопись). Л., 1975.

Сорокина Лингв. иссл. - *Сорокина И.П.* Основные черты, характеризующие близость языка энцев с ненецким языком. -

В кн.: Лингвистические исследования. Проблемы грамматического строя языка. М., 1978.

Соссюр - *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Сп (при данных по койбалскому и маторскому диалектам) - *Рукописи Г. Спасского* (см. Potapov JSFOu LIX¹).

Ср. Сл. - Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы, т. I-II. СПб., 1787, 1789.

Старинин Эфиоп. - *Старинин В.П.* Эфиопский язык. М., 1967.

Суник - *Суник О.П.* Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.

СФУ - Советское финно-угроведение, Таллин.

Тепляшина ВФУ I - *Тепляшина Т.И.* Лексические коми-удмуртские соприкосновения. - ВФУ I.

Тепляшина ИФУЯЛ - *Тепляшина Т.И.* К ареальным явлениям пермских языков. - ИФУЯЛ.

Тер. (при данных по северносамодийским языкам) = Терещенко Нган., Терещенко Очерк, Терещенко Синт., Терещенко СФУ I, Терещенко Энецк.

Терешкин - *Терешкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект. М.-Л., 1961.

Терешкин СПСЯ - *Терешкин Н.И.* Система склонения в диалектах обско-угорских языков. - В кн.: Склонение в паlearоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.

Терещенко Введ. - *Терещенко Н.М.* Самодийские языки. Введение. - В кн.: ЯНС III.

Терещенко ВЯ 1959 - *Терещенко Н.М.* К вопросу о ненецко-хантыйских языковых связях. - ВЯ, 1959, № 2.

Терещенко Материалы - *Терещенко Н.М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.-Л., 1956.

Терещенко Нган. - *Терещенко Н.М.* Нганасанский язык. Л., 1979.

Терещенко Очерк - *Терещенко Н.М.* Краткий грамматический очерк ненецкого языка. - НРСл.

Терещенко Очерк 1948 - *Терещенко Н.М.* Краткий грамматический очерк ненецкого литературного языка. - НРСл.

Терещенко Синт. - *Терещенко Н.М.* Синтаксис самодийских языков. Л., 1973.

Терещенко СФУ I - *Терещенко Н.М.* К сравнительному изучению самодийских языков (язык энцев). - СФУ I, 1965.

Терещенко Энецк. - *Терещенко Н.М.* Энецкий язык. - В кн.: ЯНС III.

Томпа Очерк - Краткий очерк грамматики венгерского языка. Составлен на основе грамматики проф. *Иожефа Томпа*. - ВРСл.

Топоров ВСЯ - *Топоров В.Н.* О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях. - В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964.

Топоров Этим. 1965 - *Топоров В.Н.* Из этимологии енисейских языков (к вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому t). - В кн.: Этимология 1965. М., 1967.

Тугаринов - *Тугаринов А.Е.* Последние калмажи. - Северная Азия, I, 1926.

Успенский - *Успенский В.А.* Структурная типология языков. М., 1965.

Хайду ALH II - *Хайду П.* К этногенезу венгерского народа. - ALH II, 1952.

Хакулинен I-II - *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. I. Фонетика и морфология, М., 1953; Ч. II. Лексикология и синтаксис, М., 1955.

Халиков - *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Хелимский БСЭ XXII - *Хелимский Е.А.* Самодийские языки. - БСЭ, т. 22, 1975.

Хелимский ИФУЯЛ - *Хелимский Е.А.* К изучению ненецко-энецких лексических контактов. - ИФУЯЛ.

Хелимский КД - *Хелимский Е.А.* Древнейшие угорско-самодийские языковые связи (анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками). Дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук (рукопись). М., 1978.

Хелимский Класс. - *Хелимский Е.А.* К проблеме классификации самодийских языков. - Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов (Дискуссия на расширенном заседании Филологической секции Ученого Совета Института востоковедения). М., 1973.

Хелимский ПАС 1976 - *Хелимский Е.А.* Об одном переходном северносамодийском диалекте. - ПАС 1976.

Хелимский Реконстр. лаб. - *Хелимский Е.А.* Реконструкция прасеверносамодийских (ПСС) лабиализованных гласных первых слогов. - Конференция "Проблемы реконструкции" (тезисы докладов). М., 1978.

Хелимский СФУ XII - *Хелимский Е.А.* О соответствиях уральских *a*- и *e*-основ в тазовском диалекте селькупского языка. - СФУ XII, 1976.

Хелимский Черед. - *Хелимский Е.А.* Чередование долгот, консонантный ауслаут и ударение в истории венгерских именных основ. - В кн.: *Balcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.

Хелимский ЯТ VI - *Хелимский Е.А.* Лексикографические материалы XVIII - начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам. - ЯТ VI, 1978.

Хелимский НуК LXXIX - *Хелимский Е.А.* Тональные оппозиции в уральских языках. - НуК LXXIX, 1977.

Хлобыстин ПАС 1973 - *Хлобыстин Л.П.* Древние культуры Таймыра и крупные этнические общности Сибири. - ПАС 1973.

Хлобыстин ЭНСА - *Хлобыстин Л.П.* О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.). - Этногенез народов Северной Азии. Материалы конференции, вып. I. Новосибирск, 1969.

Хомич Ненцы - *Хомич Л.В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1966.

Хомич ПЭН - *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.

Цыганкин - *Цыганкин Д.В.* Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск, 1977.

Чернецов МКАЭ - *Чернецов В.Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. М., 1964.

Чернецов ПАС 1969 - *Чернецов В.Н.* Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. - ПАС 1969.

Чернецов ПАУС - *Чернецов В.Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. - В кн.: *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М., 1973.

Чернецов CIFU - *Чернецов В.Н.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. - CIFU.

Чиндина ВФУ II - *Чиндина Л.А.* Угро-самодийские традиции Западной Сибири в эпоху железа. - ВФУ II.

Членова ПАС 1969 - *Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири. - ПАС 1969.

Щербак Морф. - *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.

Эрнитс СФУ XI - *Эрнитс Э.* О происхождении ф.-у. *kVktV 'два' с учетом типов развития числительных 'два' в разных языках. - СФУ XI, 1975.

Янитс ВЭИЭН - *Янитс Л.Ю.* К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. - В кн.: ВЭИЭН.

ЯНС III - Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

ЯПНС - Языки и письменность народов Севера, ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.-Л., 1937.

ЯТ - Языки и топонимия. Томск.

Abaffy MNy LXXIII - *E. Abaffy E.* A műveltető igékről. - MNy LXXIII, 1977, 9-19.

Ahlqvist JSFOu VIII - *Ahlqvist A.* Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen. - JSFOu VIII, 1890.

ALH - *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Budapest.

Ariste NNY XV-XVI - *Ariste P.* The Earliest Substrata in the Baltic-Finnic Languages. - NNY XV-XVI, 1971-1972.

Balázs MNy LXXV - *Balázs J.* A magyar szenvedő szerkezet, az ikes ragozás és a műveltető igeképzés eredete. - MNy LXXV, 1979.

Bárczi CIFU - *Bárczi G.* Zum Sprachgeschehen der urungarischen Zeit. - In: CIFU.

Bárczi MHT - *Bárczi G.* Magyar hangtörténet. Budapest, 1958.

Bárczi MNy XXXIX - *Bárczi G.* Magyar őstörténet. - MNy XXXIX, 1943.

Bárczi MNyE - *Bárczi G.* A magyar nyelv életrajza. Budapest, 1966.

Bartha - *D. Bartha K.* A magyar szóképzés története. Budapest, 1958.

Beke FUF XXII - *Beke Ö.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *s*-Laute. - FUF XXII, 1934.

Beke Nyr LIV - *Beke Ö.* A *-t* műveltető képzőről. - Nyr LIV, 1925.

Bereczki NyK LXXIX - *Bereczki G.* Permi-cseremiszi lexikális kölcsönzések. - NyK LXXIX, 1977.

Berrár - *Berrár J.* Magyar történeti mondat. Budapest, 1957.

Birnbaum - *Birnbaum H.* Common Slavic: Progress and Problems in Its Reconstruction. Cambridge, Mass., 1975.

Birnbaum Dialects - *Birnbaum H.* Dialects of Common Slavic. - In: Ancient Indo-European Dialects. Berkeley-Los Angeles, 1966.

Budenz Alakt. - *Budenz J.* Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. A szerző hagyatékával kiegészítette Simonyi Zs. Budapest, 1884-1894.

Budenz Verzweigung - *Budenz J.* Über die Verzweigung der ugrischen Sprachen. Separat-Abdruck aus der Festschrift zum 50-jährigen Doctorjubiläum des Herrn Professor Benfey. Göttingen, 1879.

C (при данных по самодийским языкам) = *Castrén Gr.*, *Castrén Wört.*, *Castrén-Lehtisalo*.

Castrén Gr. - *Castrén M.A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

Castrén Reis. - *Castrén M.A.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. SPb., 1856.

Castrén Wört. - *Castrén M.A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855.

Castrén-Lehtisalo - *Castrén M.A.*, *Lehtisalo T.* Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki, 1960 (MSFOu CXXII).

CIFU - Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus 20-24. IX. 1960. Budapest, 1963.

Collinder CG - *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.

Collinder IUS - *Collinder B.* Indo-uralisches Sprachgut. Uppsala, 1934.

Collinder Proto-Lapp. - *Collinder B.* Proto-Lappish and Samoyed. - Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Föreläsningar, 1952-1954.

Collinder Survey - *Collinder B.* Survey of the Uralic Languages. Stockholm, 1957.

CSIFU - Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum (Helsinki, 23-28. VIII. 1965), pars I. Helsinki, 1968.

CT - *Castrenianum* toimittaita. Helsinki.

CTIFU - Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17-23. VIII. 1970, pars I. Acta Linguistica. Tallinn, 1975.

D (при данных по самодийским языкам) = *Donner Lab.*, *Donner-Joki JSFOu LVIII¹*, *KWb.*

Davies-Ross FUF XLI - *Davies P.*, *Ross A.S.C.* "Close-Relationship" in the Uralic Languages. - FUF XLI, 1975.

Décsy Einf. - *Décsy Gy.* Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

Décsy MSUA II - *Décsy Gy.* Der gegenwärtige Stand der finnougrischen Lautforschung. - Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, II, 1960.

Décsy UAJb XLI - *Décsy Gy.* Zum Sprachverhältnis Mordwinisch-Tscheremissisch. - UAJb XLI, 1969.

DEWOS - *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache, Lfg. 1-9. Berlin, 1966-1980.

Donner FUF XVI - *Donner K.* Über anlautendes t' - (*tš*) und d' - (*dž*) im Kamassischen und in den ausgestorbenen sajanamojedischen Mundarten. - FUF XVI, 1923.

Donner Lab. - *Donner K.* Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920 (MSFOu XLIX).

Donner SW - Samojedische Wörterverzeichnisse. Gesammelt und hrsg. von *Kai Donner*. Helsinki, 1932 (MSFOu LXVI).

Donner-Joki JSFOu LVIII¹ - *Joki A.J.* Kai Donners kleinere Wörterverzeichnisse aus dem Jurak-, Jenissei- und Tawgy-Samojedischen, Katschatatarischen und Tungusischen. - JSFOu LVIII¹, 1956.

Erdélyi FUTyks - *Erdélyi I.* A kamasz hangjelölés egyszerűsítése. - In: *FUTyks*.

Erdélyi UAJb XLI - *Erdélyi I.* Neuere Forschungen zur Urgeschichte der Wolgafinnen. - UAJb XLI, 1969.

EWv - *Katzschmann M.*, *Pusztay J.* Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg, 1978.

Farkas UAJb XXIV-XXVII - *Farkas J. von.* Bemerkungen zu der ungarischen historischen Formenlehre, I-IV. - UAJb XXIV, 1952; XXV, 1953; XXVI, 1954; XXVII, 1955.

Farkas UAJb XXVIII - *Farkas J. von.* Zur Entstehung der ungarischen Konjugation. Die *ik*-Verba. - UAJb XXVIII, 1956.

Fodor ACUP - *Fodor I.* The Main Issues of Finno-Ugrian Archaeology. - In: Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.

Fokos NyK XL - *Fokos D.* A vogul-osztják tárgyas igeragazásról. - NyK XL, 1910-1911.

Fokos Nyr XXXVI - *Fokos D.* A -nál rag eredete. - Nyr XXXVI, 1907.

Fokos Nyr XXXIX - *Fokos D.* A -nott, -nól, -ni ragok eredetéről. - Nyr XXXIX, 1910.

FU - Fenno-Ugristica. Tartu (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 344, 382, 397, 427, 456, 517).

FUF - Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki.

Futaky - *Futaky I.* Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen. Wiesbaden, 1975.

FUTyks - FU-transkription yksinkertaistaminen. Helsinki, 1973 (CT VII).

FUV - *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955.

Ganschow NyK LXXIV - *Ganschow G.* Az osztják tárgyas igeragazás használatának kérdéséhez. - NyK LXXIV, 1972.

Ganschow VO - *Ganschow G.* Die Verbalbildung im Ostjakischen. Wiesbaden, 1965.

Gombocz MSFOu LXVII - *Gombocz Z.* Über die ungarischen reflexiven Verben. - MSFOu LXVII, 1933.

Gombocz NyK XXXII - *Gombocz Z.* Adalékok az obi-ugor nyelvek szókészletének eredetéhez. - NyK XXXII, 1902.

Gombocz UJB X - *Gombocz Z.* Über die Haupttypen der ungarischen Verbalformen. - Ungarische Jahrbücher, X, 1930.

Gulya ALH XVII - *Gulya J.* Bemerkungen zur Herkunft der ungarischen Infinitivendung -ni. - ALH XVII, 1967.

Gulya CTIFU - *Gulya J.* Gab es eine finnisch-ugrische Einheit? - In: CTIFU.

Gulya MÖstT - *Gulya J.* Megjegyzések az ugor őshaza és az ugor nyelvek szétválása kérdéséről. - In: Magyar Őstörténeti tanulmányok. Budapest, 1977.

Györke - *Györke J.* Die Wortbildungslehre des Uralischen (Primäre Bildungssuffixe). Tartu, 1934.

Hajdú ACUP - *Hajdú P.* Linguistic Background of Genetic Relationships. - In: Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.

Hajdú ALH XIV - *Hajdú P.* Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. - ALH XIV, 1964.

Hajdú Bev. - *Hajdú P.* Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest, 1966.

Hajdú ChrSam - *Hajdú P.* Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1968.

Hajdú CIFU - *Hajdú P.* Lativ und Infinitiv im Samojedischen. - In: CIFU.

Hajdú CSIFU - *Hajdú P.* Über den Umfang des uralischen Wortschatzes. - In: CSIFU.

Hajdú CTIFU - *Hajdú P.* Uralistik und areale Sprachforschung. - In: CTIFU.

Hajdú FNŲy - *Hajdú P.* Finnugor népek és nyelvek. Budapest, 1962.

Hajdú FrommFestschr. - *Hajdú P.* Über Versuche der Gruppierung der uralischen Sprachen. - In: Explanaciones Et Tractationes Fenno-Ugricae In Honorem Hans Fromm. München, 1979.

Hajdú FUF XL - *Hajdú P.* Das sölkupische Translativsuffix -wlä. - FUF XL, 1973.

Hajdú FUTyks - *Hajdú P.* A jurák nyelvjárások fonematisztikus átírása. - In: FUTyks.

Hajdú MészölyEmlékk. - *Hajdú P.* Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban. - In: In Memoriam G. Mészöly. Szeged, 1961.

Hajdú MKE - *Hajdú P.* A magyarság kialakulásának előzményei. Budapest, 1953 (NyErt II).

Hajdú MSFOu CXXV - *Hajdú P.* Etymologische Bemerkungen. - MSFOu CXXV, 1962.

Hajdú NyK LIII - *Hajdú P.* Obi-ugor-szamojéd szómagyarázatok. - NyK LIII, 1951.

Hajdú NyK LIV - *Hajdú P.* A szamojédok etnogeneziséhez. - NyK LIV, 1952.

Hajdú NyK LXXI - *Hajdú P.* A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai összefüggései. - NyK LXXI, 1969.

Hajdú SPL - *Hajdú P.* The Samoyed Peoples and Languages. Bloomington-The Hague, 1963.

Hajdú SteinitzFestschr. - *Hajdú P.* Morphologische Beiträge zur Kenntnis der samojedischen Sprachen. - In: Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Li-

teraturforschung. Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht. Berlin, 1965.

Hajdú UAJb XLI - *Hajdú P.* Finnougrische Urheimatforschung. - UAJb XLI, 1969.

Halász NyK XXIII-XXIV - *Halász I.* Az ugor-szamojéd nyelvrokonság kérdése. - NyK XXIII, 1893, XXIV, 1894.

Helimski EPP 1978 - *Helimski E.* Notes on the Origin of Prosodic Features in Some Samoyed and Ugric Languages. - In: Estonian Papers in Phonetics 1978. Tallinn, 1978.

Honti NyK LXXIV - *Honti L.* Észrevételek a finnugor alapnyelvi szibilánsok és affrikáták képviselőiteiről. - NyK LXXIV, 1972.

Honti NyK LXXVIII - *Honti L.* Az osztják személyjelelő szuffixumok történeti áttekintése. - NyK LXXVIII, 1976.

Honti NyK LXXX - *Honti L.* Osztják-jurák lexikális kölcsönzések. - NyK LXXX, 1978.

Honti NyK LXXXI - *Honti L.* Az ugor nyelvek jellemző vonásai (Észrevételek az ugor egység kérdéséhez). - NyK LXXXI, 1979.

Horger MigerT - *Horger A.* A magyar igeragozás története. Szeged, 1931.

Hunfalvy - A² vogul föld és nép. *Reguly Antal* hagyományaiból kidolgozta *Hunfalvy P.* Pest, 1864.

Itkonen UAJb XXVII - *Itkonen E.* Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft. - UAJb XXVII, 1955.

Itkonen UAJb XXXII - *Itkonen E.* Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspektive eines Linguisten. - UAJb XXXII, 1960.

Itkonen UAJb XXXIV - *Itkonen E.* Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. - UAJb XXXIV, 1962.

Itkonen UAJb XLI - *Itkonen E.* Zur geographischen Ausdehnung der finnisch-ugrischen Urheimat. - UAJb XLI, 1969.

Janhunen - *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (CT XVII).

Janhunen NŲy XIX-XX - *Janhunen J.* Adalékok az északi-szamojéd hangtörténethez: vokalizmus. Az első szótagi magánhangzók. - NŲy XIX-XX, 1975-1976.

Janurik NyK LXXX - *Janurik T.* A szölkup nyelvjárások osztályozása. - NyK LXXX, 1978.

Joki FUF XXXIX - *Joki A.J.* Über das Element n in der samojedischen Deklination. - FUF XXXIX, 1971.

Joki Lehnw. - *Joki A.J.* Die Lehnwörter der Sajansamojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu CIII).

JSFOu - Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.

JSWb - *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

Kálmán ChrVog - *Kálmán B.* Chrestomathia Vogulica. Budapest, 1976.

Kálmán FUF XXXV - *Kálmán B.* [Peç. na:] *M. Liimola.* Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. I. Flexion der Nomina. - FUF XXXV, 1964.

10 zak. 628

Kálmán MNy LXI - *Kálmán B.* A 2. személy -d ragja. - MNy LXI, 1965.

Kálmán Nyj. - *Kálmán B.* Nyelvjárásaink. Budapest, 1966.

Katz CФУ IX - *Katz H.* Noch einmal zur Frage der Entwicklung der finnisch-ugrischen Affrikaten und Sibilanten im Ugrischen. - CФУ IX, 1973.

Katz ALH XXII - *Katz H.* Zur Entwicklung der finnisch-ugrischen Affrikaten und Sibilanten im Ugrischen. - ALH XXII, 1972.

Katz NyK LXXVI - *Katz H.* Areallinguistische Nebensächlichkeiten von der ostjakisch-samojedischen Sprachgrenze. - NyK LXXVI, 1974.

Katz NyK LXXXI - *Katz H.* Bemerkungen zum selkupischen Translativ-Suffix *wlä*. - NyK LXXXI, 1979.

Katz Sprachbünde - *Katz H.* Generative Phonologie und phonologische Sprachbünde des Ostjakischen und Samojedischen. München, 1975.

Klaproth AP - *Klaproth J.* Asia Polyglotta. Paris, 1823.

Klaproth SA - *Klaproth J.* Sprachatlas. Paris, 1823.

Klemm NyK XLVI - *Klemm A.* A mordvin tárgyas igeragozás. - NyK XLVI, 1926.

Koizumi CФУ V - *Koizumi T.* The Objective Conjugation of Common Mordvin. - CФУ V, 1969.

Korchmáros NNY XVII-XVIII - *M. Korchmáros V.* A magyar tárgyas igeragozás kialakulásának relatív kronológiájához. - NNY XVII-XVIII, 1973-1974.

Korhonen ÉFOu XIII - *Korhonen M.* Le finno-ougrien commun était-il une langue agglutinante? Ou: Que peut-on retenir des reconstructions historiques-linguistiques? - Études Finno-Ougriennes, XIII, 1976.

Kövesi CTIFU - *A. Kövesi M.* Bemerkungen zum Ursprung des "uralischen" *n*-Genitivs. - In: CTIFU.

Kövesi MNy LXXIII - *A. Kövesi M.* A finnugor nomenverbumok kérdéséhez. - MNy LXXIII, 1977.

Kövesi NyK LXVIII - *A. Kövesi M.* Ósi határozóragjaink történetéhez. - NyK LXVIII, 1966.

KT - *Karjalainen K.F.* Ostjakisches Wörterbuch, bearb. und hrsg. von *Y.H. Toivonen*, Bd. I-II. Helsinki, 1948.

Künnap (при данных по камасинскому языку) = Künnap KT I, Künnap KT II.

Künnap ESA XVIII - *Künnap A.* Kamassi keele pöördelõpud. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, XVIII, 1972.

Künnap FU I - *Künnap A.* Miscellanea Samoiedica. - FU I, 1975.

Künnap JSFOu LXXII - *Künnap A.* Über eine samojedische Personalendung. - JSFOu LXXII, 1973.

Künnap KT I - *Künnap A.* Kamassilaisia tekstejä I. - FU II, 1976.

Künnap KT II - *Künnap A.* Kamassilaisia tekstejä II. - FU III, 1976.

Künnap Syst. I-II - *Künnap A.* System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki, 1971 (MSFOu CXLVII); II. Verbalflexion und Verbalnomina, 1978 (MSFOu CLXIV).

KWb - *Kai Donners* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearb. und hrsg. von *A.J. Joki*. Helsinki, 1944.

L (при данных по ненецкому языку) = JSWb.

Laanest - *Laanest A.* Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse. Tallinn, 1975.

Lakó - *Lakó Gy.* Proto Finno-Ugric Sources of the Hungarian Phonetic Stock. Budapest, 1968.

Lakó UAJb L - *Lakó Gy.* Zu den Beziehungen der Lappen mit den Samoeden. - UAJb L, 1978.

Lehmann Grouping - *Lehmann W.P.* The Grouping of the Germanic Languages. - In: Ancient Indo-European Dialects. Berkeley-Los Angeles, 1966.

Lehtisalo Abl. - *Lehtisalo T.* Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936 (MSFOu LXXII).

Lehtisalo FUF XX - *Lehtisalo T.* Ein Paar Worte zur Vertretung der uralischen *s im Samojedischen. - FUF XX, 1928.

Lehtisalo NyK L - *Lehtisalo T.* Samojedische Etymologien. - NyK L, 1936.

Lehtisalo Vir. 1950 - *Lehtisalo T.* Sanavertailuja. - Virittäjä, 1950.

Lehtisalo Vok. - *Lehtisalo T.* Über den Vokalismus der ersten Silbe im Jurak-Samojedischen. Helsinki, 1927 (MSFOu LVI).

Lewy - *Lewy E.* Eine Bemerkung zur systematischen Charakteristik der finnisch-ugrischen Sprachen. - In: *Lewy E.* Kleine Schriften. Berlin, 1961.

Liimola FUF XXVIII - *Liimola M.* Zu den wogulischen Personalpronomina. - FUF XXVIII, 1944.

Liimola Wog. - *Liimola M.* Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. I. Flexion der Nomina. Helsinki, 1963 (MSFOu CXXVII).

Mark - *Mark K.* Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie. Tallinn, 1970.

Mark ŌESA 1929 - *Mark J.* Das System der Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. - In: Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1929. Tartu, 1931.

MESz - *Gombocz Z., Melich J.* Magyar etymológiai szótár, I-II. köt. Budapest, 1914-1944.

Mészöly HB - *Mészöly G.* Nyelvtörténeti fejtegetések a Halotti Beszéd alapján. Szeged, 1942.

Mészöly NeNy I - *Mészöly G.* Felelet az 1. kérdésre. (A szenvedő alak használata a magyarban.). - Népünk és nyelvünk, I, 1929.

Mik. (при данных по нганасанскому языку) = Mikola NyK LXXII.

Mikola NNY XIX-XX - *Mikola T.* A szamojéd koaffixum eredetéről. - NNY XIX-XX, 1975-1976.

Mikola NyK LXXII - *Mikola T.* Adalékok a nganaszan nyelv ismeretéhez. - NyK LXXII, 1970.

Mikola Postp. - *Mikola T.* Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen). - Budapest-Thé Hague-Paris, 1975.

MNy - Magyar Nyelv, Budapest.

MMNy - *Bencédy J., Fábrián E., Velcsöv M.* A mai magyar nyelv. Budapest, 1976.

MNYT - *Bárczi G., Benkő L., Berrár J.* A magyar nyelv története. Budapest, 1967.

Moór ALH VI-X - *Moór E.* Die Ausbildung des ungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte. - ALH VI, 1956; VII, 1957; VIII, 1958; IX, 1959; X, 1960.

Moór Nyr LXX-LXXIII - *Moór E.* A magyar nyelvtörténet őstörténeti vonatkozásai (Adalékok az ősmagyar nép és nyelv kialakulásának kérdéséhez). - Nyr LXX, 1946; LXXI, 1947; LXXII, 1948; LXXIII, 1949.

MSFOu - *Memoires de la Société Finno-Ougrienne*, Helsinki.

MSzFE - A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár, I-III. köt. Budapest, 1967-1978.

NNy - *Néprajz és Nyelvtudomány*, Szeged.

NyÉrt - *Nyelvtudományi Értekezések*, Budapest.

Nyíri MNy LXIX - *Nyíri A.* A magyar igeragozás történetéhez. - MNy LXIX, 1973.

Nyíri NNY XVII-XVIII - *Nyíri A.* A magyar indeterminált (alanyi) és determinált (tárgyas) igeragozási rendszer kialakulásának története. - NNY XVII-XVIII, 1973-1974.

NyK - *Nyelvtudományi Közlemények*, Budapest.

Nyr - *Magyar Nyelvőr*, Budapest.

NySz - *Szarvas G., Simonyi Zs.* Magyar nyelvtörténeti szótár a legrégebb nyelvemlékektől a nyelvújításig, I-III. köt. Budapest, 1890-1893.

Oklsz - *Szamóta I., Zolnai Gy.* Magyar oklevél-szótár. Potlék a NySz-hoz. Budapest, 1902-1906.

P. - *Paasonen H.* Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt, neu transkribiert und hrsg. von K. Donner. Helsinki, 1926.

Paasonen Beitr. - *Paasonen H.* Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte. Budapest, 1917.

Paasonen Mord. - *Paasonen H.* Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsinki, 1909.

Pais MNy XXVII - *P.D. írja.* - MNy XXVII, 1931.

Pallas Reisé - *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, Bd. III. SPb., 1776.

Pallas Zoogr. - *Pallas P.S.* Zoographia Rosso-Asiatica, t. I-III. SPb., 1811.

Pokorny - *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München, 1959.

Potapov JSFOu LIX¹ - *Potapov L.P.* Zur Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren. - JSFOu LIX¹, 1957.

Ramstedt SKE - *Ramstedt G.J.* Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949 (MSFOu XCV).

Raun UAJb XXVIII - *Raun A.* Über die sogenannte lexikostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-Ugrische und Türkische. - UAJb XXVIII, 1956.

Ravila FUF XXVII - *Ravila P.* Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. - FUF XXVII, 1941.

Ravila JSFOu LX⁶ - *Ravila P.* Die Ursprache als Grundbegriff der Sprachgeschichte. - JSFOu LX⁶, 1958.

Ravila MSFOu XCVIII - *Ravila P.* Zur Geschichte der Dekli-

nation der Personalpronomina in den uralischen Sprachen. - MSFOu XCVIII, 1950.

Rédei ALH XVI - *Rédei K.* Die Entstehung der objektiven Konjugation im Ungarischen. - ALH XVI, 1966.

Rédei ALH XVIII - *Rédei K.* [Peu. na:] *Magda A. Kövesi:* A permi nyelvek ősi képzői. - ALH XVIII, 1968.

Rédei ALH XIX - *Rédei K.* Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? - ALH XIX, 1969.

Rédei ÉONYt - *Radanovics K.* Északi-osztják nyelvtan. Budapest, 1961 (NyÉrt XXXI).

Rédei NyK LXV - *Rédei K.* Az én személyes névmás eredetéhez. - NyK LXV, 1963.

Rédei NyK LXVI - *Rédei K.* Vannak-e az előmagyar-permi érintkezésnek nyelvi nyomai? - NyK LXVI, 1964.

Rédei NyK LXXIV - *Rédei K.* Osztják jövevényszavak a szelkupban. - NyK LXXIV, 1972.

Ristinen JSFOu LXXII - *Ristinen E.K.* Some Remarks on the Function of the Subjective and Objective Conjugations in the Samoyedic Languages. - JSFOu LXXII, 1973.

Ristinen Uralica I - *Ristinen E.K.* Observations on the Function of the Conjugations in Samoyedic. - Uralica of the Uralic Society of Japan, I, 1973.

Rosenkranz AO XVIII - *Rosenkranz B.* Hethitisches zur Frage der indogermanisch-finnisch-ugrischen Sprachverwandtschaft. - Archiv Orientální, XVII, 1950.

Sal CIFU - *K. Sal E.* Über die palatalen Vokale der ersten Silbe im Ugrischen. - In: CIFU.

Samm. (при данных по лесному диалекту ненецкого языка) = Sammallahti MFN.

Sammallahti FUF XLIII - *Sammallahti P.* Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache. - FUF XLIII, 1979.

Sammallahti MFN - *Sammallahti P.* Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974 (CT II).

Sauvageot ÉFOu XII - *Sauvageot A.* A propos de la genèse de la conjugaison hongroise. - Études Finno-Ougriennes, XII, 1975.

Sauvageot ÉFOu XIII - *Sauvageot A.* La problème de la parenté ougrienne. - Études Finno-Ougriennes, XIII, 1976.

Schütz NyK XL - *Schütz J.* Az északi-osztják szóképzés. - NyK XL, 1910-1911.

Sebestyén ALH III - *N. Sebestyén I.* Beiträge zur Problem der protolappischen Sprache. - ALH III, 1953.

Sebestyén ALH VII - *N. Sebestyén I.* Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs. - ALH VII, 1957-1958.

Sebestyén ALH XIV - *N. Sebestyén I.* Eine ungelöste ungarische Etymologie. - ALH XIV, 1964.

Sebestyén NyÉrt XL - *N. Sebestyén I.* Egy rejtélyes magyar szó. - NyÉrt XL, 1964.

Serebrennikov AOH XVII - *Serebrennikov B.A.* Über tschuwassische Themen. - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, XVII, 1964.

Serebrennikov ICL - *Serebrennikov B.A.* On some Traces of the Unknown Language-Substratum in the Northern Ura-

lic Languages. - In: Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., 1962. The Hague, 1964.

Simonyi US - *Simonyi Zs.* Die ungarische Sprache. Geschichte und Charakteristik. Strassburg, 1907.

SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VI. Helsinki, 1955-1978.

Steinitz ALH XIII - *Steinitz W.* Etymologische Beiträge III: Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen. - ALH XIII, 1963.

Steinitz MSFOu CXXV - *Steinitz W.* Samojedisch-Obugrisches. - MSFOu CXXV, 1962.

Steinitz Ost. Gr. - *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomathie. Leipzig, 1950.

Steinitz UAJb XXXI - *Steinitz W.* Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-Ugrischen. - UAJb XXXI, 1959.

Strahlenberg - *Strahlenberg Ph.J. von.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

SWv - *Erdélyi I.* Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.

Szabó NyK XXXIV - *Szabó D.* A vogul szóképzés. - NyK XXXIV, 1904.

Szilasi NyK XXIV - *Szilasi M.* Kombinált műveltető s mozzanatos igekepzők. - NyK XXIV, 1894.

Szinnyei FUS - *Szinnyei J.* Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin-Leipzig, 1922.

Szinnyei NyH⁷ - *Szinnyei J.* Magyar nyelvhasználat. Budapest, 1927.

Tauli FUF XXXII - *Tauli V.* The Origin of Affixes. - FUF XXXII, 1956.

Tauli Tend. - *Tauli V.* Structural Tendencies in Uralic Languages. The Hague, 1966.

Tesnière - *Tesnière L.* Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.

TESz - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I-III. köt. Budapest, 1967-1976.

Toivonen FUF XXI - *Toivonen Y.H.* Ural. *š > sam. t. - FUF XXI, 1933.

Toivonen JSFOu LVI¹ - *Toivonen Y.H.* Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat. - JSFOu LVI¹, 1952.

Toivonen Protolapp. - *Toivonen Y.H.* Zum Problem des Protolappischen. Helsinki, 1950 (Suomen Suku, XVI).

UAJb - Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden.

Uesson - *Uesson A.-M.* On Linguistic Affinity. The Indo-Uralic Problem. Malmö, 1970.

Viitso KS VI - *Viitso T.-R.* Mõtteid uurali fonoloogiast. - Keel ja Struktuur, VI. Tartu, 1972.

Wagner CSIFU Rés. - *Wagner H.* Indo-Germanisch -kwe 'und, wenn' im Finnisch-Ugrischen? - In: Deuxième Congrès International des Finno-Ougristes. Résumés des exposés et des communications. Helsinki, 1965.

Wickman SSUS - *Wickman B.* Über die Verwendung der objektiven Konjugation. - In: Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. 15.-18. Juli 1969 in Reinhausen. Göttingen, 1970.

Zsirai - *Zsirai M.* Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

Сокращения языков и диалектов

алт.	алтайский	МТК	маторско-тайгий-
бур.	бурятский		ско-карагасский
в.	венгерский	н.	ненецкий
вд.	водский	Л	лесной
венет.	венетский	Т	тундровый
вп.	вепсский	Ю	юрацкий (старо-восточный)
гот.	готский		
греч.	греческий	Kis.	Киселевская
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий	Lj.	Лямин
		Ni.	Ниче'эй
др.-исл.	древнеисландский	Nj.	Нялина
др.-кит.	древнекитайский	О	Обдорск
др.-тюрк.	древнетюркский	Oks.	Оксино
евр.	еврейский	OP	Обдорск, Пыряха
енис.	енисейский	P	Пур
и.-е.	индоевропейский	Sj.	Сейда
иж.	ижорский	Sjo.	Сёмжа
к.	коми	Т	Таз
П	пермяцкий	U	Устье
удар.	удорский	нг.	нганасанский
Я	язвинский	нем.	немецкий
кар.	карагасский	ностр.	ностратический
кит.	китайский	об.-уг(ор).	обско-угорский
км.	камасинский	палайск.	палайский
койб.	койбалский	перм.	пермский
кр.	карельский	правенг.	правенгерский
лат.	латинский	приб.-фин.	прибалтийско-финский
лв.	ливский		
лувийск.	лувийский	пумп.	пумпокольский
маньчж.	маньчжурский	рус.	русский
мат.	маторский	сам.	самодийский
мд.	мордовский	синокор.	синокорейский
М	мокшанский	ск.	селькупский
Э	эзянский	Ласк.	Ласкино
монг.	монгольский	Марк.	Марково
мр.	марийский	Пар.	Парабель
Г	горный	УО	Усть-Озерное
Л	луговой	В	Баиха
мс.	мансийский	Са.	Чая
сев.	северный	Jel.	Елогуй
КМ	Средняя Конда	К	Кеть
КО	Верхняя Конда	Kar.	Карасино
KU	Нижняя Конда	МО	Средняя Обь
LO	Верхняя Лозьва	N	Нарым
LU	Нижняя Лозьва	NP	Нат-Пумпокольск
P	Пелым	ОО	Верхняя Обь
So.	Сосьва	Tsch.	Чая
TJ	Тавда, Янычково	Tschl.	Чулым
ТС	Тавда, Чандыр	слав.	славянский
VN	Северный Вагиль	см.	саамский
VNK	Северный Вагиль - Кама	К	кольский
		N	норвежский
VS	Южный Вагиль	S	южный

с.-сам.	северносамодий- ский	Kr.	Красный Яр
ст.-венг.	старовенгерский	Ni.	Низям
тайг.	тайгский	O	Обдорск
тув.	тувинский	Surg.	Сургут
тюрк.	тюркский	Trj.	Тромъеган
у.	удмуртский	V	Вах
угор.	угорский	Vj.	Васюган
укр.	украинский	хак.	хакасский
урал.	уральский	хетт.	хеттский
ф.	финский	чув.	чувацкий
франц.	французский	эц.	энецкий
ф.-см.	финно-саамский	Л	лесной (бай, Баиха)
ф.-у.	финно-угорский	Т	тундровый (сома- ту, Хантайка)
х.	хантыйский	эс.	эстонский
сев.	северный	эфиоп.	эфиопский
DN	Верхняя Демьянка	южносам.	южносамодийский
J	Юган	япон.	японский
K	Казым		

Прочие сокращения

аттр.	аттритивная форма	Dat.	датель
буд. вр.	будущее время	Du.	двойственное число
диал.	диалектный	El.	элатив
ж.р.	женский род	Ess.	эссив
инд.	индикатив	Fin.	финалис
м.р.	мужской род	Gen.	генитив
наст. вр.	настоящее время	Ill.	иллатив
неаттр.	неаттритивная форма	Iness.	инессив
об. спр.	объектное спря- жение	Instr.	инструменталис
прош. вр.	прошедшее время	intr.	непереходный
рефл. спр.	рефлексивное спряжение	Lat.	латив
суб. спр.	субъектное спря- жение	Loc.	локатив
уст.	устаревший	Nom.	номинатив
Abl.	аблатив	Pl.	множественное число
Acc.	аккузатив	Pron. Pers.	личное местоимение
Adess.	адессив	Px	посессивный (лич- но-притяжатель- ный) аффикс
All.	аллатив	Sg.	единственное число
Approx.	аппроксиматив	Term.	терминатив
Comit.	комитатив	trans.	переходный
Comp.	компаратив	Transl.	транслатив
Consec.	конзекутив	Vx	личный глаголь- ный аффикс

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указываются страницы, на которых определенные проб-
лемы, явления, языковые формы рассматриваются более или
менее подробно (а не просто упоминаются). Большинство
вопросов затрагивается в историческом аспекте, что в
указателе специально, как правило, не отмечено. Таким
образом, за рубрикой "Венгры" фактически скрывается те-
ма "Этническая история венгров", за рубрикой "Удмурт-
ский язык, -d (Vx2Sg.)" - тема "Происхождение Vx2Sg. -d
в удмуртском языке" и т.д. Языковые формы даны без мор-
фонологических, диалектных и графических вариантов.

Ареально-генетические связи 24-25	- g(e)- (формант Асс. личных местоимений) 89-90, 94
- угорско-самодийские 65	- here 'трутьень; testicu- lus' 53
Ареальные связи, угор- ско-самодийские 65-67	- húr 'струна, тетива' 53
Аттрибутивные формы, см. Числительные	- -ik (Vx3Sg.) 74-75, 82
Башкирско-венгерская проблематика 61	- -j (Vx2Sg. императива) 88
Венгерский язык	- -ja (Vx3Sg.) 72, 82
- аккумулятив личных место- имений 88-90, 93-94, 96	- -k (Vx1Sg.) 72-73, 82
- каузативные глаголы 103- 106, 109-111	- két, kettő 'два' 115, 118
- пассивные глаголы 112- 114	- -l (Vx2Sg.) 73-74, 82
- рефлекс сибилантов 119-120	- -lak (Vx1Sg. при 2-м лице объекта) 71
- связи с восточнохантый- скими диалектами 21	- -lal (суффикс каузатив- ных глаголов) 103-105
- связи с мансийским язы- ком 20-21, 55	- -lat (суффикс каузатив- ных глаголов) 103-106
- связи с пермскими язы- ками 18-20	- -m (Vx1Sg.) 72, 82
- типы глагольного спряже- ния 70-76, 83-85	- minket 'нас' 89-90, 93-94
- -d (Vx2Sg.) 74, 82, 88	- -nak (Dat.) 98, 100
- én (*ämön) 'я' 94	- -nál (Adess.) 98
- engem(et) 'меня' 89-90, 93-94, 96	- -ni, -nöl, -nott (окон- чания местных падежей) 98
- figyelméz 'внимательно смотреть' 53	- -sz (Vx2Sg.) 74
	- t < *pt 104-105
	- -tal (суффикс каузатив- ных глаголов) 103-105

- *-tat* (суффикс каузативных глаголов) 103-106
- *-tat(ik)* (суффикс пассивных глаголов) 112-113
- *te* (*tän) 'ты' 94
- *téged(et)* 'тебя' 89-90, 93-94
- *titeket* 'вас' 89-90, 93-94
- *tolvaj* 'вор' 54-55
- *Ø* (Vx3Sg.) 72, 82
- Венгерско-самодийские контакты (гипотеза Э. Моора, И.Н.-Шебештьен) 52-56
- Венгры 20, 52
- прародина 60-61
- Волжская языковая общность 17-18
- Восточно-приуральская языковая зона, восточный ареал уральских языков (гипотезы Б.А. Серебренникова) 68
- Генетические связи, угорско-самодийские 64-65
- Енисейские языки
- глоттохронология 124
- развитие сибилантов 123
- Индоевропейские языки
- аккузатив личных местоимений 97
- типы глагольного спряжения 88
- Камасинский язык 35-37
- историческая морфология 41-44
- историческая фонетика 40-41
- личные глагольные окончания 79
- рефлекс урал. *t и *s 120
- связи с обско-угорскими языками 66-67
- типы глагольного спряжения 79, 83-84
- транскрипция 135
- *-go* (формант собирательных числительных) 116
- *kōptūj* 'медный' 121
- *-(l)lɜ* (Lat.) 101-102
- *šidēgə 'два' 116
- Карагасский диалект 31-32, 34-35
- Каузативные глаголы 103-112
- связь с пассивными глаголами 112-114
- Койбалы 36-37
- Койбалский диалект 35-37
- Коми язык, *-gd-* (суффикс каузативных глаголов) 111 (см. также Пермские языки)
- Куративные глаголы, см. Каузативные глаголы
- Манси, см. Обские угры
- Мансийский язык
- каузативные глаголы 106
- рефлекс сибилантов 119-120
- связи с венгерским языком 20-21, 55
- связи с самодийскими языками 66-67
- типы глагольного спряжения 83-85, 87-88
- *emka.m* 'меня самого' 96
- *-kí* (усилительная частица) 96
- *kit, kitij* 'два' 114-115, 118
- *-nà, -nàl, -nàt* (окончания Lat., Abl., Comit.) 98
- *šäx* 'соль' 54
- *tūlməx 'вор' 55
- Марийский язык
- атрибутивные и неатрибутивные формы числительных 117
- связи с мордовским языком 17-18
- связи с пермскими языками 18-19
- Маторский диалект 31-32
- Маторско-тайгийско-карагасский язык (МТК) 31-35
- заимствования 32
- историческая фонетика 40-41
- отрицательный глагол 67
- *-i* (Vx3Sg.), *-m* (Vx1Sg.), *-n* (Vx2Sg.?) 79
- *-nde* (Lat.) 99
- Мордовский язык
- объектное спряжение 88
- связи с марийским языком 17-18
- связи с финно-саамскими языками 15-17
- *-ka, -ke* (усилительная частица, 96
- *-me, -moks* (инфинитив) 17
- Нганасанский язык
- каузативные глаголы 109
- личные глагольные окончания 77-79
- Неатрибутивные формы, см. Числительные
- Ненецкий язык
- аккузатив и генитив личных местоимений 91-93
- диалектология 27-31
- историческая фонетика 28-29
- каузативные глаголы 107-108
- личные глагольные окончания 77-79
- связи с обско-угорскими языками 66
- транскрипция 134-135
- *šid'a, šid'axa* 'два' 115-116
- *šid-* (основа Асс. и Gen. личных местоимений) 91-93, 95
- *šid'* 'образ' 95
- *-wé* (суффикс причастий) 55
- *šipt'* 'свинец, олово' 121-122
- *šurko* 'веревка' 53
- Ненцы 28, 30-31
- Ностратическая реконструкция
- и проблемы глоттогонии 5
- система сибилантов 121
- типы глагольного спряжения 88
- (?) *šk (формант фреквентативно-итеративно-го значения) 74
- (?) *ka (формант аккузатива личных местоимений) 97
- Обские угры 56-57, 59-60
- Обско-угорские языки, см. Мансийский язык, Хантыйский язык
- Объектное спряжение, см. Типы глагольного спряжения
- Пассивные глаголы, связь с каузативными и рефлексивными 112-114
- Пермские языки
- праязыковое диалектное членение 25-26
- связи с марийским языком 18-19
- связи с угорскими языками 19-20
- *-g* (Vx1Sg.) 82-83
- "Пра-" vs. "обще-" 26-27
- Протосаамы 49-51, 56-57
- Пумпокольский язык, *s > *t, c, š* 123-125
- Рефлексивное спряжение, см. Типы глагольного спряжения
- Саамский язык, соотношение с самодийскими языками 49-51
- Самодийские языки
- аккузатив личных местоимений 90-93
- генеалогическое древо 38-39
- глоттохронология 45
- дивергенция 45-47
- каузативные глаголы 107-110
- классификация 37-45
- контакты с венгерским языком 52-56, 119
- лексикостатистика 38-39, 129-133
- местные падежи 99
- отрицательный глагол 67
- рефлекс сибилантов 120-122
- связи с угорскими языками 64-68

- соотношение взаимное 27-47
- соотношение с саамским языком 49-51
- соотношение с финно-волжскими языками 48-49
- типы глагольного спряжения 76-81, 83-85
- транскрипция 134-135
- шипящие согласные 49
- *-jŕ- (суффикс рефлексивных глаголов) 81
- *-δ(з) (Vx2Sg.) 81
- *-k (Vx1Sg.) 80
- *-k (Vx2Sg. императива) 88
- *-k (Vx3Sg.) 81
- *-kδ- (коаффикс местных падежей) 43-44
- *ki(t) (основа Асс. личных местоимений) 93
- *kite, *kitekāj 'два' 117
- *korā 'самец, олень-бык' 53
- *-m, *-m(з) (Vx1Sg.) 80
- *-n (Vx2Sg.) 80
- *-n- (коаффикс местных падежей) 100
- *-ntz (Lat.) 99
- *-ntz (Vx2Sg.) 80-81
- *tālājā 'вор' 54
- *-tz (Vx2Sg. императива) 88
- *wesä 'железо' 54
- Самодийцы 45-47
- антропологический субстрат 64
- прародина 56-57, 61-63
- связи с уграми 62-63
- Саянских горцев язык 33-35
- Северная группа уральских языков (гипотеза Я. Гуи) 51-52
- Северносамодийские языки
- аккумулятивные личных местоимений 93
- дивергенция 30, 46-47
- историческая фонетика 28-30
- личные глагольные окончания 77-79

- соотношение взаимное 46
- типы глагольного спряжения 83-85
- *-Rā-ptā-, *-ptā-Rā (суффиксы каузативных глаголов) 109
- *sit 'образ, подобие' 95
- Селькупский язык
- аккумулятивные личных местоимений 90-91
- историческая морфология 41-44
- историческая фонетика 40-41
- каузативные глаголы 109-110
- "каузируемость" 114
- отрицание 67
- превербы 70
- связи с обско-угорскими языками 66
- типы глагольного спряжения 42-43, 83-85
- -ylä (Transl.) 101-102
- -k (Vx1Sg.) 80
- -k (Vx3Sg.) 78-79, 81
- -n (Vx3Sg.) 78-79
- -nik (Dat.-All.) 99-100
- -nti (Ill.) 99
- qomtä 'деньги' 121-122
- šāq 'соль' 54
- šj- (основа Асс. личных местоимений) 90-91
- šittj, šittāqj 'два' 115
- -wlä (Transl.) 101-102
- ø (Vx3Sg.) 78-79
- Семитские языки, объектные местоимения 97
- "Сойотский" язык 32-35
- Сойоты 32-33, 35
- Спряжение, см. Типы глагольного спряжения
- Субъектное спряжение, см. Типы глагольного спряжения
- Тайгйский диалект 31-32
- Типы глагольного спряжения 70-88
- Топонимика
- обско-угорская в Западном Приуралье 59
- "самодийская" на -ma

- в Восточной Европе 57
- Транзитивизированные глаголы 103
- Тюркские языки
- историческая фонетика (*j- > n в хакасском и шорском) 41
- неатрибутивные формы числительных 117-118
- *küml' 'серебро' 121-122
- Угорские языки
- каузативные глаголы 103-107, 110
- общие черты 69-70, 117
- праязыковое диалектное членение 24
- рефлекс сибилантов 119-120
- связи с пермскими языками 19-20
- связи с самодийскими языками 64-68
- соотношение взаимное 20-22
- сохранение урал. *-n (Gen.) 100
- типы глагольного спряжения 83-85
- *-n- (коаффикс местных падежей) 97-98, 100
- Угры
- прародина 59-60, 62-63
- связи с самодийцами 62-63 (см. также Венгры, Обские угры)
- Удмуртский язык
- -ei- (суффикс каузативных глаголов) 111
- -d (Vx2Sg.) 83 (см. также Пермские языки)
- Уральская прародина 57-58
- Уральский праязык
- гипотеза двух уральских общностей (Я. Гуя) 51-52
- диалектное членение 23-24, 51-52, 57-58, 65
- личные окончания глагола 72, 82-83, 86-88
- методологические проб-

- лемы реконструкции 4-6, 26-27, 64-65
- распад 58
- система сибилантов 121
- типы глагольного спряжения 86-87
- формирование местных падежей 102
- *-δ(з) (Vx2Sg.) 82, 86
- *-jāk(з) (*-jāk(з) (Vx3Sg.) 82, 86-87
- *-k (Vx2Sg. императива) 88
- *-k(з) (*-kkz) (Vx1Sg.) 82, 86
- *-ka (соединительно-усилительная частица) 96
- *käktä, (?) *käktä-kä 'два' 118-119
- *ki (основа Асс. личных местоимений?) 95-97
- *ki (усилительная частица) 96
- (?) *ki- 'образ' 95
- *tä (локативная частица) 101-102
- *-ntz (Vx2Sg.) 82, 86
- *-tt- (суффикс каузативных глаголов) 110
- Финно-волжские языки, соотношение с самодийскими 48-49
- Финно-пермские языки
- каузативные глаголы 110-111
- *-l- (коаффикс местных падежей) 101
- Финно-саамские языки, связи с мордовским 15-17
- Финно-угорские языки
- генеалогическое древо и классификация 7-14, 20, 25-26
- лексикостатистика 11-15, 22
- модель дивергенции 22-26
- соотношение взаимное 7-27
- *ide 'душа; сам' 95
- Финно-угры 23-24
- Ханты, см. Обские угры
- Хантыйский язык
- каузативные глаголы 106-107

СОДЕРЖАНИЕ

- рефлексы сибилантов	119-120
- связи с венгерским языком	21
- связи с самодийскими языками	66-67
- типы глагольного спряжения	83-85, 87-88
- <i>kät, kätken</i> 'два'	114-115
- <i>-na, -nam, -nat, -ni-ŋät</i> (падежные окончания)	98
Хеттский язык	
- <i>amuk(ka)</i> 'меня'	97
- <i>-hi, -mi</i> (Vx1Sg.)	88
- <i>-t</i> (Vx2Sg. императива)	88
- <i>tuk</i> 'тебя'	97
- <i>-zi</i> (Vx3Sg.)	88
- <i>Ø</i> (Vx2Sg. императива)	88
- <i>Ø</i> (Vx3Sg.)	88
Числительные, атрибутивные и неатрибутивные формы	114-119

Энецкий язык	
- аккузатив и генитив личных местоимений	92-93
- историческая фонетика	29-30
- каузативные глаголы	108
- личные глагольные окончания	77-79
- <i>poned'e</i> 'заниматься чем-л.'	53
- <i>ši</i> 'подобие'	95
- <i>ši</i> - (основа Асс. и Gen. личных местоимений)	92-93, 95
"Южносамодийские" языки	39-45
- историческая морфология	41-44
- историческая фонология	40-41
- тюркские заимствования	40
Юрацкий диалект	27-31

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Г л а в а п е р в а я	
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВ ВНУТРИ ФИННО-УГОРСКОЙ И САМОДИЙСКОЙ ВЕТВЕЙ	7
1.1'. Проблемы соотношения финно-угорских языков	7
1.1.1. Генеалогическое древо финно-угорских языков	7
1.1.2. Финно-угорские языки в свете лексико-статистических данных	11
1.1.3. Попарные межгрупповые связи финно-угорских языков	15
1.1.4. Модель дивергенции финно-угорских языков	22
1.2. Проблемы соотношения самодийских языков	27
1.2.1. "Юрацкий" (старовосточный) диалект ненецкого языка	27
1.2.2. Маторский, тайгйский и карагасский языки	31
1.2.3. Проблема сойотского языка	32
1.2.4. Камасинский и койбалский языки	35
1.2.5. Классификация самодийских языков	37
1.2.6. Ход дивергенции самодийских языков в свете данных их классификации	45
Г л а в а в т о р а я	
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ ФИННО-УГОРСКОЙ И САМОДИЙСКОЙ ВЕТВЕЙ	47
2.1. Проблемы "особых отношений" между финно-пермскими и самодийскими языками	48
2.1.1. Финно-волжско-самодийская гипотеза Д.В. Бубриха	48
2.1.2. Самодийско-саамская проблематика	49
2.1.3. Гипотеза двух уральских общностей	51
2.2. Проблема венгерско-самодийских языковых контактов	52
2.3. Исторический фон древнейших угорско-самодийских языковых связей	56
2.3.1. Дивергенция прауральских диалектов и распад уральской языковой общности	57
2.3.2. Угорская эпоха	59
2.3.3. Самодийская эпоха	61
2.3.4. Связи между угорской и самодийской общностями	62
2.3.5. Антропологический аспект проблемы	63
2.4. Классификация и периодизация угорско-самодийских языковых связей	64

Г л а в а   т р е т ь я

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ ВЕН- ГЕРСКО-САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ.	68
3.1. Типы глагольного спряжения и их окончания. . .	70
3.1.1. Данные венгерского языка.	71
3.1.2. Данные самодийских языков	76
3.1.3. Сопоставление венгерских и самодийских данных.	81
3.1.4. Синтактико-семантические параллели. . .	83
3.1.5. Проблема интерпретации.	86
3.2. Аккузатив личных местоимений	88
3.2.1. Данные венгерского языка.	88
3.2.2. Данные самодийских языков	90
3.2.3. История развития венгерских форм. . . .	93
3.2.4. Проблема интерпретации.	95
3.3. n-овые показатели местных падежей.	97
3.3.1. Данные угорских языков.	97
3.3.2. Данные самодийских языков	99
3.3.3. Сопоставление угорских и самодийских данных.	100
3.3.4. Проблема интерпретации.	101
3.4. Образование каузативных глаголов	103
3.4.1. Данные венгерского языка.	103
3.4.2. Данные обско-угорских языков.	106
3.4.3. Данные самодийских языков	107
3.4.4. Проблема интерпретации.	110
3.4.5. Пассивные глаголы венгерского языка . .	112
3.5. Атрибутивная и неатрибутивная формы числи- тельного 'два'	114
3.5.1. Данные угорских языков.	114
3.5.2. Данные самодийских языков	115
3.5.3. Проблема интерпретации.	117
3.6. Развитие сибилантов.	119
3.6.1. Данные угорских языков.	119
3.6.2. Данные самодийских языков	120
3.6.3. Сопоставление угорских и самодийских данных.	121
3.6.4. Типологические параллели.	123
3.6.5. Проблема интерпретации.	123
ÖSSZEFOGL LÁS	126
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Диагностические списки слов шести самодийских языков для лексикостатистического анализа	129
ТРАНСКРИПЦИОННАЯ ПЕРЕДАЧА ЦИТИРУЕМОГО МАТЕРИАЛА	134
ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	136
Сокращения языков и диалектов	155
Прочие сокращения	156
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.	157